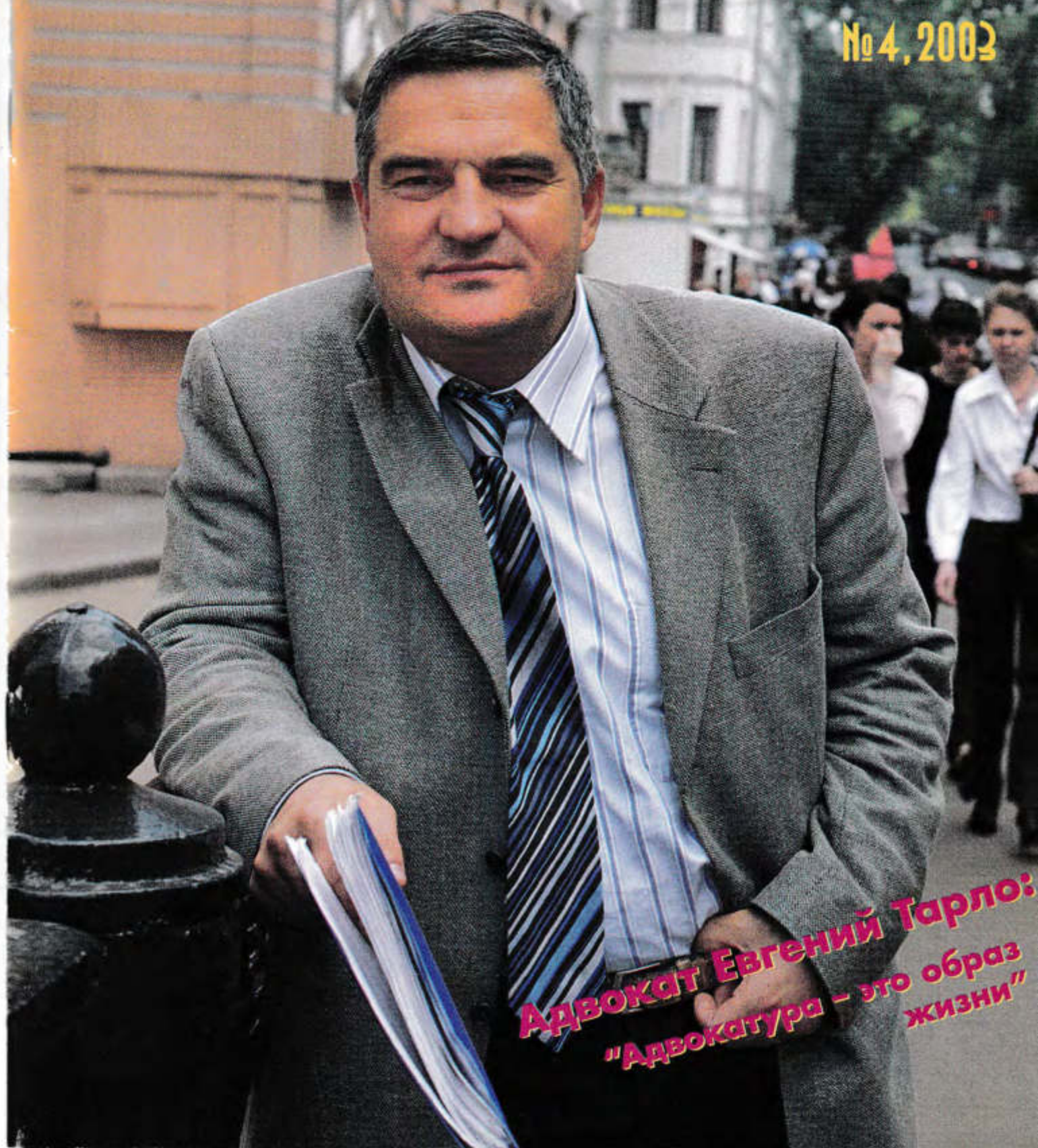

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

ISSN 1025-7226

№ 4, 2003

**Адвокат Евгений Тарло:
"Адвокатура – это образ
жизни"**

ВСТРЕЧА НА ЗОЛОТЫХ ПЕСКАХ

В Болгарии, на черноморском курорте Золотые Пески, прошел очередной семинар-совещание адвокатов, организованный Федеральной палатой адвокатов РФ и Гильдией российских адвокатов. Повестка дня была самой актуальной: «Практика применения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». С докладами выступили президент Федеральной палаты Евгений Семеняко, президент Гильдии российских адвокатов Гасан Мирзоев, вице-президент Адвокатской палаты Москвы Валерий Золманов, болгарский адвокат Янчо Нестеров.

Экскурсии по историческим местам, встречи в неформальной обстановке наверняка надолго останутся в памяти участников семинара.

Захар РОМАНОВ,
спецкор журнала
«Российский адвокат»

Фото автора

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1995 г.
Выходит один раз в два месяца

Учредитель – ГИЛЬДИЯ РОССИЙСКИХ АДВОКАТОВ

Редакционный совет

Г.Б. МИРЗОЕВ, председатель редакционного совета, президент Гильдии российских адвокатов

А.Э. БУКСМАН, начальник Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве

А.П. ГАЛОГАНОВ, заместитель председателя редакционного совета, президент Адвокатской палаты Московской области

В.Я. ЗАЛМАНОВ, вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы

В.С. ИГОНИН, первый вице-президент Гильдии российских адвокатов

А.П. КЕЗИНА, руководитель Департамента образования г. Москвы

Н.Н. КЛЁН, первый вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы

О.Е. КУТАФИН, ректор Московской государственной юридической академии

М.А. МИТЮКОВ, полномочный представитель Президента России в Конституционном суде РФ

Г.М. РЕЗНИК, заместитель председателя редакционного совета, президент Адвокатской палаты г. Москвы

Е.В. СЕМЕНЯКО, президент Федеральной палаты адвокатов РФ

В.Г. СТРЕКОЗОВ, заместитель председателя Конституционного суда РФ

Ю.Я. ЧАЙКА, министр юстиции РФ

С.В. ЯСТРЖЕМБСКИЙ, помощник Президента РФ

Главный редактор

Р.А. ЗВЯГЕЛЬСКИЙ, вице-президент Гильдии российских адвокатов

Редакция

О.Т. АНКУДИНОВ, начальник управления Генеральной прокуратуры РФ

П.Д. БАРЕНБОЙМ, вице-президент Международного союза адвокатов

И.М. ВАШКЕВИЧ, заместитель главного редактора

В.В. ВИТЯНСКИЙ, заместитель председателя Высшего арбитражного суда РФ

Г. А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, президент Международного союза адвокатов

Н.К. ДОРИЗО, поэт, лауреат Государственной премии России

А.А. КЛИШИН, председатель президиума Межтерриториальной коллегии адвокатов «Клишин и партнеры»

Ю.А. КОСТАНОВ, председатель президиума коллегии адвокатов «Адвокатское партнерство»

П.В. КРАШЕНИННИКОВ, председатель Комитета Государственной думы РФ по законодательству

В.Н. КУДРЯВЦЕВ, академик РАН, доктор юридических наук

С.М. ЛИНОВИЧ, генеральный директор АО «Московские учебники»

В.И. РАДЧЕНКО, первый заместитель председателя Верховного суда РФ

М.М. РАССОЛОВ, проректор по учебной части Российской правовой академии Министерства юстиции РФ

Журнал зарегистрирован
Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 013485

Наш адрес в Internet:
<http://gra.litisa.ru>

E-mail: GRUSADVOCAT@MTU-NET.RU

Адрес редакции:

105120, Москва,
М. Полуярославский пер., 3/5
Тел.: (095) 917-7546
Факс: (095) 975-2416

В НОМЕРЕ:

№ 4, 2003

Ю. Любимов «Скажи еще спасибо, что живой...»	4
Ю. Сорокин Дорога не обещает быть легкой	8
И. Вашкевич Меж Печорой и Вычегдой	10
А. Горшенков Главный адвокат республики	12
Л. Тиунов По обе стороны барьера	14
Л. Маркина Тринадцатый заседатель	16
Н. Рочева Подлог	18
О. Истомина Покушение на стереотип	29
И. Михайлов Правовой фундамент стройки	30
В. Рязанцев Шрамы на сердце	32
В. Буробин К адвокату просится стажер	36
В. Садовский В тени статуи Свободы	38
М. Федоров Магарыч	46

Наша обложка:
Председатель коллегии адвокатов «Тарло и партнеры» Евгений Тарло

Фото Александра Карзанова

Стр. 4-7

Художественный руководитель Театра на Таганке, народный артист России Юрий Любимов: «Благороднейшая профессия адвоката... едва не оказалась на грани вырождения...»

Стр. 10-11

Получив поддержку Конституционного суда РФ, адвокат из Республики Коми вернул квартиры тысячам сограждан

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ «МОСЮРЦЕНТРА»

Одна из первых коллегий адвокатов «новой волны», ставшая впоследствии инициатором создания и ядром Гильдии российских адвокатов, – коллегия «Московский юридический центр» завершает реорганизацию на основе нового законодательства. На общем собрании коллегии, насчитывающей ныне более 800 членов, утвержден обновленный Устав, избран президиум обновленной коллегии. В его состав вошли З. Батракова, В. Игонин, Л. Манахов, Г. Мирзоев (председатель), Ю. Платонов, Л. Савельева, Т. Свит, А. Шехтер и О. Юдина. Утвержден также состав рабочей группы, которой поручено доработать пакет уставных документов и представить их на госрегистрацию.

УВЕРЕННЫЙ СТАРТ

В хорошем деловом ритме, без «раскачки» приступил к работе Совет Адвокатской палаты Московской области. Заседания Совета проходят по плану каждые две недели, иногда, по необходимости, даже чаще. Таким образом, с конца ноября прошлого года состоялось уже около двадцати подобных мероприятий, каждое из них отвечало на насущные вопросы адвокатуры столичного региона.

Первым же своим решением Совет палаты определил, что каждый областной защитник должен неукоснительно выполнять требования закона об оказании юридической помощи по назначению. Определен и порядок материальной компенсации такого труда адвокатов. Налаживается взаимодействие Совета со структурами государственной власти Московской области. Адвокатские руководители тесно сотрудничают с правовым управлением аппарата правительства области, с управлением региональной безопасности. В работе квалификационной комиссии палаты участвуют два представителя областной думы.

Стр. 36-37

НА ВОЛНЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

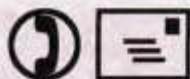
Как известно, по закону об адвокатуре уже два человека могут организовать адвокатское бюро, а то и коллегия адвокатов. Конечно, до авторитета своих старших и более многолюдных «сестер» таким новообразованиям будет пока далеко, но подобное обстоятельство не остановило товарищей по цеху, пожелавших пуститься в самостоятельное плавание.

Лидирует в этом процессе Москва. Вместо прежних 14 здесь уже зарегистрировано 75 коллегий адвокатов и 76 адвокатских бюро. Больше всего коллег отпочковалось от МГКА: они образовали 6 коллегий и 53 бюро. Коллегия адвокатов «Мосюрцентр» породила в столице 11 новых коллегий и 5 бюро. Межтерриториальная коллегия «Гильдия российских адвокатов» – соответственно 11 и 1. Претерпели реорганизацию и другие адвокатские объединения столицы.

Из старых питерских образований, как сообщили в Адвокатской палате Санкт-Петербурга, выделилось 30 новых коллегий и бюро. И здесь едва ли не самое многочисленное созвездие адвокатских кабинетов: их уже 74. Интересны сведения о реорганизации некоторых областных коллегий. Так из Пермской областной выделилось лишь 3 юрконсультации (одна коллегия и 2 бюро), 10 адвокатов открыли свои кабинеты. В Оренбурге из 3 работавших в области коллегий выделались 41 новая и 3 бюро. Зато основано уже 112 адвокатских кабинетов.

Если заработок мизерный или его вообще нет, то почему ученик должен оказаться в лучшем положении, чем учитель?

...ИЗ МАХАЧКАЛЫ

Практически завершена реорганизация адвокатских сообществ Республики Дагестан. Наибольшее количество защитников, как и прежде, объединено в коллегии адвокатов республики: лишь немногие выделились из нее в форме самостоятельных коллегий, бюро, адвокатских кабинетов. Интересно, что наблюдался и обратный процесс: около тридцати человек, наоборот, влились в старейшую адвокатскую организацию республики из других адвокатских объединений, действовавших в Дагестане до принятия известного закона.

...ИЗ РОСТОВА-НА-ДОНУ

Полку адвокатских изданий прибыло. Вышел в свет первый номер информационно-аналитического правового журнала «Южно-российский адвокат», учрежденный Адвокатской палатой Ростовской области. О нем уже поступили хорошие отзывы коллег из южных регионов страны. Периодичность выхода издания – один раз в два месяца.

...ИЗ ИВАНОВА

Являясь во многом пионерами в работе с новым институтом мировых судей, ивановские адвокаты охотно распространяют свой опыт в других областях России. Они провели семинары с ролевой игрой в Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Вологде, других городах. А на подобном мероприятии, состоявшемся в родном Иванове, присутствовали представители Американской ассоциации юристов.

...ИЗ ПЕНЗЫ

За основу областного закона об адвокатуре пензенцы взяли аналогичный проект свердловчан. Сейчас в Совете Адвокатской палаты идет его доработка. Пензенская областная коллегия адвокатов получила по итогам 2002 года специальный грант от фонда Агентства внешней помощи малому и среднему бизнесу. Благодаря ему коллегия значительно улучшила техническую оснащенность своих подразделений.

...ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА

С 2000 года органы внутренних дел Свердловской области задолжали только областной коллегии адвокатов 2,5 миллиона рублей. Пришлось адвокатам обращаться в суд. Постановлением арбитражного суда деньги решено взыскать с казны Российской Федерации. Соответствующий исполнительный лист был направлен в Минфин РФ. Однако и это не решило проблемы. Не возмели своего действия и письма министру финансов и председателю правительства страны с напоминанием о необходимости неукоснительного выполнения судебных решений. Теперь руководством палаты направлено подобное послание Президенту России.

...ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

«Адвокатское бюро Нарышкиных», насчитывающее более 130 юристов, преобразовано в коллегию адвокатов. Здесь четко отработана методика оказания круглосуточной юридической помощи, к примеру, при задержании подозреваемых. Нередко адвокаты выступают и в арбитражных судах всех инстанций. Довелось им обращаться и в Европейский суд по правам человека в Страсбурге. Одна из немногих новая коллегия издает собственную газету – «Адвокатский Петербург».

ЧТО НАСЧИТАЕМ В ДЕКАБРЕ?

Не дожидаясь официального старта, намеченного на сентябрь, в стране набирает обороты кампания по выборам депутатов Государственной думы РФ нового созыва. Давно известны и основные участники предстоящей борьбы. Так что впору определиться и нам: с кем вы, деятели российской адвокатуры?

Шаг этот нужен, разумеется, вовсе не для того, чтобы обременить себя партийными поручениями или придать собственному мировоззрению некую идеологическую направленность. С этим, полагаем, каждый адвокат справится самостоятельно. Однако все мы заинтересованы в достойном представительстве нашего сообщества в высшем законодательном органе страны и, значит, не вправе пускать это важное дело на самотек, должны хотя бы повторить успех четырехлетней давности, когда нашими депутатами стали президент Гильдии российских адвокатов Г. Мирзоев и председатель президиума Восточно-Сибирской коллегии адвокатов Ю. Курин.

Впрочем, на этот раз наши шансы могут оказаться и весомее. Ведь в 1999-м для участия в выборах удалось сплотить лишь часть адвокатского сообщества. Основную организаторскую роль тогда взяла на себя Гильдия российских адвокатов, учредившая общероссийскую общественную организацию «Юристы за права и достойную жизнь человека». Ныне происходит сплочение адвокатуры, и свое слово может и должен сказать также Совет Федеральной палаты адвокатов РФ. Тем более что организация юристов – главный инструмент предстоящей работы – продолжает действовать и уже высказалась за участие в избирательной кампании.

Судя по всему, это решение находит поддержку в самых широких адвокатских кругах. В образованный Координационным советом организации юристов президиум – своего рода штаб избирательной кампании – наряду с Г. Мирзоевым, В. Игониним и другими гильдийцами вошла член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ Л. Дмитриевская. О готовности выступить координаторами предвыборной работы в регионах заявили президенты Адвокатских палат В. Чехов (Краснодарский край), Ю. Денисов (Владимирская обл.), Ш. Махмутов (Башкортостан), Р. Теунаев (Карачаево-Черкессия), Я. Абдулкадыров (Чечня) и Ю. Припузов (Якутия), вице-президенты С. Дубинин (Карелия) и А. Паулов (Самарская обл.) и др.

Что ж, соединив усилия, проявив профессиональную солидарность независимо от личных политических пристрастий, мы, и в самом деле, способны обеспечить достойное представительство адвокатуры в Государстве России.

НА ВЫБОРЫ ИДЕМ ВМЕСТЕ

В Москве в штаб-квартире «Единой России» прошло очередное совещание Консультативного совета общественных объединений при Генеральном совете партии. Одним из вопросов повестки дня рассматривался прием в состав Консультативного совета новых общественных объединений. Среди них в совет вошла общероссийская общественная организация «Юристы за права и достойную жизнь человека». Секретарь Генерального совета партии В. Богомолов и председатель Консультативного совета, депутат Госдумы РФ А. Исаев вручили свидетельство о приеме председателю Координационного совета организации, депутату Госдумы РФ Г. Мирзоеву и поздравили его с этим событием.

Фото Захара ПОМАНОВА

Беседа главного редактора журнала «Российский адвокат» Р. А. Звягельского с художественным руководителем Театра на Таганке, народным артистом России Ю. П. Любимовым

– Юрий Петрович, Ваше критическое отношение к власти известно с давних пор. А в своих «Рассказах старого трепача» Вы, мягко говоря, без особого энтузиазма высказываетесь и о возможностях нашей юриспруденции, в том числе об адвокатуре. Чем это вызвано?

– Видите ли, я не терплю фальши, не люблю абстракции, как и теории в чистом виде. Я ведь не теоретик театралный, а практик. Хотя если художественное полотно, к примеру, задело за живое, могу размышлять за рамками обыденного, софантазировать с автором. Когда же творение модерна не вызывает внутри никаких чувств, отклика, обращаюсь к классическим формам живописи.

Юриспруденция, особенно у нас в стране, в чем-то сродни абстрактному искусству: авторская идея, в данном случае законодательская, бывает или оторвана от реальной жизни, или не совпадает с практическим трактованием настолько, что оказывается недееспособной. На разных этапах нашего существования она решала и классические, и абстрактные, нередко взаимоисключающие друг друга правовые задачи. Причем всегда решала откровенно в интересах власти, не особо задаваясь вроде бы отвлеченным, но тем не менее определяющим для правоведов вопросом: что важнее – человек, гуляющий в лесу, или лес, в котором гуляет человек?

Для власти предрасположенной все было до такой степени определено, что благороднейшая профессия адвоката, как защитника прав и свобод личности, едва не оказалась на грани вырождения. Ну мешали миссионеры права самоутверждаться советской власти черными делами с лозунгами чистых помыслов и рук. И немногие адвокаты, к сожалению, нашли в себе силы до конца противостоять произволу. А в нашей стране, которая живет довольно незаконно, это особенно важно.

– Почему-то Вы не очень почитательно отзывались и об одном западном адвокате.

– Он оказался настоящим треплом. Говорил-говорил, но ничего не сделал, не выполнил условий договоренности. При этом обманул на приличную сумму. Адвокаты, по-моему, вообще любят если не приврать, то преувеличить свои возможности. Это какой-то грех профессии, что ли. В принципе же, в нашей стране в старину была хорошая школа юридической защиты. И весьма прискорбно, что многое из того опыта утрачено, многое продолжаем терять по причине непонимания, равнодушия, косности. Или я уже брюзжать начинаю от старости?

– Какая старость! Я видел, как Вы резко выбежали, просто по-юношески вылетели на сцену Колонного зала по-

здравлять главного раввина России Адольфа Шаевича с днем рождения.

– Ведущий Эммануил Виторган объявил конкурс на самое короткое поздравление. И я тогда выиграл первый приз.

– ?

– Произнес одно слово: «Люблю!». При этом быстрее всех прилетел, быстрее всех убежал.

– А говорите о старости... Это был экспромт или сказала школа?

– Прежде всего, конечно, отношение к действительно прекрасному человеку. Ну и школа, несомненно, жизненная, человеческая. Учился-то я, в самом деле, много. Не как Ленин призывал вообще «учиться, учиться и учиться», а конкретному делу, у великих мастеров. Так судьба сложилась, что я со многими известными писателями, художниками, музыкантами, учеными был знаком. Среди друзей нашего театра масса разноразличных людей. Пастернак, Шостакович, Мейерхольд, Сахаров, Эйзенштейн, Ростропович, Капица, Окуджав, Аксенов, Ахмадулина, Евтушенко, Вознесенский, Слуцкий, Искандер, Битов... Да всех не перечислишь.

Как-то, уже давным-давно, меня с Булгаковым друг его Эрдман познакомил. Так что, можно сказать, благословение на постановку бессмертного булгаковского творения «Мастер и Маргарита» я получил из рук самого Михаила Афанасьевича. Недаром же

«Спасибо, что живой...»

спектакль выдержал более тысячи представлений. Идет более 25 лет.

— Если попытаться перелистать Вашу жизнь, в ней столько событий! «Штурм» Вас от всенародной любви и полного отторжения властью. Среди блистательно сыгранных ролей самые разные — от колхозника до вождя. В том числе вроде бы далекая от диссидентского имиджа героико-патриотическая роль Олега Кошевого из «Молодой гвардии» в Вахтанговском театре, например.

— Кирилл Извеков из «Первых радостей» и т. д., и т. д. Покойный Фадеев в свое время даже представлял меня к премии за Олега Кошевого. Одного представлял. Но тогда Сталин разругал «Молодую гвардию» и все...

— Однако Сталинскую премию Вы все же получили.

— За Егора Булычева. Получил — успел. Последнюю Сталинскую премию.

— Что же так сильно повлияло на Вас, заставило пересмотреть свое отношение к власти, к социалистическому строю? Вы были вполне успешны, востребованы как профессионал, весь такой награжденный и обласканный.

— Понимаете, жизнь ведь — не сплошь безоблачное весеннее небо. Когда снимали «Кубанских казаков», я был молодым артистом. Родился первый сын, денег нет... Вот и сыграл того чубатого казака-колхозника. Волосы покрасили: был черным, стал блондином. Уже само по себе это вызывало непонимание: красить человека в кино вроде бы глупо. Но тогда «красили» все, и до поры до времени я сравнительно спокойно воспринимал происходящее на съемочной площадке. Пока одна старая казачка из местных как-то не спросила меня:

— Сынок, из какой же это жизни все?

— Да из нашей, бабушка.

— Что же ты, молодой такой, а врешь. Это ж сказку сымають.

Действительно, на съемочной площадке у нас изобилие всего, а в деревне рядом жрать нечего, люди в рванье. Чтобы еду не разворовали, сторожа приставили. Народ полунищий, а тут сплошь веселье, комедия разыгрывается. Задумываешься... К тому же режиссер Пырьев вел себя бестактно, как барин, и я вынужден был сказать ему: ведите себя прилично, иначе уйду. И палку его излюбленную вырвал и вышвырнул. Он, конечно, страшно рассердился, сократил мою роль, вообще вымарал потом фамилию из титров. Зловредный был человек, нечто вроде помеси купцов Достоевского с купцами Островского. А Марина Алексеевна Ладынина была женщина спокойная, не мнила о себе, что она великая, работала и работала. Ко мне очень хорошо относилась, несмотря на немилость мужа.

Тогда вообще возмущало многое: идеологическая заштампованность, творческая

несвобода, культурная самоизоляция, закрытость границ, обман, откровенная ложь во всем и вся. Как тогда говорили: в «Правде» нет известий, в «Известиях» нет правды. Власть сузила богатейший словарный запас русского языка, насытив его идеологическими, демагогическими идиомами, партийными, бюрократическими жаргонизмами. Цензура жестко отслеживала игру по установленным ею правилам. Почти по принципу: шаг влево, шаг вправо...

Формально, по закону могли преследоваться разглашение военной и государственной тайны, порнография, открытое выступление за свержение правительства, призыв к войне. Но закон для иных что дышло, трактовать его положения, если в твоих руках сила, власть, можно и так и сяк. Вот под маркой антисоветчины и подавлялась всякая живая мысль, любая попытка самовыражения. Зато лубочных «Кубанских казаков» стали выдавать за «прозрение» великого режиссера: мол, он предвидит наше светлое будущее.

— «Жаль, только жить в эту пору прекрасную»...

— Мы-то с Вами дожили. Пятьдесят шестой год — это как свежий ветер. Вроде как открыли окна, проветрили. «Новый мир» Твардовского, появление плеяды талантливых художников, множество интереснейших спектаклей, концертов, публичных выступлений писателей, поэтов, ученых. Люди смогли свободнее говорить, обмениваться мнениями, дискутировать, раскрепощеннее творить. Не было бы очищающих XX и XXII партийных съездов, не было бы и Театра на Таганке.

Жаль, многим не довелось дожить... Помню, как-то поздно вечером, еще до этих событий, неожиданно позвонил мой друг Эрдман: «Юра, зайдите ко мне, я хочу Вам

что-то рассказать». Жили мы тогда в одном доме на Садовом кольце, напротив американского посольства. Когда я пришел к нему, он налил по рюмке коньяка и говорит:

— Я должен перед Вами извиниться.

— За что, Николай Робертович?

— Я говорил раньше, что не доживу, не увижу тут ничего приличного, но Вы-то можете увидеть лучшее. Так вот, я извиняюсь, Вы тоже не увидите ничего хорошего.

Эрдман ошибся относительно меня, но не в принципе. Он был одним из настоящих провидцев в отличие от назначенных властью. Во многом благодаря таким людям, когда я ушел из актеров, быстро понял, что профессия режиссера требует, во-первых, совершенно другого взгляда на артистов, во-вторых, более пристального внимания к тому, что творится за окнами. Искусство в принципе, как и погода, неуправляемо. Важно не упустить «солнечный луч», поймать свою жар-птицу. А для этого необходимо постоянно внимательно присматриваться к людям, познавать их психологию, уметь воссоздавать характеры в любой форме: в гротескной комедии, трагифарсе, трагикомедии, в любых жанрах: опере, балете, мюзиклах. И искать, все время искать, ибо архаика жанра убивает даже гениальную музыку, мысль, идею.

— О Театре на Таганке иногда говорят, что это чисто режиссерский театр, надо всем довлеет авторитет Любимова. Имеют ли у Вас актеры право на импровизацию, к которой Вы сами, еще работая в Вахтанговском, часто прибегали?

— В свое время так говорили о МХАТе, мол, в нем нет актеров, есть только Станиславский с Немировичем. Скучно это слушать, повторять. Дело, очевидно, в другом. Может, несколько противоречиво прозвучит, но

Юбилера поздравляет мэр Москвы

На репетиции

я не люблю натуралистический театр. Даже ставя прозу, все равно стараюсь делать спектакль поэтичным. Ищем метафоры, пространственную, световую, мизансценическую гармонию. В поэзии это как-то особенно сжато, сконцентрированно.

К животворному роднику духовности тянутся, хотя из него испить все. Наш зритель особенно чуток к честности художника. Несмотря на природную свою консервативность, люди сразу чувствуют, кто делает карьеру, а кто честно служит искусству. И публика всегда благодарна тем, кто помогает утолить духовную жажду, духовный голод.

— Но уж если что-то нам не нравится, выбивается из рамок привычного, начисто отторгаем: коль мне непонятно, зачем это вообще нужно. Хотя многим, и в самом деле, непросто представить, к примеру, Галилея рассуждающим о вреде схоластики, об относительности движения, законах инерции, свободного падения... стоя на голове. Но видишь в его роли Высоцкого и начинаешь понимать и принимать эту режиссерскую находку.

— Некоторые чиновники от искусства сразу назвали ту колоритную сценку безобразием и хулиганством. Как это — великий ученый стоит у вас на голове? Почему? Пришлось объяснять, что он гимнастикой занимается, как Джавахарлал Неру, увлекавшийся йогой, — глава Индии тогда находился с визитом в Москве. От нас отстали.

Чувство эстетики зависит ведь не от положения, не от образованности человека. Бывает, и ученые мужи лишь делают вид, что им интересно, а на самом деле им скучно, в то время как простые люди целиком захвачены увиденным.

— Даже Венера Милосская, Сикстинская мадонна вызывали не только восхищение. А Лев Толстой вообще считал, что музыка вредна, так как вызывает в человеке несвойственный ему подъем

души, прекрасные миражи. Витаешь в облаках, потом — бах: возвращаясь из грез на землю, больно ударяешься о действительность.

— Примерно так же отзывался о театре Руссо: мол, поднимает он вас, поднимает, а потом... Гений ощущает всю землю, все миры. Микеланджело — удивительное явление, которое охватило весь мир, поднялось надо всем, впитало все культуры. Думаю, гражданином мира, частицей всего общего ощущал себя Пушкин. Не случайно русские писатели, почти без исключения, боготворят его. Прекрасно сказал Твардовский: «Если уж вы не можете обойтись без культа личности, сделайте культ личности Пушкина». Пушкин универсален. Это государственный ум. Даже если бы он написал только свои письма, это уже был бы «памятник нерукотворный». А его докладная царю с предложениями по усовершенствованию образования, попытка написать историю России...

— Почти сорок лет назад благодаря Владимиру Семеновичу Высоцкому я познакомился с Театром на Таганке. Встретились мы с ним на одной из вечеринок у моих родственников. Когда он узнал, что я служу «на самом краешке земли», стал детальнейшим образом расспрашивать о Чукотке, ее людях и о... собачьих упряжках. И как же у него глаза разгорелись, когда я сказал, что в фильме «Белый клык» по Джеку Лондону упряжки показаны неверно. Первым в связке всегда идет вожак — самый сильный, авторитетный пес, за ним в парах — остальные. Тогда-то Высоцкий и пригласил меня посмотреть «Жизнь Галилея». Я был поражен его игрой, спектаклем в целом. Театр на Таганке, Любимов, Высоцкий... Это звучит, как нераздельная данность и в то же время как пароль, знак качества искусства. Владимир Семенович мог стать тем, кем он стал, только в этом театре? Или для такого таланта среда особой роли не играет?

— Думаю, не случайно он сам на многих своих концертах подчеркивал, что родился, стал на ноги именно в «Таганке». Вся атмосфера театра, люди, с которыми здесь приходится общаться, работают на утверждение, развитие индивидуальности. У нас был уникальный худсовет, в который входили самые блистательные умы: ученые, писатели, музыканты — Абрамов, Можжев, Трифанов, Денисов, Шнитке, Шостакович, Калица... Мощное интеллектуальное «окружение» у «Таганки» было всегда. Это помогло Володе так раскрыться и взлететь, прозвучать ярко, мощно.

— Незадолго до своей смерти Высоцкий посвятил Вам песню «Скажи еще спасибо, что живой...». Как предчувствовал, чем может завершиться Ваше противостояние с властями, давление цензуры на театр. «Учитывая, что Ю. П. Любимов систематически занимается враждебной Советскому Союзу деятельностью, наносит своим поведением ущерб престижу СССР...» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 июля 1984 года Вас лишили гражданства, фактически изгнали из страны. Что давало Вам силы не просто выстоять, но и ставить неповторимые спектакли в самых разных жанрах, продолжать создавать уникальный облик театра Любимова?

— Когда был актером, я не придавал театру политического значения, вообще обращал мало внимания на политику и политиков — я очень много играл. В заграничных командировках много читал, сравнивал. Уже тогда осознавал, что догматизм — смертельный яд для искусства. Было непонятно, почему люди, которые хотели показать, что мешает нашему обществу нормально развиваться, оказывались не нужными этому обществу.

При однопартийной системе власть не терпит противодействия ни в каком виде. Ей нужна вялая, полусонная масса, беспрекословно выполняющая указания свыше. И вер-

хи, как могли, освобождались от инакомыслящих. Но нельзя считать высшим достоянием гражданина беспрекословное, полное послушание — это рабство, гражданская смерть. Понимать — значило пробуждаться от политической спячки, освобождаться от пут.

Придавало силы то, что я имел возможность заниматься любимым делом. Они считали, что я за рубежом или погибну, или буду существовать на какое-то жалкое пособие. Слава Богу, я имел работу в очень хороших театрах в разных странах мира. Чтобы нормально жить, быть успешным там, надо очень много трудиться, выпускать три-четыре премьеры, как они говорят, продукции. Здесь же были заинтересованы, чтобы их у меня было как можно меньше. Премьеры, если не задерживались, то вообще закрывались или по цензурным соображениям по 5–6 раз переделывались. Чиновники учили всех, как писать пьесы, стихи, музыку, как вести себя, что можно говорить, чего нельзя. Глупые нравования по приказу свыше крайне угнетающе действовали на состояние, настроение людей — на всю атмосферу в стране.

Я привык здесь бороться с этим, как руководитель занимался разрешением всех театральных и околотеатральных проблем. Так что любой вопрос, даже касающийся финансов, мог решить вполне компетентно. Называл сроки, а там они очень сжатые, и укладывался в них. На моих плечах были совсем маленький, трехлетний сын Петька, жена, мама жены. Огромная ответственность за них. Мне ведь угрожали, что выкрадут ребенка, пытались выманить сюда и здесь судить.

Грустно говорить, но за семь лет там я сделал больше, чем здесь за двадцать. Как и Андрей Тарковский, другие мыслившие и творившие не по чьей-то указке, а по велению души и собственного разума.

— Скромность, конечно, украшает человека. Но каждый Ваш спектакль — событие в культурной жизни, не проходит незамеченным. Вот и к 80-летию Солженицына Вы поставили резонансный, как всегда, спектакль «Шарашка», причем сами сыграли роль Сталина. Реакция неоднозначна: одни восприняли обращение к этой теме как предупреждение, другие чуть ли не как ностальгию по крепкому государственному порядку.

— Я никого не предупреждаю. Просто мы с Александром Исаевичем давно знакомы, и я считал, что с ним обошлись не очень прилично. Помните, в анекдоте: «Идут Чапаев с Петькой, навстречу им Анджела Дэвис. Чапаев спрашивает:

— Это кто ж такой, Петька?

— Я так думаю, Василий Иванович, что это Солженицер.

— У-у, мать твою, как же они его очернили!».

Когда Солженицын вернулся в родные края, многие брюзжали. Мне казалось, что я должен сделать ему ко дню рождения что-то приятное. Сошлись с ним на «в кругу первом». Назвал спектакль «Шарашкой» сам Александр Исаевич.

На премьерке Солженицыны были всем семейством. Александру Исаевичу хотели

тогда вручить орден Андрея Первозванного от имени Президента России. А он вдруг сделал заявление, что не может принять орден, пока народ российский живет так плохо, и что он об этом предупреждал господина Ельцина, просил не награждать. Никто его не послушал, думали, он просто так говорит, капризничает.

— Когда он жил в Вермонте, ловили каждое его слово, советовались, как лучше обустроить Россию. Теперь же из подмосковного Троице-Лыкова, с трибуны Государственной думы сказанное им доходит почему-то плохо.

— А кто сейчас на кого обращает внимание? Раньше говорили: «лампочка Ильича» и еще — мне все до лампочки. К сожалению, вот так — до лампочки — многое для многих и остается. Поэтому творится беззаконие и имеем то, что имеем. Очень трудно нам сейчас войти в русло нормальной жизни. Долгие годы уйдут на восстановление подорванного здоровья государства, общества, народа.

— Вы хотите сказать, на укрепление порядка в масштабах государства? Все чаще ведь звучат голоса: с этой демократией, дескать, совсем разболтались, Сталина на них нет.

— Так рассуждать просто глупо. Хотя для нас влияние компартии — как пробки на дорогах: недовольны все, ругаются, но сидят в этих пробках. Между тем советская идеология вообще подобна закупорке вен. Бесконечные тромбы куда ни глянь. Мы продолжаем терять своих граждан там, где утрат быть не должно. Из-за плохой медицины, никудышного воспитания подрастающего поколения. Есть хорошие врачи — нет лекарств. Прекрасные педагоги уходят из образования, потому что зарплаты мизерные. А чиновники, сначала в очередной раз подняв и без того высокий потолок собственных льгот, в долгих прениях потом принимают решение о прибавке бюджетникам и пенсионерам 20–30 рублей. От нас же ждут чуть ли не аллодисментов. Они что, совсем не бывают в магазинах? Как можно жить на такие деньги?

Мы вообще плохо работаем. Чтобы исправить положение дел, надо прежде всего начать, как это ни банально звучит, с эле-

ментарного — хорошо, рентабельно работать, соблюдать дисциплину, требования закона. Радует, что нынешние молодые люди понимают это. Они осознают, что у нас нет иного выхода. Начинают сами строить свою жизнь, с младых ногтей учатся, готовятся отвечать за себя, свою семью. Представляю, что такое дисциплина труда.

— В своем обожании «Таганки» я, конечно, не оригинален. Многочисленным поклонникам Вашего искусства сегодня больно смотреть на любимый театр, напоминающий разрезанный противоречиями, конфликтами на две части Корейский полуостров. Что происходит? Губенко же Ваш воспитанник.

— Нет, не мой. Это воспитанник Сергея Герасимова. Я взял его из ВГИКа. Видел его актерский талант, знал и его особенности. Потом он стал режиссером кино, занялся политикой, интригами. Я даже телеграмму господину Ельцину послал: вот так будут все разворовывать, расхищать. Но он не потрудился ответить. Не хочу, совсем не хочу говорить на эту тему. Пусть Губенко выступает, спасает наше Отечество. Мы будем, как всегда, работать, заниматься своим делом.

— На Чукотке мне подарили щенка — помесь лайки с волком. Из таких получаются сильные, выносливые, ничего не боящиеся — самые лучшие вожаки упряжек. Во время волчьего гона суку лайки специально не кормят, истязают и выгоняют со двора. Расчет на то, что она прибьется к волчьей стае, а приплод принесет в стойбище. Теперь я понимаю, что Вы, Юрий Петрович, — вожак в театральной упряжке «Таганки».

— Не знаю, чей я вожак. Просто делаю свое дело, помогаю молодым открывать для себя что-то новое в обыденном. Вместе со зрителями радуюсь хорошим текстам, хорошей музыке. Хочу заниматься делом, которому отдана жизнь, пока ноги носят. Мой друг Петр Леонидович Капица говорил, что нигде он не чувствует себя так спокойно и уверенно, как у себя в лаборатории. Моя лаборатория — Театр на Таганке.

— Низкий Вам поклон от всех нас, Юрий Петрович, за Ваш неиссякаемый творческий родник.

Семья Любимовых на празднике театра

Что и говорить, образование единой общероссийской корпорации адвокатов – факт исторический, а потому весьма отчаянный. Институт адвокатуры, как важный элемент демократического государства, получил, наконец, свое материальное воплощение в виде Федеральной палаты адвокатов РФ и ее органов. Тем самым созданы зримые предпосылки для полноценного решения главной задачи адвокатского сообщества – реализации конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь. Однако этим пока наша радость и ограничивается. Потому что, едва приступив к работе, высший орган адвокатского самоуправления – Совет Федеральной палаты столкнулся с немалыми трудностями.

Вот уже полгода лежит без движения проект постановления Правительства РФ о размере вознаграждения адвокатам, участвующим в делах по назначению, и о порядке компенсации их расходов при оказании бесплатной юридической помощи. Лежит потому, что ряд принципиальных для адвокатов вопросов Правительством РФ и ведомствами в этом постановлении решается по ранее установленному порядку.

Важнейший из них: как пойдут заложенные на оплату адвокатского труда бюджетные средства к тем, кому они предназначены? По-прежнему через министерства и ведомства, где они постоянно теряются, или более прямым путем, скажем, через Минюст РФ или адвокатские структуры? Наши оппоненты откровенно не желают что-либо менять. Ссылаясь то на нечеткость записей в Законе «Об адвокатской деятельности...», то на технические сложности предлагаемого порядка финансирования. Но что мешало за истекшие месяцы внести нужные поправки? А техника перечисления средств, она уже давно отработана там, где государство тесно сотрудничает с адвокатурой, к примеру в Эстонии, где адвокаты сами распределяют предназначенные им деньги.

Думаю, причина досадных пробуксовок вовсе не в технических трудностях, а в том, что некоторые представители органов власти живут еще старыми представлениями об адвокатуре и обязанностях государства по отношению к ней. Ошибочно полагая, что вовсе не государство должно выступать гарантом доступности адвокатской помощи людям, а адвокаты и впредь готовы работать на одном энтузиазме и законопослушании. Нет, уважаемые господа, с учреждением Федеральной палаты адвокатов РФ по-

Юрий СОРОКИН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ

ДОРОГА НЕ ОБЕЩАЕТ Б

ложение кардинально изменилось. Совет Федеральной палаты не намерен терпеть устоявшуюся барщину. И если даже милиция позволяет себе забастовки в связи с отсутствием зарплаты, которая затем и появляется (в том числе за счет адвокатских средств), то и наши товарищи тоже могут постоять за себя, тем более что закон не ограничивает нас в формах протеста.

Столь же решительно Совет высказывается за иную, чем прежде, систему государственного вознаграждения за адвокатский труд. По нашему мнению, заработок адвоката должен быть увязан не только с минимальным размером оплаты труда, но и с заработком процессуального оппонента адвоката на следствии и в суде – соответствующего работника следствия, прокуратуры и судьи. Ведь если законом продекларировано равенство сторон, участвующих в судебном разбирательстве, то и вознаграждение защиты не может быть меньше оплаты обвинения.

И еще один не менее важный вопрос: об оплате адвокатских командировок. Да, можно довольствоваться и тем порядком, который установлен статьей 131 УПК РФ для некоторых участников судебного процесса. Но ведь резонно исходить из того, что, отправляясь к месту задержания гражданина, к месту про-

ведения следственных действий или суда, адвокат опять-таки исполняет волю государства, то есть направляется в служебную командировку. И стало быть, на него должны распространяться соответствующие нормы компенсации командировочных расходов применительно к государственным служащим.

Вот все эти новации и встречаются в стыки отдельными органами власти, обнажая их неготовность изменить устоявшийся взгляд на адвокатуру, ее роль и место в современном обществе и государстве. Что ж, Совет Федеральной палаты не намерен отступать и уже предпринял необходимые в такой ситуации шаги. В Администрацию Президента России и Председателю Правительства РФ президентом Федеральной палаты Е. В. Семянюк направлены соответствующие письма. Намечена встреча президента Федеральной палаты с руководством министерств финансов и юстиции РФ. Мы разъясняем наши позиции, а также последствия нынешней финансовой политики в отношении адвокатов для правосудия и правоохранительной системы. Так что есть основания полагать, что наши доводы будут поняты и приняты и мы получим постановление Правительства РФ, отвечающее нашим требованиям – если не на текущий, то на 2004 год.

Вместе с тем заботы Совета Федеральной палаты, конечно, не могут ограничиваться только названным постановлением. Адвокатское сообщество заинтересовано, чтобы все действующее законодательство способствовало укреплению авторитета и ответственности нашей профессии, а также улучшению условий адвокатского труда. Способов решения этой задачи, на мой взгляд, несколько.

Прежде всего мы сами должны четко представлять, в каких изменениях законодательства нуждаемся. Значит, предстоит разработать и постепенно реализовывать детальный план нашего участия в законодательном процессе. Думаю, над этим уже сегодня могли бы начать трудиться коллеги из научно-консультативных советов при адвокатских палатах субъектов Российской Федерации, Российской Академии адвокатуры и других научных центров. Ведь первые предложения, полагаю, очевидны для каждого из нас: нужно срочно корректировать Закон «Об адвокатской деятельности...», а также практически все кодексы – от Бюджетного и Налогового до Трудового и УПК РФ. Все эти наработки Совет Федеральной палаты мог бы свести в единый документ, с тем чтобы добиваться их реализации.

Другим направлением работы в этой сфере видится участие представителей адвокатуры в проведении экспертиз проектов законов, а также проектов ведомственных нормативных актов, затрагивающих интересы адвокатуры. Надо сказать, что такой опыт в свое время был накоплен Союзом адвокатов СССР. Скажем, без участия представителей Союза не обходились ни заседания соответствующей комиссии Верховного Совета СССР, ни пленумы Верховного суда СССР, ни заседания коллегий Генпрокуратуры или Минюста СССР. Нужно вернуться к этой практике и активно использовать ее в интересах адвокатского сообщества.

Наконец, вне поля нашего внимания не может оставаться сама процедура прохождения важных для нас законов. Тут, мне кажется, есть два пути. О первом уже шла речь на заседаниях Совета Федеральной палаты – о необходимости иметь официального представителя или представителей по направлениям законодательной деятельности Совета в Федеральном собрании РФ. Такие представители действительно должны быть. Причем, как мне кажется, не обязательно из числа членов Совета, которые смогут бывать в Думе и Совете Федерации разве что на отдельных мероприятиях. Ведь там трудится немало наших кол-

лизирующуюся с партией «Единая Россия». Наверное, в ходе избирательной кампании появятся и другие кандидаты из нашего сообщества. Поэтому считаю, что независимо от личных политических пристрастий нам надо проявить профессиональную солидарность и поддержать наших коллег в этом процессе.

Аналогичным образом, полагаю, должны вести работу в области законотворчества (и во имя его) и адвокатские палаты субъектов Российской Федерации. Пока, правда, успехи тут, прямо скажем, разные. Если, к примеру, в Свердловской области уже с 1996 года действует областной закон «О гарантиях юридической помощи населению», фактически решивший проблему оплаты адвокатского труда, то в других регионах такого рода акты, как говорится, еще в чернильнице. Думаю, и президенты адвокатских палат, и Совет Федеральной палаты должны использовать весь свой авторитет для исправления ситуации. Вообще, считаю, должно стать нормой, когда представители палат вхожи в самые высокие и авторитетные инстанции.

Еще накануне Всероссийского съезда адвокатов я высказывался в том плане, что среди первоочередных задач Совета Федеральной палаты должны быть забота об укреплении авторитета адвокатского сообщества, престижа нашей профессии, а также защита профессиональных и социальных прав адвокатов. Все сказанное выше, полагаю, направлено как раз к этим целям. Конечно, авторитет, престиж адвоката зиждется, прежде всего, на честном и добросовестном исполнении им своего высокого долга. Но как быть, если для этого подчас нет элементарных условий? Поэтому забота о достойной оплате адвокатского труда, возможности повышать свою квалификацию, располагать комфортным помещением и современной ортехникой – это и есть забота о высоком качестве адвокатской помощи, а значит, и о добром имени адвоката и его общественном предназначении.

Но есть еще одно обстоятельство, существенно влияющее на то, какими представляют адвокатов в обществе, в том числе и в коридорах власти. Во многом эти представления зависят от того, как выглядит адвокат на экране телевизора и на страницах печати. И нам очень важно иметь надежных союзников среди журналистов, иметь собственные влиятельные средства массовой информации.

Безусловно, положительным фактом в этом плане стало признание Золотой медали имени Ф. Н. Плевако создателям телесериала «Линия защиты» и редакции «Российской газеты». И эту форму поощрения тех, кто поднимает престиж нашей профессии, помогает решать наши проблемы, нужно использовать и в дальнейшем. Можно только приветствовать и прозвучавшее на заседании Совета Федеральной палаты предложение об учреждении издательского дома «Адвокат». Правда, реализовать его в ближайшей перспективе нам вряд ли удастся, хотя бы по финансовым соображениям. А вот что действительно мы можем и должны предпринять в самое короткое время – это учреждение массового адвокатского издания, рассчитанного не только на самих адвокатов, но и на всех, кто причастен к защите прав человека или просто интересуется вопросами права и нашей профессией. Тем более что такое издание уже фактически существует: я имею в виду журнал «Российский адвокат».

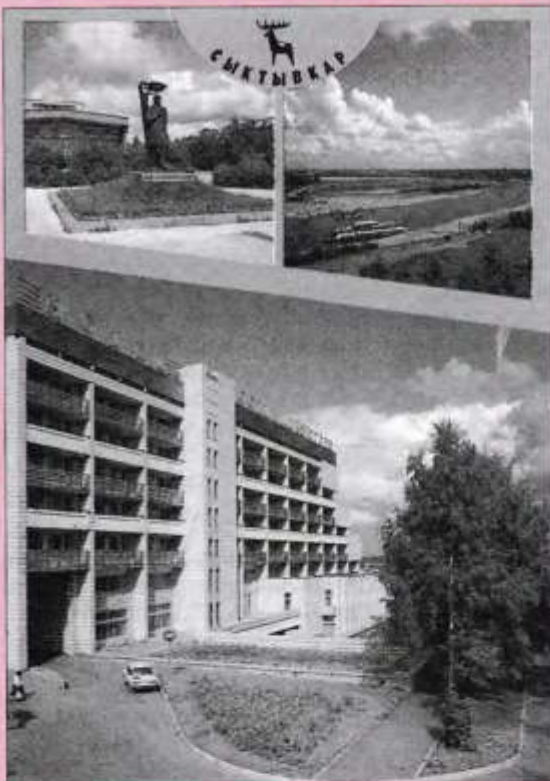
Об этом мы также уже вели речь на заседании Совета. У некоторых членов Совета, как я понял, возникает лишь одно сомнение: не станет ли «Российский адвокат» альтернативой официальному изданию Федеральной палаты, которое многим видится лишь в качестве сборника документов Совета, обзоров практики и теоретических статей? На мой взгляд, никакой конкуренции здесь не просматривается. И те, и другие публикации (и технологические, и живая публицистика) нам необходимы.

После учреждения Федеральной палаты адвокатов минуло пять месяцев. Сделано, к сожалению, не так много, как хотелось бы. Но уж слишком сложные проблемы встали на нашем пути. Чтобы не тормозить весь процесс, считаю, мы должны как можно скорее решить хотя бы то, что зависит только от нас самих.

БЫТЬ ЛЕГКОЙ

лег, им, как говорится, и мандат в руки. С другой стороны, мы, конечно, заинтересованы в том, чтобы представителей нашей профессии было среди законодателей как можно больше. Об этом особенно уместно вспомнить сейчас, когда грядут очередные выборы в Госдуму РФ. Значит, нужно определиться, с кем нам следует идти на выборы, кого поддерживать в качестве наших кандидатов.

Хочу быть верно понятым. Конечно, в целом адвокатскому сообществу политический окрас ни к чему. Тут у каждого – свои симпатии. А речь о сугубо прагматическом подходе к делу. И не только в смысле лоббирования наших интересов. Известно, что наиболее работоспособные парламенты – те, где много юристов, в том числе адвокатов. Следовательно, и нам, и обществу в целом пойдет на пользу, если мы поддержим кого-то из коллег. Скажем, из нынешнего состава Думы, я знаю, по крайней мере, несколько депутатов-адвокатов собираются продолжить политическую карьеру: Юрий Курин из Иркутска, Сергей Попов из Санкт-Петербурга и москвич Гасан Мирзоев. Последнего, как сообщалось, собирается поддерживать общественная организация «Юристы за права и достойную жизнь человека», солида-

Завершается реконструкция отечественной адвокатуры. Самое время рассказать о ее новом облике, не забывая, впрочем, и славных традиций. А что еще определяет суть адвокатской перестройки, если не единые сообщества коллег, сложившиеся в областях, краях, республиках? Потому наш журнал открывает новую рубрику – «Адвокатские палаты России», и первый рассказ об адвокатском сообществе Республики Коми.

МЕЖ ПЕЧО И ВЫЧЕГДА

На просторах северо-востока европейской части России, в междуречье Печоры и Вычегды, свои адвокаты появились, можно сказать, совсем недавно – чуть более полувека назад. Совет министров Коми АССР зарегистрировал республиканскую коллегию адвокатов уже после Великой Отечественной – 16 апреля 1949 года. Тогда в коллегии насчитывалось всего 15 членов. С тех пор, конечно, многое изменилось. На начало нынешнего года в республиканский реестр были внесены 254 адвоката, и этот список продолжает расти. Ведь функции защиты развиваются, адвокат ныне необходим и при задержании подозреваемого, и в арбитражном процессе. И доступ к юридической помощи не должен затрудняться, в том числе из-за отсутствия где-то квалифицированного специалиста.

Новые изменения в облике сообщества произошли в связи с вступлением в силу Закона «Об адвокатской деятельности...». Всех работающих в республике коллег объединила Адвокатская палата. Ее президентом избрана заслуженный работник Респуб-

Коллегия адвокатов Коми АССР, 1982 год

ДРОЙ ДОЙ

На заседании Совета Адвокатской палаты

лики Коми Эмма Николаевна Рукавишникова, членами Совета палаты – столь же авторитетные адвокаты Л. Бородин, М. Жилин, В. Проскуров, В. Ревако, Р. Садиков и В. Богонос. Виктор Юрьевич Проскуров, например, удостоен почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации», а Владимир Маркович Ревако – почетного звания «Заслуженный работник Республики Коми».

Изменилась и структура адвокатских образований. Из некогда единственной в республике коллегии адвокатов выделились 36 новых коллегий и адвокатских бюро, 80 коллег образовали адвокатские кабинеты.

– Сейчас для нас очень важно не растерять за всей этой перестройкой то лучшее, что было наработано в прежние годы, – говорит президент палаты. – Мы стараемся по-прежнему поддерживать тесные связи с нашими ветеранами. Ведь такие мэтры, как Виктор Иванович Примак, Вячеслав Михайлович Швецов, Ангелина Михайловна Рогова, Татьяна Александровна Сухотская, проработали в коллегии по 30–40 лет. Им есть что донести до нового поколения адвокатов республики. Как и заслуженному юристу России Михаилу Николаевичу Поволяеву, который не так давно вышел на пенсию.

Многое для сохранения традиций, написания истории адвокатуры в республике могут дать, как считают в Совете палаты, предстоящие юбилеи: 140-летие судебной реформы в России в 2004-м и российской адвокатуры в 2006 году, а также 60-летие адвокатуры в самой Республике Коми в 2009-м.

Но есть чем гордиться и представителям нынешнего поколения адвокатов северного междуречья России. Оправдательные приговоры по «очевидным», казалось бы, делам, переквалификация деяний на менее тяжкие, снижение наказаний, справедливое разрешение гражданских и хозяйственных споров – вот их вклад в отстаивание прав и интересов подзащитных и доверителей. Более половины всех уголовных дел адвокаты ведут по назначению следствия или суда, то есть бесплатно для подзащитных.

А недавно республику облетела еще одна радостная весть: адвокат Леонид Бородин отстоял свою позицию в Конституционном суде России! Его доверительницу выселяли из квартиры. Оказывается, кто-то когда-то при перепродаже этого жилья смухлевал, и по закону (ст. 157 ГК РФ) та сделка, а за ней и все остальные должны признаваться недействительными. Но это же абсурд, посчитал Леонид Александрович и подал иск о признании данного положения закона неконституционным, то есть нарушающим основные права гражданина. И в апреле с. г. в Москве состоялось слушание дела, было вынесено решение, в корне меняющее сложившуюся судебную практику.

Игорь ВАШКЕВИЧ,
спецкор «Российского адвоката»

Адвокат Л. Бородин в зале заседаний Конституционного суда РФ

Адвокат В. Попов ведет прием граждан

У члена квалификационной комиссии Виктора Примака всегда есть вопросы к президенту палаты

Тогда же у него были иные планы: сеять разумное, доброе, вечное. С желанием распределился в мордовскую глубинку. Помимо уроков по специальности (учитель начальной школы), вел кучу других: труд, физкультуру, черчение... Но оказалось, что эта работа грозит лишить молодого учителя осуществления еще одной мечты каждого тогдашнего сельского парня: посмотреть мир, испытать себя в армии. И однажды, вдоволь натрудившись с ребятами в классе и набегавшись с ними в футбол, Владимир направился... к военкому и попросил призвать его на срочную службу. Хотя отношение к военной службе было в те времена не таким, как сейчас, уклонистов почти не было, в военкомате все же удивились просьбе льготника. Поначалу даже отказались забирать учителя в солдаты. Но видя настойчивость добровольца, офицер позвонил в районо и, улыбнувшись, махнул рукой: иди на медкомиссию.

Вообще, такой поступок – в характере Владимира Михайловича, волевым, упорным, даже, если надо, упрямым, не боящимся неизведанных путей и лидерства. Армию он по сию пору вспоминает добрым словом: отслужил в ракетных войсках, стал сержантом. После демобилизации снова вернулся к учительству, на этот раз преподавателем мордовского языка. Однако снова не усидел на одном месте: властно потянула к себе романтика борьбы за справедливость. Сержанту и учителю захотелось стать... милиционером. Помнится, долго решал с отцом, где получить хорошее юридическое образование. Выбор пал на Высшую следственную школу МВД СССР в Волгограде. При этом не последнюю роль сыграло то, что в этом вузе предоставлялось полное гособеспечение. Для сына небогатых колхозников это значило многое.

Учился с увлечением, не пропускал ни одной лекции, неизменный староста курса. Профессор уголовного права Анатолий Валентинович Наумов, ныне старший научный сотрудник Института государства и права РАН, звал способного студента в адъюнктуру, но молодой человек жаждал применить полученные знания и навыки на практике.

Вот только вскоре работа следователем в одном из районов тогдашней Мордовской АССР его разочаровала. Дела все шли мелко-

ГЛАВНЫЙ АДВОКАТ Р

Наставником на адвокатском пути Владимира Михайловича Волкова был фронтовик Федор Григорьевич Емельянов. Он явился примером для молодого человека не только в профессии, но и в жизни. Обостренным чувством справедливости, принципиальностью, готовностью помочь людям.

КОМСОМОЛЕЦ-ДОВОЛЕЦ

Отношение к людям, вынесшим на себе бремя страшной войны, у Волкова особое. Его отец Михаил Михайлович тоже прошел Великую Отечественную, закончил ее в Прибалтике, помнится, очень высоко ценил маршала Баграмяна, под началом которого воевал. В родном селе Мордовские Полянки отец пользовался огромным уважением. Он старался строить свой быт, свой дом на основе доброго отношения к людям и нетерпимости к неправде, прививая эти чувства и сыну.

– Можно сказать, что отец был житейским юристом, – говорит Владимир Михайлович. – И я горжусь тем, что я сын фронтовика.

После восьмилетки будущий защитник поступил в педучилище в райцентре Зубова Поляна. Место, кстати, находилось неподалеку от печально знаменитых потьминских, мордовских, политлагерей. О них в те времена (конец 60-х) говорили шелотом, до ликвидации лагерей было еще далеко: последних диссидентов выпустили только при Горбачеве. И вряд ли юный студент догадывался, что когда-то сам станет защищать несправедливо обиженных государством, в том числе в Комиссии по помилованию, образованной на территории Республики Мордовия.

ватые, а главное – давил пресс обвинительного уклона, раскрываемости преступлений. Долгие раздумья, разговоры с неизменными оппонентами следствия – адвокатами привели к мысли об адвокатуре. И в 1979 году следователь подал заявление об уходе с работы по собственному желанию.

УБЕДИТЬСЯ, ЧТО ТЫ ЗАЩИТНИК

Первым подзащитным адвоката Владимира Волкова стал известный вор-рецидивист. На этот раз он украл у своего соседа, с кем, кстати, был в хороших отношениях, пять банок огурцов из подвала. Прокурор запросил за это семь лет лишения свободы, то есть почти по полтора года за банку. Явно несоразмерное наказание, посчитал адвокат и добился, чтобы его снизили до... ста рублей штрафа.

Между прочим, дискуссия на эту тему с судьей до сих пор памятна Владимиру Михайловичу. Он ведь ставил вопрос об оправдании обвиняемого. Ибо вполне возможно, что владелец банок просто воспользовался трудной биографией соседа, чтобы за что-то отомстить ему. Судья, однако, не согласился с такой трактовкой событий, но при этом вел себя предельно тактично, не давил авторитетом власти, а словно разложил по полочкам все «за» и «против». Любопытно, что процессуальные тропки адвоката и судьи Вячеслава Андреевича Семизвонкина с тех пор пересекались еще не раз. В том числе по очень крупным и сложным делам. А теперь тот судья – заместитель председателя Верховного суда Мордовии.

Между тем рос авторитет и адвоката Волкова. Поэтому неудивительно, что именно к нему, достаточно уже известному в республике человеку, обратился в начале перестройки за защитой своих родственников некто Борис Белохороев, приехавший аж из Ингушетии.

То дело оказалось весьма громким. Еще бы: двое молодых ингушей, недавно отслуживших в армии, приехали подзаработать на строительстве в мордовское село и там в ссоре с местными жителями убили двоих и еще троем нанесли тяжкие телесные повреждения. Это не считая других потерпевших с синяками и шишками. Мусу и Ахмеда и предстояло защищать Владимиру Михайловичу.

Надо сказать, само решение об этом далось ему непросто. Понятно, какая буря общественного негодования против чужаков-убийц бушевала в крае. Но чем глубже вникал в дело адвокат, тем больше убеждался в том, что за защиту взялся не зря. Трагический инцидент произошел в день шумной свадьбы. После обильных возлияний местная молодежь решила «разобраться» с рабочими-сезонниками. Конфликт тут проявился даже не столько национальный, сколько классовый. Иным бездельникам не нравилось, что вот, мол, кавказцы приехали «зашибать деньги». Только проучить их не получилось.

Встречаясь со взятыми под стражу подзащитными, адвокат убедился, что это серьезные, работающие, отнюдь не криминальные ребята, вдобавок единственные, кто был в момент схватки трезвым. Волков со своим коллегой, подключившимся к защите позже, настоял на редкой тогда судебно-психологической экспертизе обвиняемых. Она также положительно охарактеризовала их личности. Не счесть и различных заявлений, ходатайств, просьб, подаваемых защитой и которые, к счастью, внимательно изучались старшим следователем по особо важным делам республиканской прокуратуры Алексеем Балминым. Словом, через полгода... дело было прекращено. За отсутствием состава преступления. Даже до суда не дошло. Настолько убедительной оказалась позиция адвоката, доказавшего, что Муса и Ахмед действовали в состоянии необходимой обороны. То-то было радости у освобожденных из-под стражи и их родственников! Возвращаясь памятью в те горячие дни, Владимир Михайлович заключает, что только ради одного этого дела стоило ему идти в адвокаты.

АДРЕС МИЛОСЕРДИЯ

Ныне, помимо адвокатских, у Волкова масса и других забот. В самой адвокатуре он, можно выразиться, един в трех лицах: пред-

ДОРОГЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Зато земляки Владимира Михайловича, особенно жители его родного села и района, знают, кому они обязаны помощью во многих случаях и не боятся при нужде обратиться к нему еще раз. Говорят, известный комедийный актер Михаил Евдокимов, выбившись в люди, не забывает, откуда родом, и всегда старается чем-то помочь своим небогатым соотечественникам-алтайцам. Таков же и заслуженный юрист Мордови, обладатель знака «Почетный адвокат России» и лауреат медали имени Кони Владимир Волков. Если надо — он откладывает в сторону все свои важные заботы и хлопочет о простых земляках, «давит» своим авторитетом зарвавшихся чиновников.

— Посудите сами: у человека несправедливо отобраны водительские права! А ведь они жизненно необходимы не только ему и его семье. Он же работает, крестьянин, кормит на своем грузовике и нас с вами. Может быть, можно решить вопрос миром? Иначе, что ж, придется судиться по всей форме.

И обычно начальственные лица идут навстречу. Зная, что встретиться с адвокатом в суде — глухой номер, себе дороже станет. Конечно, порой это стоит Владимиру Михайловичу немало времени и нервов. Зато сполна искупается любовью и уважением земляков. А это для нашего коллеги главное.

По сей день у этого высокого, палного сил мужчины сильны крестьянские гены — основательность в любом деле, любовь к земле. Особенно ярко проявляются эти качества в общении с природой, в обустройстве дачного участка. Яблони, вишня, элитная смородина, клубника, редкая лесная ягода — предмет его заботы и земледельческой гордости.

Александр ГОРШЕНКОВ,
спецкор «Российского адвоката»

1974 год. Сын фронтовика, курсант Высшей следственной школы МВД СССР Владимир Волков на Мамаевом кургане

РЕСПУБЛИКИ

седатель президиума коллегии адвокатов Республики Мордовия, президент республиканской Адвокатской палаты и член Совета Федеральной палаты адвокатов России. А кроме того, как уже упоминалось, участвует в работе республиканской комиссии по помилованию и входит в Координационный совет общероссийской общественной организации «Юристы за права и достойную жизнь человека». Причем на всех постах, как считает, активно исполняет свое основное предназначение защитника конкретных людей от несправедливости.

Так недавно комиссия по помилованию рассматривала апелляцию 59-летнего жителя Ульяновска. У него нашли сигарету с незначительным содержанием анаши и приговорили к четырем годам лишения свободы якобы за то, что он хотел передать эту сигарету своему сыну. Поначалу почти все члены комиссии отрицательно отнеслись к просьбе ульяновца: стоит ли снисходить к потенциальному наркоману. Все, кроме Волкова. Главный адвокат республики счел наказание слишком суровым, к тому же сам факт распространения наркотика отнюдь не был убедительно доказан. И Владимир Михайлович произнес перед ареологом справедливых такую речь:

— Осужденный уже не очень молод. Ему 59 лет. Фактически на два года пережил среднюю продолжительность жизни мужчин в России. Это уже заслуга. Но вот протянет ли он четыре года заключения в условиях нашей тюрьмы — большой вопрос. Учтем и то, что до ареста человек характеризовался только положительно. Я призываю помиловать его.

В результате мнение Волкова победило, и ульяновца освободили. Жаль только, что вряд ли он узнал, кому в конечном счете обязан свободой и, возможно, здоровьем и жизнью.

ПО ОБЕ СТОРОНЫ БАРЬЕРА

Впервые на всю страну имя его прозвучало, пожалуй, в 1979-м. В связи с расследованием взрыва на крейсере «Дмитрий Пожарский». Детальный анализ причин трагедии во многом обеспечила принципиальная позиция военного прокурора Владивостока Виктора Семенова. А годы спустя адвокат Семенов отвел криминальную напраслину в отношении президента московского отделения крупнейшей аудиторской фирмы «Прайс Вотерхаус Куперс Аудит» Артура Хейга, ныне одного из руководителей фирмы в Сан-Франциско.

Их, к сожалению, не так уж много — юристов, в равной степени успешных по обе стороны судебного барьера. Ведь каждый раз нужно очень хорошо представлять отведенную тебе законом роль в процессе, а за каждым частным случаем увидеть его общественную сущность. Однако только так творится подлинное правосудие, и только при таком раскладе следователь ищет не одни улики, но и контрдоводы, а адвокат не пытается обелить преступника. Семенову по сей день памятно слова его первого прокурорского наставника Петра Васильевича Зайцева о том, что родители отдают в армию сыновей не для того, чтобы там их по тюрьмам распределяли. И ученик, кажется, ни разу не подвел учителя. Считай, каждое третье возбужденное дело сам же и прекращал. Зато уж если шел в суд, то с полной уверенностью в доказанности преступления.

...В открытом море на капитана торгового судна было совершено покушение. Кто-то из команды заложил в ящик капитанского стола самодельную бомбу. Она не сработала только потому, что нитка к взрывателю оказалась шелковой и растянулась на лишний сантиметр. Естественно, что первыми за дело взялись ребята из КГБ. Следователю Семенову они выдали уже готовый сценарий: боцман, больше некому. Поскольку и «пальчики» на столе его, и ножичек боцманский под стол закатился, и сама страшная конструкция упакована в гляцевые страницы из журнала «Огонек», а получал его лишь один на судне — боцман.

Но не поторопился следователь согласиться с авторитетными коллегами. При полном наборе улик ему не хватало «малости» — мотива преступления. Ведь уже на третье судно забирал с собой растущий капитан трудягу-боцмана, и никакая тень никогда не падала на их отношения. А вот старпому было отчего невзлюбить начальство: не его, а другого рекомендовал капитан на выдвижение. И начав раскручивать новую версию, следователь нашел и материальные подтверждения своей догадки: те же «огоньковские» листочки и едва начатую катушку с белым шелком.

— А знаете, — Виктор Петрович выдает довольно парадоксальную мысль, — нынешним следователям много легче добиваться успеха, чем нам когда-то. Избегать очень многих ошибок им помогают адвокаты. Только прислушивайся к их «придирам», и в суде уже никаких сюрпризов не будет. Мы же до предъявления обвинения не имели таких оппонентов. Руководствовались только собственным правосознанием. А оно, как известно, у каждого свое.

Однажды во Владивосток прибыла комиссия во главе с самим Артемом Григорьевичем Горным, главным военным прокурором. И вот нашли члены комиссии аж десять прекращенных Семеновым дел, которые, дескать, следовало бы передавать в суд. Как так, почему? Пришлось в присутствии всех генералов (а он тогда майором был) доказывать, что ни в одном из этих дел суд не найдет оснований для обвинительного приговора. Кажется, доказал.

Словом, когда 13 лет назад уволенный в запас полковник юстиции предстал перед членами президиума Межреспубликанской коллегии адвокатов, ему нетрудно было объяснить свой выбор. Рассказал и про комиссию из ГВП, и как сам проверял одну ракетную дивизию. Там одновременно возникло более сотни (!) уголовных дел. А по результатам проверки в суд пошло только одно.

— Так вам надо и адвокатский стаж с того времени считать! — засмеялся кто-то из членов президиума.

С тех пор, с апреля 1990-го, Виктор Петрович бесшумно трудится в московской консультации МРКА №147, что на Чистых Прудах.

Первое «адвокатское» дело словно вернуло Семенова в его юридическую молодость: извечный конфликт между требовательным сержантом и сачковатыми подчиненными. Причем ни сержант, ни рядовые военные строители толком по-русски ничего не понимали: на военных стройках всегда трудился малограмотный интернационал. Но была и явная примета времени: сержанту вменяли не заурядный мордобой, а вымогательство, рэкет. Якобы каждый раз после полочки

выстраивал он солдатиков и прилюдно изымал у них «командирскую долю».

К моменту вступления адвоката в дело «рэкетир» уже содержался под арестом. Но уже первая встреча с ним посеяла у бывшего следователя и прокурора сомнения в справедливости предъявленного обвинения. Ничего ни в облике, ни в биографии молодого человека, выросшего в семье заслуженного учителя Дагестана, не напоминало тех громил, которые действительно устраивают в казармах свои порядки. А трудность языкового общения с подзащитным побудила Семенова тотчас заявить ходатайство о вызове переводчика. К слову, с потерпевшими по делу (а их набралось аж 15) без толмача тоже не удавалось толком поговорить. Адвокат и для них потребовал организовать перевод. Однако ходатайство не удовлетворили, и основная борьба переместилась в военный суд. А тут – новое явление: из пятнадцати потерпевших четырнадцать просто не прибыли, и где их искать после увольнения из армии, никто не ведал. С одной стороны, это опять-таки подтверждало мысль адвоката о том, что никаких поборов не было, а с другой – показания отсутствующих на предварительном следствии теперь не подлежали оглашению.

Помнится, пригласил председательствующий на процессе судья защитника к себе. И откровенно поставил перед дилеммой: будет упорствовать в доказывании невинности сержанта – начнутся поиски пропавших участников процесса, а парень и так уже десять месяцев под стражей, или... Посоветовался Виктор Петрович с подзащитным, его родителями, и они решились на это «или». Суд оставил сержанту один эпизод и приговорил его к десяти месяцам дисбата. А поскольку срок этот он уже отбыл, то его освободили прямо в зале суда.

Но такого рода дела – это, конечно, лишь разминка для адвоката совсем иного масштаба. Довелось ему частично снять обвинение с небезызвестного Андрея Козленка, главы золото-бриллиантовой фирмы «Голден Ада», и на два года сократить его заключение. А однажды – вступить в заочный спор с самим Станиславом Говорухиным, прославленным кинорежиссером, увы, поспешившим увековечить на экране отнюдь не реальные события, а очередную придумку следователей. Да-да, речь о знаковом фильме мастера «Криминальная Россия». Вслед за следователями автор повторил в нем версию о бандитском беспределе, якобы учиненном главарями преступного мира Цыгановым и Мавским. Вот они организуют угон роскошного «Мерседеса», вот гремит выстрел из гранатомета по зданию УВД... Но ведь к тому времени, когда создатели фильма пожинали лавры успеха, дело в отношении «рэкетиров» и «угонщиков»... тихо скончалось. Адвокат Семенов непререкаемо доказал, что ко всем этим эпизодам его подзащитные не причастны. Злополучный «Мерседес» «угнал» сам «потерпевший». А из гранатомета палили тогда, когда так называемые мафиози уже сидели в кутузке.

– Я предлагал Говорухину продолжить его фильм, – говорит мой собеседник. – Тема напрашивалась сама собой: криминальной Россию сделали в том числе и наши чрезвычайно слабые правоохранители, не брезгающие подчас и провокацией, и фальсификацией дела. Но, видимо, эта идея не показалась режиссеру плодотворной. Со мной он так и не встретился.

Каждый новый визитер юрконсультации №147 (ныне это адвокатская консультация под тем же номером) расширял и без того огромную географию приложения сил адвоката Семенова. Последние два года, например, он вновь связан с

Владивостоком. Там прошел процесс о заказном убийстве генерального директора ОАО «Восточный порт» Леонида Бочкова, адвокат представлял на нем интересы потерпевшей – вдовы гендиректора.

Обратиться за помощью к московскому адвокату вдову побудило то обстоятельство, что сложное само по себе расследование заказного убийства на этот раз могло быть и вовсе запутано защитниками обвиняемых, в прошлом работниками местной прокуратуры, сохранившими связи с бывшими коллегами. И Виктору Петровичу действительно пришлось распутывать хитросплетения версии, внезапно предложенной защитой.

Что утверждало следствие? Что 26 ноября 2001 года, примерно в 7 вечера, два известных в крае спортсмена (бои без правил) подъехали к зданию управления Восточного порта, что в поселке Врангеля, дождались появления гендиректора и убили его. Один, Зубов, стрелял из пистолета ТТ, а другой, Жерников, увидев, что жертва пытается отползти, направил на нее свою «Тойоту». После чего убийцы на той же машине попытались скрыться, но были задержаны на выезде из поселка.

А что прозвучало на суде из уст обвиняемых, не дававших до того никаких показаний? Что на месте трагедии они оказались случайно. Здесь, мол, они встречались со знакомым, обещавшим провести их в спортзал. Но тот не сумел достать пропуска, а «Газель», на которой они приехали, уже ушла, тогда-то они и обратили внимание на спортивную иномарку, стоявшую здесь же без хозяина. Сели в нее и поехали. В ней-то их и задержали. То есть ни к этой измазанной кровью «Тойоте», ни к одежде, находившейся в ней, оба якобы не имеют отношения.

Но для адвоката Семенова, как, впрочем, и для судей, все это выглядело очевидной придумкой. О какой поездке в спортзал можно говорить, если с собой у обвиняемых не было ни спортивной одежды, ни полотенец, если в тот вечер в зале занимались женщины, а обещавший пропуск приятель... разгружал в то время в порту уголь? К слову, в отношении приятеля суд возбудил уголовное дело за дачу ложных показаний. Нелепо выглядели и показания водителя придуманной «газели». Во всяком случае, суд по ходатайству Семенова не стал приобщать к делу куртку, которую вроде бы забыл Зубов в этой машине. Да и как ее можно было забыть, выходя из машины на мороз с ветерком? Нет, не было у Зубова никакой «другой» куртки. Ту, окровавленную, он действительно успел с собой снять в «Тойоте», но кроссовки, также с пятнами крови, в момент задержания все еще были на нем. И, наконец, пистолет ТТ, выброшенный преступниками сразу после убийства. Рукоятка его была обмотана лейкопластырем, и отпечатков пальцев на нем, конечно, не было. Но к лейкопластырю прилипли ворсинки от джинсовых брюк, в которых был задержан Зубов.

Судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда признала Зубова и Жерникова виновными и приговорила к 22 годам лишения свободы каждого. Удовлетворен и гражданский иск вдовы погибшего.

Что ж, адвокат Семенов еще раз доказал, что способен точно оценить правовую ситуацию с любой процессуальной позиции: как со стороны защиты, так и со стороны обвинения. И в этом сказываются не только его огромный опыт и глубокое знание предмета, но и та завидное качество, которое мы называем чувством справедливости.

Леонид ТИУНОВ,
спецкор «Российского адвоката»

ТРИНАДЦАТЬ

Лидия МАРКИНА, заведующая юридической консультацией «Презумпция», г. Ростов-на-Дону

Виновен – не виновен. Совсем несложен, на первый взгляд, принцип работы весов Феиды в суде присяжных заседателей. Сиди себе, слушай, мотай на ус происходящее через призму основополагающего принципа невинности, потом бросай свое мнение на чашу «за» или «против». Однако мы недаром говорим: «Два юриста – три мнения», подразумеваемая сложность выбора собственной позиции в извечном диалоге между чувствами и буквой закона, взыскательностью и состраданием, истиной и справедливостью. Когда задумаешься об этом, яснее представляешь, насколько сложнее продраться сквозь буреломы чувств, взаимоуничтожающих интересов и аргументов обвинения и защиты обыкновенному, не поднатеревшему в интригах, не обремененному познаниями в юриспруденции человеку.

Сколько людей – столько мнений. Оправдательный приговор одному моему подзащитному «обошелся» в четыре (!)

судебных заседания, каждый раз с новым составом присяжных. И каждый процесс обнажал серьезные несовершенства нашей правоприменительной практики. В первом случае пришлось распустить всю «скамейку» заседателей из-за преждевременно высказанного, по мнению председательствующего судьи А. Акубджанова, несогласия части из них с мотивацией обвинения. Во втором – судья сам давал оценку доказательств, обвинительный вердикт был вынесен с перевесом всего в один голос, что давало защите шанс, и грех им было не воспользоваться. Постановление третьего судебного заседания опротестовал по процессуальному поводу прокурор. На четвертом – ни судья, ни защита ему такой возможности уже не предоставили. Более того, по полной программе использовали «тринадцатого заседателя», то есть сразу и непосредственно обратились к чувствам, житейскому опыту присяжных и получили от них, как говорят, кредит доверия. Единогласным решением они оправдали моего подзащитного по шести (!) инкриминируемым ему статьям УК, в том числе по убийству четырех человек. Гособвинитель после оглашения приговора заявил: «Протеста прокурора не будет – нет оснований».

Процесс с присяжными заседателями предъявляет особые требования ко всем его участникам. От защиты требуется не только серьезный анализ процессуальных (оперативных и следственных) действий, обвинительных постулатов, тщательнейший сбор-отбор, использование смягчающих, оправдывающих аргументов. Большое, порой определяющее значение приобретает основательное, заинтересованное исследование обстоятельств жизни, моральной атмосферы, в которой происходило становление личности подзащитного. Решающим в процессе вполне может оказаться умение адвоката произвести впечатление, вызвать доверие присяжных к себе и своим словам. Ведь выбор у них, действительно, невелик: верить нередко смахивающим на самоговор первонаачальным показаниям подзащитного или сказанному им же в суде, а также эмоционально насыщенным аргументам защиты.

С введением института присяжных заседателей у адвокатов наконец-то появились в судах «сочувствующие», а значит, и надежда на ослабление привычного обвинительного тандема – обвинение-суд, на подлинную реализацию конституционной нормы состязательности в процессе. Опасения, в том числе и многих авторитетных коллег, что из-за невысокой правовой культуры населения снизится юридический уровень судебных решений, конечно, имеют право на гласное обсуждение, как и любые иные точки зрения. Но на жизнь – вряд ли.

Да, коллегии заседателей комплектуются не из одних лишь представителей общественной элиты. В соответствии с демократическими принципами равенства в них входят и пенсионеры, студенты, домохозяйки, мелкие чиновники, то есть присяжными становятся и люди, социально ущемленные, обиженные. Не исключено, что в процессе они будут руководствоваться не столько духом и буквой закона, сколько принципами гуманизма, социальной справедливости. Но что в этом плохого? И что плохого в том, если наши суды при принятии решений предпочтут основываться не на привычных предположениях вины, а всегда и только на **презумпции невинности**? Тем более что никто нам по мановению волшебной палочки не преподнесет новое, юридически подкованное население. И откуда, сколько ждать всех устраивающих присяжных? Не лучше ли, не дожидаясь манны небесной, с толком распорядиться тем, что есть? Кстати, практика показывает, что суды присяжных – не только наиболее демократичная и справедливая форма судопроизводства, но и прекрасная школа практического правового обучения граждан.

Как известно, в порядке эксперимента суды присяжных заседателей в 1993 году были введены в девяти регионах страны. В том числе и в Ростовской области. С нынешнего года они работают уже в 70 субъектах Российской Федерации. Это ли не наглядное свидетельство растущего авторитета новой у нас формы судопроизводства! Думаю, отнюдь не случайно привлеченные к уголовной ответственности член Верховного шариатского суда (!) Республики Ичкерия Валит Куруев и член шариатского суда Старопромысловского района Грозного Ибрагим Азимов ходатайствовали о рассмотрении их дел именно судом присяжных. Уж они-то прекрасно знают, что такое «суд эмоций», суд людской мол-

ЫЙ ЗАСЕДАТЕЛЬ

вы... Правда, эти ходатайства вызвали споры в юридической среде Ростова и области. Одни говорили о реальном утверждении новой для нас системы, другие усматривали здесь элементарные попытки избежать профессиональной правовой оценки противозаконных деяний. Прокуратура же вообще посчитала, что колья в Чеченской Республике суда присяжных нет, дела Курьева и Азимова должны рассматриваться обычным порядком: дескать, сфера действия судов присяжных ограничена территорией субъектов Российской Федерации, где подсудимые совершили преступления. Однако судить их в любом случае будут в Ростове, столице Южного федерального округа. Словом, очередной повод для дискуссий.

А жизнь продолжается, присяжные все увереннее заявляют о себе, все настойчивее отстаивают в судебных процессах свои позиции. Дважды, например, им пришлось рассматривать двойное убийство в балке Зимовой в Константиновском районе. На первом заседании все шестеро подсудимых были признаны виновными и получили по приговору разные сроки лишения свободы. Но Верховный суд РФ увидел противоречия в ответах присяжных на поставленные вопросы и отправил дело на повторное рассмотрение в ином составе судей.

В таких случаях всегда усложняется работа и обвинения, и защиты. Не только потому, что со временем четче заявляют о себе пробелы в доказательной базе тех и других. Забываются детали, свидетели меняют показания, уезжают на новое место жительства или, того хуже, умирают... В силу разных причин усложняется и для присяжных обычный выбор, появляются варианты: взять под козырек с известным «чего изволите» на устах либо принципиально и аргументированно отстаивать высказанную точку зрения.

Это сложный выбор и для многих профессиональных судей, а чего уж требовать от юридически непродвинутых граждан! К тому же приученных годами почтительно склонять голову перед каждым словом сверху, тем более перед авторитетным заключением такой влиятельной инстанции, как Верховный суд страны. Отсюда, к слову, и устоявшееся мнение о невысоком культурно-правовом уровне народа, что позволяет иным сотрудникам правоохранительных структур всерьез заявлять, что наше общество не дозрело до передачи правосудия в руки «людей с улицы». Почему? А потому, глав-

ным образом, что ощущается нехватка специалистов, которые могли бы публично, в состязательном процессе доказывать... вину. Профессиональных антиадвокатов, что ли? И это при всем известном, ошутимом милицейском беспределе, жесткообвинительном уклоне правоохранительной цепочки «следствие-обвинение-суд», почти нацеленным на приговор с лишением свободы. Притом, что «доказателей вины» у нас ныне столько, что люди стали бояться выходить из дома по вечерам, опасаясь не соответствовать их понятиям о законности и порядке, попасть под их горячую руку.

Конечно, «суд улицы», как ни ряди, – суд чувств, эмоций, субъективно понимаемых справедливости и гуманизма. И личного жизненного опыта, в том числе часто негативного общения с правоохранительными органами. В связи с этим, на первый взгляд, задача защиты непосредственно в процессе вроде бы упрощается. Стоит лишь, как я уже говорила, уловить настроение присяжных, создать соответствующую атмосферу. Но, с другой стороны, неловкой фразой, даже словом, вместо взаимопонимания легко можно создать барьер отчуждения. Так что в привычную систему подготовки к процессу в суде присяжных приходится вносить поправки на эмоционально-психологическое воздействие.

Между прочим, мировой опыт свидетельствует, что ничего более гуманного, демократичного и справедливого в сфере судопроизводства, чем суд присяжных, человечество пока не изобрело. Именно «людям с улицы», главным образом, приходится сталкиваться непосредственно с преступниками, быть жертвами преступлений, как и жертвами произвола властей. Потому им до лампочки проценты раскрываемости, загруженность, карьера следователей. Им подавай неопровержимые факты-доказательства, убеждающие аргументы. В той же Америке, где мне пришлось поработать в течение месяца, «суд улицы» признан не просто полноправной – неотъемлемой частью отшлифованной столетиями судебной системы. Прежде всего потому, что участие непрофессионалов позволяет с большей эффективностью использовать эмоционально-моральный фактор, то есть подкрепить аргументы юридического обвинения или защиты жизненной мудростью народа. И чем быстрее наше правосудие усвоит эту азбучную истину и станет руководствоваться ею, тем решительнее и полнее будут наши шаги к подлинно демократическому государству.

ДНЕВНИК ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ ОТМЕЧАЕМ В ИЮЛЕ

260 лет со дня рождения Г. Державина

14 (3) июля 1743 года родился Гаврила Романович Державин, поэт и первый министр юстиции России (1802–1803). Разработал основные положения о работе министерства, разграничении его функций и функций других министерств, о порядке прохождения дел в Сенате. Как генерал-прокурор обрел массу врагов и недоброжелателей. «Ты очень ревностно служишь», – объяснил увольнение Александр I. Умер в 1816 году.

85 лет Конституции РСФСР

10 июля 1918 года V съезд Советов принял Конституцию (Основной закон) РСФСР. Она провозгласила диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства «в целях полного подавления буржуазии... и водворения социализма». Только трудящиеся («не пользующиеся наемным трудом») могли избирать и быть избранными в органы власти, они же наделялись свободой слова, собраний, союзов.

80 лет первому ГПК

7 июля 1923 года ВЦИК утвердил первый советский Гражданский процессуальный кодекс. За защитой своих прав в суд мог обратиться каждый. Гражданское дело возбуждалось как по заявлениям граждан или организаций, так и по заявлению прокурора.

55 лет инвалидным коляскам

3 июля 1948 года Совмин СССР постановил бесплатно выдавать инвалидам Отечественной войны «с тяжелыми поражениями нижних конечностей» мотоколяски. Они подлежали замене по мере износа, но не ранее, чем через 3 года эксплуатации. С 1964 года их стали менять на автомобили «Запорожец» с ручным управлением.

10 лет возвращению суда присяжных

16 июля 1993 года Верховный Совет РФ внес изменения в порядок рассмотрения судами наиболее сложных дел. По желанию обвиняемых такие дела могут рассматриваться судом присяжных. С 1 ноября того же года такой порядок вводился в Московской, Ивановской, Рязанской и Саратовской областях, а также в Ставропольском крае.

10 лет российскому рублю

26 июля 1993 года Центральный банк РФ прекратил хождение денежных знаков советского образца достоинством 25 рублей и выше. Курс доллара США составлял тогда 885 рублей за доллар.

5 лет возвращению к гражданскому исполнению наказаний

28 июля 1998 года Указом Президента РФ учреждения уголовно-исполнительной системы МВД РФ переданы в ведение Минюста РФ, как это было до 1917 года.

Наталья РОЧЕВА, президент Адвокатской палаты Ненецкого автономного округа

ПОДАЛОГ

взгляд, оценивать не только и не столько с позиций «выиграл-проиграл». Гораздо важнее для наших довольно глухих в правовом отношении кроев, я бы сказала, резонансная сторона его. Ведь там, где властное право силы нередко превращается в бесправие рядовых граждан, без больших потерь прошел прецедентную стадию случая успешного противодействия произволу в самой тонкой – моральной – сфере человеческих отношений. Люди убедились: действие закона не на словах, а на деле может и, значит, должно распространяться на всех, в том числе, и без исключений, на сотрудников правоохранительных органов.

Правда, несколько позже наша доблестная милиция продемонстрировала, насколько болезненно она переживает ситуации, когда ее сотрудникам приходится нести ответственность по закону. Не прошло и трех месяцев, как Рочева снова задержали. На сей раз в ходе масштабного совместного рейда нескольких служб управления внутренних дел «по проверке и установлению лиц, у которых могут находиться незаконно хранящиеся оружие, боеприпасы, взрывчатые и наркотические вещества». Уазик Валерия Николаевича, переоборудованный под маршрутное такси, остановили вроде бы для проверки сотрудники Ненецкого УВД А. Банин и В. Зорин. Объяснили, что ищут оружие и наркотики, попросили всех выйти из машины. Как и полагается, в присутствии понятых (из числа пассажиров) приступили к осмотру. И совершенно неожиданно для водителя, что отмечали и понятые, под его креслом нашли пакетик из тетрадного листочка в клеточку с какой-то высушенной травой зеленого цвета. Составили протокол, положили пакетик в конверт, опечатав его, и повезли Валерия Николаевича в отделение милиции для личного досмотра.

Милицейские рейды, наверное, дело нужное. Хотя правомочность формулы «могут находиться незаконно хранящиеся...» сама по себе вызывает сомнение. Потому что сильно смахивает на очередную попытку реанимации вроде бы навсегда распрощавшейся с нашим законодательством презумпции виновности. Предполагать в принципе можно что и как угодно – при внутреннем, так сказать, пользовании, когда не затрагиваются, не ущемляются права, интересы других людей. Нарушение же хрупкого нравственного равновесия между личным «хочу» и должностным «могу» неизменно ведет к вседозволенности, правовому беспределу. Из собственной истории мы знаем, как по одним лишь предположениям, наветам-подозрениям десятками тысяч выносились расстрельные приговоры, корежились судьбы взрослых и детей.

Никто ведь никому не запрещает думать, коль не терпится, о ком угодно и как угодно плохо, но про себя, без огласки и соспутствующей ей нервотрепки. Но придавать призрачной возможности по-

Доказывать в милиции свою правоту, все равно, что плевать против ветра, – себе дорожке. Эту тысячу раз подтвержденную сломанными судьбами истину моему однофамильцу Валерию Рочеву старательно внушали еще несколько лет назад, когда он первый раз оказался за решеткой. Однако даже тюремная «наука» не сделала Валерия Николаевича ни покладистее, ни терпимее к несправедливости. Это выяснилось, когда его снова задержали, на этот раз по подозрению в ограблении Нарьян-Марского педагогического колледжа. Валерий сразу заявил, что до встречи с адвокатом никаких показаний давать не будет.

Вступая в процесс, я могла только мысленно поаплодировать такому поведению подзащитного. После беседы с ним посоветовала воздержаться от показаний до предъявления обвинения. Ибо ни одно из оснований для содержания под стражей применить в данном случае было невозможно. Никто на месте преступления его не видел, ничего из похищенного у него не нашли. Задержали Рочева лишь потому, что был он ранее судим. Одно это, по мнению представителей обыска, вполне могло означать причастность к краже.

Несмотря на столь невразумительную аргументацию, Валерию Николаевичу все же пришлось провести в ИВС трое суток. Однако защите удалось доказать его полную непричастность к ограблению колледжа, добиться освобождения.

Может быть, еще несколько лет назад мой клиент и удовлетворился бы таким исходом. Но теперь решил все расставить по своим местам. Мы обратились в суд с иском к Управлению внутренних дел Ненецкого автономного округа о компенсации морального вреда. Речь шла о последствиях причинения страданий как нравственных – из-за ограничения свободы и ущемления личных прав, так и физических, поскольку он в то время находился на больничном с переломом руки. Нарьян-Марский городской суд иск удовлетворил, но, «исходя из принципа разумности», постановил компенсировать нанесенный ущерб не в том размере, который мы с подзащитным считали и разумным, и приемлемым. Верховный суд РФ, рассмотрев мою кассационную жалобу, передал дело в другой суд, Архангельский областной, который вернул дело на новое рассмотрение в наш Нарьян-Марский городской...

Итоги этого процесса подводить рано. Вообще, результат его следует, на мой

дозреть статус официального обвинения от имени государства лишь потому, что кому-то что-то показалось... Тем не менее не санкционированные осмотры, обыски, причем очень часто «результативные», давно стали чуть ли не своего рода фирменным знаком милиции. Чем терпеливо выявлять, искать и находить настоящих преступников, проще и быстрее разработать пару-тройку не слишком трудоемких схем и, будучи абсолютно уверенным в собственной безнаказанности, подгонять под них (так и хочется сказать – создавать) ситуации, подбрасывая оружие, наркотики, выбивая больше похожие на самооговор признательные показания, под нажимом добываясь явки с повинной.

Убеденные в непогрешимости действий милиции Банин и Зорин были уверены, что все делали строго в рамках закона. И Рочева задержали, привезли в «околоток», чтобы официально оформить подтвердившиеся подозрения. На такие «мелочи», как нарушение процедурных норм, они давно привыкли не обращать внимания: был бы подозреваемый, а превратить его в обвиняемого у нас умеют.

Мне, однако, не составляло особого труда раз за разом разрушать логические построения обвинения как раз потому, что базировались они на шатком фундаменте массовых процессуальных отступлений. При первом же знакомстве с материалами дела бросилось в глаза, к примеру, что при проведении осмотра автомашины двух привлеченных понятых в нарушение процедуры разделили. Одна наблюдала за действиями сотрудника в салоне, другая – на передних местах. Потом проводившие осмотр милиционеры поменялись ролями. Тут-то наркотик и обнаружился – под уже проверенным водительским сиденьем, где, по свидетельству понятых, всего за несколько минут до этого уютно устраивался не представившийся сотрудник милиции.

Еще интереснее поиск и обнаружение наркотика были обставлены в отделении милиции. При просмотре видеосъемки того процесса я не могла не обратить внимание на избирательность объектива видеокамеры. Вот мой подзащитный сидит на стуле, почти не двигаясь. Отчетливо видны неподвижные руки на коленях. Потом он подходит к столу, выкладывает содержимое карманов. Камера все это фиксирует, но вне поля зрения оператора оказывается стул, на котором Рочев сидел только что. Валерий Николаевич возвращается на место и видит под стулом... точно такой же пакетик, как и обнаруженный в его машине. В полном недоумении указывает хозяевам кабинета на находку. Тут уж и я не выдержала:

– Выключайте камеру. Все, кажется, ясно.

Действительно, нужно ведь быть полным идиотом, чтобы самому себе под стул в милицком кабинете подбрасывать сто-

процентную улику и находить ее. Попозже это поняли и сами творцы ситуации. Правда, пришлось объяснять им, что избавиться от наркотика, если он у него был, Рочев мог еще по пути в отделение, злой шутки ради даже оставив его в милицкой машине. Продемонстрировав эти и некоторые другие свои «карты», поинтересовалась понятиями, принимавшими участие в досмотре Рочева в милиции. Хотя, конечно, прекрасно знала, что почти всегда это – либо «штатные» клиенты вытрезвителя, либо внештатные сотрудники милиции, либо наркоманы в той же ипостаси на милицкой подкормке. То есть люди зависимые, считай, подневольные. И потому они (в этом случае из числа отбывающих сроки за административные нарушения) подсовываемые бумаги подписывают не читая.

В общем, закончилось тогда наше общение со следствием тем, что моего подзащитного тут же выпустили из-под стражи под подписку о невыезде. Небольшая, но уже победа. Мало того, свобода передвижения моего подзащитного по городу расширяла возможности защиты в аргументации своей позиции, суть которой укладывалась в одну фразу: «Рочев не виновен».

К судебному заседанию мы готовились основательно. По моей просьбе клиент подогнал к зданию горсуда свой уазик, и, когда процесс начался, я попросила судей провести следственный осмотр автомобиля, чтобы затем сравнить увиденное с видеозаписью. Результатом осмотра стало сомнение суда в том, что следствию удалось опровергнуть доводы Рочева о его непричастности к появлению наркотика в машине – первый удар в «солнечное сплетение» обвинения.

За ним последовали другие, оказавшиеся не менее ощутимыми. Недоказанным признан и, казалось бы, тщательнейшим образом организованный следствием вывод, что второй пакет с марихуаной принадлежит Рочеву. Все это позволило судьям решить, что «предъявленное обвинение основано на не соответствующих фактическим обстоятельствам дела и установленных судом фактах, в обвинении указаны доказательства, не нашедшие подтверждения в предварительном следствии, в судебном заседании». И сделать свой, вполне устроивший и адвоката, и ее подзащитного, вывод: «Рочева Валерия Николаевича, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 228 ч. 2 УК РФ, оправдать за недоказанностью».

Жаль, без ответа пока так и остался вопрос: «Каким образом в машине Рочева и под стулом в милицком кабинете оказался наркотик?». Причастность моего подзащитного к его появлению сразу в двух местах не доказана. Но кто-то же его туда положил. Намеренно, с очевидной целью опорочить человека. А это предполагает ответственность по соответствующей статье УК.

БЫЛО БЫ ФОТО...

Года полтора назад приятель показал мне журнал «Цветной телевизор», о котором я до того и представления не имел. С издевочкой так протянул: в телевизды, мол, метишь. Уловив мое недоумение, пояснил:

– А ты посмотри...

Посмотрел я и диву дался: точно – я, проверяю документы у некоего гражданина. И тем самым вроде бы анонсирую телепередачу по РТР «Лицо кавказской национальности». Припомнил, что однажды к нам в отдел муниципальной милиции УВД ЦАО приходила журналистка, кажется, из газеты «Петровка, 38». Ну, замкомандира и порекомендовал наш экипаж, как один из лучших. Попозировали мы с напарником, как смогли. На том с фотокорреспонденткой и расстались. Никак не думая, чем та инсценировка может обернуться. А через какое-то время та же фотография, на этот раз с подписью: «Человек ты хороший, но лицо мне твое не нравится», появилась снова как иллюстрация к статье «Так почему нынче милиция?», на этот раз в журнале «Вот так!». В конце прошлого года уже «Московский комсомолец» снабдил ею же большую статью «Землекопы. Кому в милиции жить хорошо». И пошло-поехало... «Час для вас» с помощью моей фотографии даже попытался ответить на вопрос: «Подарок или взятка?».

Это только малая толика того, что удалось «отловить». А сколько еще раз просклоняли мое лицо, пусть и с заретушированными глазами, трудно сказать. За всеми газетами и журналами (их же у нас тыщи три, пожалуй, наберется) не уследишь. Да и бог бы с ними, но с той поры мне ни на работе, ни дома проходу нет. Одни подкалывают, дескать, как мог так подставиться, другие прикидывают, куда же я деньги деваю, если имею такую «халтуру». Третьи убеждают подать в суд. На кого? К сожалению, фамилию той журналистки я позабыл. Да и вообще, после реорганизаций в нашем ведомстве отыскать ее непросто.

Вот коллеги и посоветовали мне обратиться в редакцию «Российского адвоката». Говорят, вы обязательно поможете. Так что надеюсь с вашей помощью достойно выбраться из этой очень и очень неприятной ситуации.

Олег ТКАЧЕВ,
старший прапорщик
полка ППС УВД ЦАО

ВЫСТРЕЛЫ НА ПОРАЖЕНИЕ

Случай, даже по меркам нашего беспокойного времени, не рядовой. Вечером своего выходного дня сотрудник СОБРа Дмитрий Соловьев убил из табельного оружия троих молодых людей в районе Измайловского проспекта столицы. Мосгорсуд приговорил милиционера к десяти годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Однако, как считал защитник милиционера адвокат Межреспубликанской коллегии Дмитрий Краснов, точка в этом деле еще не поставлена, причем речь должна идти не о смягчении наказания, а... об оправдании Соловьева.

Из приведенных в ходе следствия и суда достоверных показаний не заинтересованных в исходе дела свидетелей ясно, что Соловьев действовал строго в рамках необходимой обороны, — говорит Дмитрий Анатольевич. — Не только в случае с первым погибшим, что признано и судом, но и в конфликте с Герасимовым и Буравцевым, действия которых реально угрожали его жизни. Представьте, милиционер только оторвался от группы избивавших его лиц, по которым только что стрелял. С залитым кровью лицом выбежал на освещенную часть улицы. Призывает граждан вызвать милицию и «скорую», кричит, что он сам сотрудник милиции. И тут от темнеющего пятачка торговых палаток отделяются двое и быстро приближаются к нему. По ходу они произносят угрозы в адрес «мента», в руке у одного из них предмет, похожий на нож. Когда до них оставалось не более пяти шагов, Соловьев открыл огонь на поражение...

— Однако не смолкает хор сторонних обвинителей милиционера. Мол, даже «мало дали». Выскивают у осужденного «чеченский синдром» (Соловьев бывал в Чечне) и рассуждают о том, что вот-де совсем распоясались наши правоохранительные органы, чувствуют себя безнаказанными.

— Все, мягко говоря, не так. В целом объективная картина происшедшего ни у кого не вызывает сомнения. С нею, кстати, согласен и суд, вот только ин-

терпретировал он события по-своему. А было то, что Москва шумно отмечала День города. К вечеру, как понимаете, накал не всегда здорового веселья достиг своего пика. Около 23 часов возле метро «Измайловская» группа нетрезвых людей попыталась взломать витрину палатки-гриль и похитить кур. Сотрудник милиции Соловьев находился внутри этой палатки, он заехал туда за своей знакомой продавщицей Светланой, чтобы проводить ее с работы. Естественно, вышел к хулиганам (а их шестеро!), представился, показал удостоверение сотрудника МВД и потребовал не нарушать порядка. Но те на справедливое замечание представителя закона ответили угрозами и оскорблениями: «Мент! Быдло! Мочи мента!». Кто-то из них попытался выхватить у милиционера удостоверение. Это послужило сигналом к нападению на стража порядка и его жестокому избиению — кулаками, ногами, палками и бутылками. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, у Соловьева был выявлен целый ряд серьезных травм: ушиб головного мозга, раны затылочной области и спинки носа, гематомы лобной и теменной областей... Понимая, что силы явно не равны и что его сейчас забьют до смерти, милиционер достал пистолет и после предупреждения выстрелил в находившегося ближе всех Панкратова.

— Но, может быть, милиционер тоже был в праздник под хмельком?

— Доказано, что при задержании ветеран Чечни был трезв. Тогда как все участники нападения находились в изрядном

подпитии. Так погибший Панкратов пребывал в состоянии тяжелого алкогольного опьянения, Буравцев — легко, а его товарищ Герасимов был также тяжело пьян.

И еще одна выразительнейшая деталь трагедии, на которую почему-то закрывают глаза и суд, и газетчики. Большинство нападавших — лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности, даже имеющие на момент нападения непогашенные условные судимости. А Соловьева характеризуют как выдержанного, ответственного человека, не раз зарекомендовавшего себя в экстремальных условиях. Долгое время он даже являлся непосредственным охранником самого министра внутренних дел — это о чем-то говорит.

— Неужели все эти моменты суд проигнорировал?

— К сожалению, ни эти факты, ни многие другие, свидетельствующие в пользу Соловьева, не были приняты во внимание. Еще в ходе предварительного следствия хозяевами палатки «Куры-гриль» в прокуратуру ВАО подавалось заявление о покушении на грабеж компанией пьяных граждан. Соловьев заявлял ходатайства о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, напавших на него как на сотрудника милиции. К свидетелям Гынку и Ильенко подходили неизвестные люди и требовали, угрожая расправой, дать нужные показания против милиционера. Об этом женщинами было подано заявление следователю Ступникову. Но и этим обстоятельствам суд не дал должной оценки.

— И что же теперь?

— Поданы две кассационные жалобы в Верховный суд России. Защита надеется, что высшая судебная инстанция страны все же пересмотрит необоснованный приговор. Ибо на нашей стороне не только закон, но и справедливость.

И высокие судьи, действительно, вняли аргументам адвоката. Дмитрий Соловьев оправдан по первому пункту обвинения, а по второму и третьему — обвинение перевалифицировано на превышение пределов необходимой обороны. Милиционер уже вышел на свободу.

Александр ЯХРОМИН,
спецкор «Российского адвоката»

Фото автора

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВА

ЖУРНАЛ
В ЖУРНАЛЕ

Совместный
проект
Гильдии
российских
адвокатов и
Департамента
образования
г. Москвы

ВЫПУСК 24

Наш адрес:
105120, Москва,
М. Полудорожский пер., 3/5
Тел.: (095) 917-7546
Факс: (095) 975-2416

Будем знакомы

юще солидно. Потому-то и представлялся мне Алексей Иванович эдаким застегнутым на все мыслимые и немислимые пуговицы чиновником, к которому и подступиться страшно.

А на поверку ничего подобного: симпатичнейший молодой человек с очень добрыми, умными глазами и весьма редкими в наше сплэш эмансипированное время приятными манерами. Наверное, так и должно быть, потому что вот уже больше десяти лет занимается Головань самым добрым, самым благородным и благодарным делом на земле – детской правозащитой. Теперь наконец-то не на общественных началах, как было в Центре помощи детдомовцам «Соучастие в судьбе», а на вполне законных основаниях: столица стала первым субъектом Федерации, где принят и с 6 февраля прошлого года работает закон об уполномоченном по правам ребенка.

Начинал Головань не с выбивания должностей-окладов для аппарата, престижных рабочих помещений, а с опреде-

ПРЕЦЕДЕНТ ПО ИМЕНИ ОМБУДСМЕН

Официально должность Алексея Голованя – уполномоченный по правам ребенка в г. Москве – соответствует статусу министра столичного правительства. Звучит, согласитесь, угрожа-

ления границ своих возможностей, компетенции, выработки механизма воплощения юридических постулатов в жизнь. Почему именно с этого?

(Продолжение на стр. 2)

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

4-5

«ИНТЕГРАЦИЯ XXI ВЕК»

«Бог и царь» в этой школе – не сам процесс обучения как таковой, а его результат

ДАРЕНИЕ

6

Приятно получать подарки, еще приятнее делать их

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТ «ПЕРСПЕКТИВЪ»

7

Мы все делаем в строгом соответствии с законодательством

ПРЕЦЕДЕНТ ПО ИМЕНИ ОМБУДСМЕН

(Окончание. Начало на стр. 1)

– У нас есть хорошие законы, которые должны гарантировать защиту прав детей, – говорит Алексей Головань. – Но непрофессиональное их исполнение оказывается даже хуже отсутствия. Москва – регион уникальный не только по своему столичному статусу, но и по отношению местных властей к детям. Достаточно сказать, что это едва ли не единственный город в стране, в котором сиротам предоставляется жилье. Здесь ежегодно открывают двери новые детские сады, школы, центры внеурочного обучения и воспитания, проводятся олимпиады, викторины, ставший международным форум «Одаренные дети», спортивные состязания, работают два десятка приютов, реабилитационных центров. И все же проблем с детьми и в столице хватает, люди ждут, требуют их решения.

– При этом у первого детского омбудсмента почтового адреса фактически не было целый год, приемы приходилось проводить чуть ли не на перекладных: в офисах общественных организаций, в Московской городской думе.

– Это не самое страшное и не самое главное. Все равно и письма находили адресат, и на приеме страждущие оказывались вовремя, хотя записываться приходилось за пару месяцев. Недаром говорят, что слухом земля полнится. Первое время с просьбами помочь к нам обращались в основном родители, опекуны, бабушки, дедушки, но вскоре стали приходить и представители районных управ, центров социального обслуживания, детских учреждений. Более 400 человек обратились с заявлениями и получили поддержку уполномоченного в прошлом году.

До встречи с Голованем я знала, что его доклад-отчет о сделанном за год произвел настоящий фурор не только в Московской городской думе, где он прозвучал, но и на различных ступенях столичной власти. Некоторых чиновников, говорят, задело за живое не столько результаты, сколько обращенные прямо к ним непривычные формулировки разделов доклада: «Нарушения прав детей органами (прокуратуры, внутренних дел, исполняющими судебные решения)», да еще полное отсутствие у докладчика корпоративной чиновной солидарности.

– Алексей Иванович, вот у нас в стране масса государственных структур, которые по определению призваны заниматься проблемами детства, в том числе целые министерства и ведомства: образования, здравоохранения, социальной защиты, правоохранительные органы. Плюс общественные организации, да и в программе каждой

ую очередь проблемы не разового характера, а те, что стали или грозят стать системными. Больше всего у нас обращений по лишению родительских прав, жилищным вопросам: улучшению условий проживания, ускорению продвижения по очереди, определению места жительства при разводе родителей.

– То есть по тем проблемам, которые можно решать на муниципальном уровне? Почему же их приходится решать вам?

– Правовая компетентность большинства занимающихся «социальной» специалистов, мягко говоря, оставляет желать много-много лучшего. Потому и оказываются тупиковыми даже при обращении в суд самые тяжелые в моральном плане, требующие времени и сил дела о выселении детей на улицу, признании недействительными сделок с жильем. Мы предъявили 10 исков о защите прав несовершеннолетних, четыре из них удовлетворены. Но бывает, что иски некому предъявить, и мы остаемся первой и единственной инстанцией, способной хоть как-то решить проблему. При необходимости входим в уже начавшийся процесс, если чувствуем неспособность родителей, опекунов оградить своих детей от произвола. Используем и такую форму, как представление в суд развернутой позиции уполномоченного с объяснением, какие права ребенка нарушаются, ссылкой на нормы закона, с предложением решения.

2

Дети и право

партии хоть что-то о детях сказано. А на деле получается, как у семи нянек – дитя без глаза.

– Но нянька няньке рознь. И не числом их настоящее внимание к детям обеспечивается, а вниманием, теплой заботой о каждом. Ребенок ведь нуждается не только в еде, одежде, пригляде, образовании, отдыхе, медицинской помощи. Он – особый субъект права в силу возраста, поскольку юридически беспомощен.

– В чем же эта особость проявляется?

– В праве на заботу родителей, родственников, государства, общества, в праве жить в семье, иметь, выражать свое мнение и т. д. И хотя в столице по линии мэрии, городской думы действительно многое делается для обеспечения занятости, гарантированной защиты прав детей, на районном уровне действия органов, призванных непосредственно заниматься этим, до сих пор слабо скоординированы. Больше того, когда мы попытались выяснить, как же «по вертикали» работает государственный обеспечительный механизм защиты, пришли к неожиданному выводу: права детей чаще всего нарушаются в муниципальных образованиях теми, кто должен защищать их – сотрудниками органов опеки, милиции, центров социального обслуживания, прокуратуры, суда. Парадокс? Но факты – вещь упрямая.

– И что с этим могут сделать уполномоченный, его аппарат из двух человек? Насколько я понимаю, на местах бороться с властью – себе дороже. К тому же надо знать законы, уметь их применять.

– Вот потому-то для нас важно не просто без ущерба для ребенка разобраться с каждым обращением, но и выявить, разрешить в пер-

– Фактически исполняя роль адвоката...

– Наверное, не случайно в некоторых странах омбудсменов называют народными адвокатами. Ведь по сути своей и адвокат, и уполномоченный – правозащитники, я бы сказал, полпреды права в обществе, государстве. Хотя наша Конституция и гарантирует квалифицированную юридическую помощь всем гражданам, в отношении детей эта норма пока остается больше декларативной, чем действующей и действенной. Пострадавшим от произвола людям, которые не могут оплатить услуги профессионального защитника, тем более детям, в суде бывает сложнее отстаивать свои позиции, чем их оппонентам при поддержке грамотного адвоката.

В муниципальных образованиях нужны как воздух бесплатные юридические консультации. Нужны профессиональные юристы в службах защиты прав граждан, прежде всего ребенка. Пока же результат состязания сторон в судебном процессе, даже по делам детей, часто зависит не от буквы закона, а от толщины кошелька. У кого больше денег, тот с большей гарантией реализует свои социальные права. Наша цель – делать все, чтобы закон оберегал детей от произвола взрослых.

Яна БОЧАРОВА,
спецкор «ОП»

Фото Александра КАРЗАНОВА и из архива Алексея Голованя

ПОСРЕДНИК С «ПАКЕТОМ»

Школьные реформы, как говорит мой внук, теперь уже восьмиклассник, достали всех. Даже меня, пенсионера с десятилетним стажем, зацепили за живое, заставили взяться за ручку. Мысль написать в ваш журнал пришла после родительского собрания, на котором нам чуть ли не в ультимативной форме предложили подписать договор с некоей фирмой, занимающейся профильной подготовкой детей к поступлению в вуз.

В принципе дело вроде бы благое, нужное. Но почему, во-первых, в принудительном порядке? Во-вторых, даже ребенку понятно, что готовиться к поступлению в технический и гуманитарный вузы надо по разным программам. А тут одна фирма выступает почему-то от имени сразу трех: юридического, экономического и педагогического. Факультативы для всех одинаковые, причем, как объяснили нам, уже с восьмого класса они «включаются» в школьное расписание «в пакете». Получается, в-третьих, далекая от профильности биолого-математико-литературно-географическая мешанина знаний, одобренная обещаниями стопроцентного студенчества через четыре года. Я уж не говорю о нагрузках, которые ребятишкам придется выдерживать с нового учебного года. То есть за что боролись, на то и напоролись?

Между тем соседняя школа №499 с незапамятных лет целенаправленно сотрудничает с Московским городским педагогическим университетом, точнее, с факультетами технологии и предпринимательства, экономического и географического. Кстати, многие выпускники 499-й после получения высшего образования вернулись в родную школу, работают учителями. Свои, как раньше говорили, подшефные школы есть у МГУ, МГТУ им. Баумана, МИФИ, МГЮА, других известных вузов.

Вообще в столице, как ни в каком другом регионе России, по инициативе и при поддержке Комитета, ныне Департамента образования, давно налажено взаимовыгодное сотрудничество высшей и средней школы на правовой основе. И появление «посредников с пакетом», по моему глубокому убеждению, никак не благо для наших детей, а всего лишь новое звено в коррупционной цепи, беспардонно, вне всяких норм закона и нравственности пытающейся обвить хрупкую пока структуру выбирающегося из тупика школьного образования.

Александр РАСТОПШИН,
полковник юстиции в отставке

В ВУЗ – ПО КОНТРАКТУ

Более 600 тысяч выпускников школ станут студентами высших учебных заведений по бюджетному (бесплатному) набору в 2003 году. При этом прием в вузы по государственному заданию – на основе заявок федеральных министерств и ведомств – превышает прошлогодний на 12 тысяч человек. Госзаказ, как известно, гарантирует по окончании учебы работу по избранной специальности, хорошие возможности профессионального совершенствования, карьерного роста, при определенных усилиях, разумеется.

Приживается и эксперимент Московского городского педагогического университета по приему студентов на основе контракта. В соответствии с разработанным Министерством образования Положением о целевой контрактной подготовке теперь с каждым первокурсником педагогических вузов будет заключен договор, обязывающий по распределению отработать несколько лет. Это позволит, как говорится, убить двух зайцев: с одной стороны, повысить ответственность абитуриентов, с другой – с большей эффективностью управлять процессом подготовки специалистов для различных отраслей.

ИНТЕРНАТ ДЛЯ ГЕНИЕВ

С нового учебного года начнутся занятия в столичной школе-интернате для особо одаренных детей. Набор в 5–8 классы идет с апреля. Чтобы попасть в число 60 счастливиц, нужно пройти три тура вступительных испытаний. Начинаются они с двух экзаменов на выбор для проверки базовых знаний в области истории, филологии, биологии, математики. О степени сложности тестов говорит такой факт: из 27 претендентов экспериментальное тестирование успешно выдержал только один. Творческое задание второго тура – подготовка и защита перед комиссией небольшого доклада в выбранной области науки. Заключительный тур предполагает собеседование с психологом из «Лаборатории одаренности» Института психологии.

Вундеркинды будут жить в школе шесть дней в неделю, заниматься строго по индивидуальным учебным планам в зависимости от способностей и желания под руководством опытных педагогов-ученых. Обучение бесплатное. Контактный телефон: 445-52-10.

Классный час

ПРЕДМЕТ-ДУБЛЕР

Утонуть в море законов, запретов и свобод просто. Тяжело выплыть. А плавать надо учиться с детства. Потому-то несколько лет назад в школах был введен обязательный предмет – граждановедение, от слов «гражданин» и «ведать». Судя по названию, школьник должен получать знания обо всем, что касается его прав и обязанностей, основных законов, о том, что разрешено и что запрещено.

Увы, этих знаний мы не получили. Потому что у граждановедения оказался «особый» статус: с его уроков нас почти всегда отпускали домой, а оценки дублировали из истории.

Почему так происходит? По-моему, никто, кроме разве составителей учебников, просто не представляет, как изучать новую учебную дисциплину. К тому же предмет факультативный, то есть «пустой», проще говоря, халвный.

Так что первые шаги «гражданственного» дитя оказались неудачными, а лучше сказать, что и шагов-то не было. А ведь сама идея очень нужная: формировать граждан-

скую позицию, правовую культуру, о которой нам прожужжали все уши и которой мы так восхищаемся, с завистью поглядывая в сторону какого-нибудь швейцарского или немецкого общества.

Не понимая того, что молодежи нужна ясная альтернатива нынешнему анархизму, глупо. Но проблема в том, что альтернативы как таковой просто нет. Во всяком случае, в той форме, в какой предстало перед нами граждановедение.

Сергей Разводов,
ученик 11-го класса школы №1290

Постигая основы права

Есть на севере столицы школа, которая и по форме (называется она «Международная общеобразовательная школа «Интеграция XXI век»), и по сути (10–12 человек в классе, учатся по индивидуальным планам) живет будущим и в будущем. Это один из примеров реального воплощения программы московского стандарта образования. Причем со специализацией в области экономики, права и иностранных языков, с интеграцией в европейскую образовательную модель. Кстати, одну четверть учебного года дети занимаются в частной школе в Англии, там же сдают экзамены в соответствии с

Классная работа

«ИНТЕГРАЦИЯ»

британской системой образования. Лучшие столичные вузы, в том числе МГУ, МГИМО, Высшая школа экономики, почитают за честь сотрудничать с таким «младшим братом».

«Бог и царь» в этой школе – не сам процесс обучения как таковой, а его результат. Потому-то внимание директора Светланы Сабировны Куличенко, педагогов, среди которых кандидаты, доктора наук, сосредоточивается не на том, как лучше преподнести стандартный материал для всех, а на том, что хочется и нужно знать конкретному ребенку. Потому-то никто никому ничего не внушает, не вдалбливает, а в числе всеми признанных «методичек» – «культурный об-

Эй, ухне-е-м!

На берегах
Туманного Альбиона

В сетях Интернета

разец» в виде репродукций работ известных художников, ребячьих рисунков, фотографий. Работают музыкальная школа, театр на английском языке, архитектурно-художественная мастерская, танцевальные кружки, различные спортивные секции.

Неудивительно, что постоянно занятые увлекательными и полезными делами ребята под контролем учителей и медиков с удовольствием проводят в школе весь день (с 9 до 20 часов). Занимаются, обедают, отды-

шают, полдничают, снова занимаются и снова отдыхают. Это позволяет наконец-то соединить в одно целое, чуткими руками опытных педагогов завязать в крепкий «узелок» учебный и воспитательный процессы, обычно не так уж часто пересекающиеся из-за разных подходов в семье и школе к ребенку. И практически безошибочно определить предмет особого внимания, интереса каждого ученика, а значит, и помочь ему осуществить право выбора, проложить собственный курс в многообразном потоке знаний.

Александра МОЖАРОВСКАЯ,
спецкор «ОП»

Фото Александра КАРЗАНОВА
и из школьного архива

ЦИЯ XXI ВЕК»

Фоторепортаж

«Иван да Марья»

ДАРЕНИЕ

Приятно получать подарки, еще приятнее делать их. Ведь так мы выражаем наши добрые чувства к людям, получая взамен их благодарность, симпатию и уважение. Словом, **безвозмездность** – вот суть дарения, в том числе и юридическая. И если, преподнеся девушке букетик, молодой человек тотчас приглашает ее на чашечку кофе у себя дома, мы вправе усомниться в том, что это был подарок.

В дар могут передаваться либо вещи, либо имущественные права (освобождение от имущественных обязанностей). Тот же букетик цветов или погашение платы за мобильный телефон. При этом вещи для подарка должны отвечать требованиям **оборотоспособности**. То есть нельзя

жащим в связи с их трудами, работникам лечебных, социальных, воспитательных учреждений – от тех, кто там содержится, обслуживается, или от их родственников и кому бы то ни было – от имени малолетних или лиц, признанных недееспособными, их законными представителями. Не допускаются дорогие подарки и в отношениях между коммерческими организациями.

Дарение осуществляется путем вручения подарка, его символической передачи (ключи от машины, квартиры) либо путем вручения правоустанавливающих документов. Но если родственники или товарищи по работе не должны как-то оформлять свое благодарное решение, то дар дороже 5 МРОТ от юридического лица (от конторы, где вы трудитесь) оформляется в виде письменного договора. Только так должно выглядеть и чье-либо обещание сделать подарок в будущем. Так что, став призером какой-нибудь викторины, не грех испросить у организаторов соответствующий документик. А если дорогая тетушка обещает подарить дачу сразу после своей кончины, обольщаться вовсе не следует: самая внушительная бумага на сей счет признается со смертью дарителя ничтожной, поскольку начинают действовать правила о наследовании имущества. К слову, договор дарения той же дачи (любой недвижимости) подлежит государственной регистрации.

В ряде случаев даритель вправе отменить свое решение. Скажем, если обласканный субъект затеет скандал, причинив своему благодетелю телесные повреждения. Либо обращение с подарком, представляющим для дарителя

большую неимущественную ценность, грозит утратой этой вещи. Даритель может и отказаться от исполнения договора. Если, например, окажется, что это стало для него трудно исполнимо в силу изменившегося материального или семейного положения или состояния его здоровья. В свою очередь и одариваемый вправе отказаться от подарка. Правда, если состоялся письменный договор, то и отказ заявляется в письменном виде, а даритель вправе потребовать возмещение ущерба, связанного с отказом принять дар.

Дарение в общепользовательных целях закон признает **пожертвованием**. Пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическому лицу может быть обусловлено использованием его по определенному назначению. При отсутствии такого условия пожертвование считается обычным дарением.

СЛУЖБА ПО УБЕЖДЕНИЮ

Ныне вопрос об альтернативной гражданской службе, исполняемой взамен воинской, слава Богу, уже решен. Но сколько осталось недовольных новым законом! Среди прочего они ссылаются на некую «традицию» всеобщего исполнения россиянами воинского долга перед Родиной. А зря. Потому что не только при царбатюшке, но и в пору становления советской власти людям, чьи убеждения не позволяли брать в руки оружие, позволялось отдавать свой патриотический долг в иной форме, не связанной с обязанностями военной службы.

Соответствующий декрет Совнаркома был принят 4 января 1919 года – в разгар гражданской войны. Решение о предоставлении гражданам права на альтернативную службу принималось судами, которые предварительно заручались мнением экспертов, оценивавших обоснованность заявлений. О том, как это происходило на практике, позволяет судить постановление одного из нарсудов Москвы от 15 июля 1919 года. Приведем его почти полностью:

«...Народный суд Вознесенского участка в составе председательствующего М. Подвальского и заседателей Соловьева и Обухова разбирает дело по иску Рудольфа Абрамовича Классена об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям. Принимая во внимание, что Классен принадлежит к религиозной группе меннонитов, отвергающих всякое участие в войне и в проливание человеческой крови, а также выслушав объяснения эксперта от Советских религиозных групп, суд нашел иск доктора Классена заслуживающим уважения.

И, руководствуясь надлежащими декретами Советской власти, Революционным правосознанием, постановил: освободить доктора Классена Р. А. от несения военной службы, каковую заменить работой по уходу за заразными больными в больницах гражданского ведомства» (Дело №109–1919 г.).

Остается добавить, что данное решение устояло и в 1924 году, когда военное ведомство пыталось опротестовать его в Верховном суде СССР. Однако с началом антирелигиозной кампании суды уже не оставались столь решительными, а закон о всеобщей воинской обязанности 1939 года и вовсе отменил альтернативную службу.

Леонид ТИУНОВ,
спецкор «Российского адвоката»

6 Древо познания

дарить то, что изъято из свободного оборота. Например, редкие виды цветов, птиц, животных. А если отец дарит сыну охотничье ружье, то у обоих должно быть разрешение на владение им.

Если дарится вещь с изъяном, способным причинить вред: мопед с барахлящими тормозами, лодка с разошедшим днищем, – обязанность дарителя предупредить о том одариваемого. Иначе придется возмещать убытки, вызванные таким подарком.

Поскольку речь идет об имущественных отношениях, принципиальное значение имеет стоимость подарка. Большинство ограничений и обязательных условий дарения относятся к подношениям стоимостью более 5 минимальных размеров оплаты труда. То, что дешевле, вправе дарить кто угодно кому угодно. А вот более дорогие подарки нельзя подносить государственным и муниципальным слу-

Лето, помимо всеобщей романтической приманчивости и доступности отдыха: лес, водоем, дачный сад-огород поблизости, может, оказывается, служить и вполне прагматическому собственноручному зарабатыванию денег на карманные расходы. В ряде школ столицы на протяжении нескольких лет это делается организованно, на законном основании.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОТ «ПЕРСПЕКТИВЫ»

И потому, получив задание написать про школьные трудовые бригады, я никак не думала, что выполнить его будет столь сложно. Вдруг выяснилось, что обнаружить в школах какие-либо следы тех бригад не так-то просто. Создалось впечатление, что от меня то ли скрывают сам факт их существования, то ли деятельность их уже прикрыта. Словом, с наскака обрести что-либо вразумительное об этих таинственных бригадах мне не уда-

лось. Но задание есть задание, и я, для смелости прихватив с собой подружку, отправилась в Московский центр труда и занятости молодежи «Перспектива». Там нас приветили и помогла прояснить ситуацию внимательная и заботливая Татьяна Микушина, начальник отдела по организации временной занятости и общественных работ:

– Программа временного трудоустройства подростков действует с 1993 года. Созданные в рамках ее ученические бригады вообще-то неплохо зарекомендовали себя. И все было нормально, пока зарплату ребятам обеспечивал Фонд занятости. Но в прошлом году его ликвидировали, в соответствии с новым положением оплачивать детский труд теперь обязана организация-работодатель, применительно к ученическим бригадам – школа. У школ же, как правило, такой возможности нет, поэтому бригады из учебных заведений действуют в основном там, где районные власти в состоянии определить для них фронт работ и оплатить сделанное.

– Сложное это дело – трудоустройство подростков? К каждому ведь, как и в школе, свой подход нужен. Да и закон строг.

– Мы все делаем в строгом соответствии с законодательством. Обеспечиваем работой бригады, персональную занятость с учетом интересов и способностей, вот уже семь лет занимаемся вплотную созданием трудовых объединений молодежи. Подружки привлекаются к благоустройству территорий, восстановлению архитектурных памятников, трудятся курьерами и т. д. Сам прием-отбор ребят ведется в окружных отделениях центра.

– Представляю, сколько желающих. И всех надо устроить. Как это выглядит на практике?

– Те, кто обращается к нам, говорят, кем и где бы хотели работать, заполняют анкету. Мы с учетом пожеланий, возраста (от 14 до 30 лет) находим работу и работодателя, заключаем договор. Ребята знакомятся с вакансиями из нашей базы данных, делают выбор и могут обращаться непосредственно к работодателю. Желающие проходят тестирование по выявлению профессиональных склонностей, общаются с психологами.

– Оплата труда сдельная, повременная? Достойная?

– Она зависит от того, сколько и как работает человек. Выходит и 500, и 2000 рублей в месяц. По закону 14–15-летний подросток может трудиться 2 часа в день, на каникулах – 5 часов. Вот Андриюша, к примеру, работал по 5 часов, а Миша – по 2. Конечно, они и получили разные суммы.

Теперь предоставим слово самим «трудоустроенным». Правда, оба наших собеседника оказались отнюдь не словоохотливыми. Еле-еле удалось хоть немного разговорить их. Да вы сами убедитесь в этом, прочитав интервью.

Андрей Лугин сотрудничает с центром два месяца.

- Чем занимаешься?
 - Разношу почту.
 - И сколько платят?
 - В месяц выходит где-то две тысячи.
 - Ну и как ты, доволен?
 - Да, доволен.
 - Как долго собираешься здесь трудиться?
 - Еще месяца три.
- Артем Маковецкий только устраивается на работу.
- Где будешь трудиться?
 - Распространять печатную продукцию.

Лето трудовое

- Что тебя сподвигло придти сюда?
- Деньги нужны. Знакомые посоветовали.
- Они тоже здесь устроились?
- Ага.
- Долго собираешься работать?
- Ну как получится.

Вот и все, разговор подошел к концу. Жаль, конечно, что многие школьные трудовые бригады приказали долго жить, но у ребят, к счастью, все же осталась возможность устроиться летом на работу, получить трудовые навыки, опыт и долгожданную собственноручно выстраданную зарплату. Благодаря молодежному центру с многообещающим названием «Перспектива». Спасибо ему и его всегда доброжелательным сотрудникам.

Александра МОЖАРОВСКАЯ,
спецкор «ОП»

На снимках: Татьяна Микушина и ее подопечные Андрей Лугин и Артем Маковецкий (сверху вниз)

Фото автора

СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВ

Суд постановил взыскать с родителей Димы С. штраф за нарушение сыном общественного порядка. Прошел установленный срок, а деньги родители не перечислили. И тогда в квартиру С. постучал судебный пристав...

В XV–XVII веках приставами в России называли официальных представителей власти, посылаемых для вызова на великокняжеский или царский суд. В наше время судебный пристав-исполнитель – должностное лицо, осуществляющее в соответствии с Законами «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве» принудительное исполнение судебных решений, а также утвержденных судом мировых соглаше-

ний, исполнительных надписей нотариальных органов, решений арбитражных, третейских судов, комиссий по трудовым спорам в предусмотренных законом случаях. С 1 января 2000 г. Служба судебных приставов осуществляет принудительное исполнение постановлений налоговых органов по взысканию налогов, сборов и иных обязательных платежей.

Между прочим, сначала судебный пристав предлагает выполнить соответствующее решение добровольно. И надо воспользоваться этим шансом. Потому что при принудительном исполнении решения придется заплатить и за труды самого пристава.

ПОТОМУ ЧТО МЫ С КАВКАЗА?

Мы переехали из Карачаево-Черкессии жить в Москву. Первого сентября наша старшая дочь должна идти в десятый класс, а младший сын, ему шесть лет, в первый. В ближайшей к дому школе № 280 в приеме детей отказали: дочери – из-за отсутствия мест, сыну – дескать, еще мал. А соседи говорят, что по новому закону об образовании обязаны принять обоих: с вами, мол, так поступают, потому что вы с Кавказа.

Шамиль Исмаилов,
СВАО, г. Москва

В соответствии с Законом «Об общем образовании в городе Москве» в столице вводится обязательная одиннадцатилетка, и вашу дочь обязаны принять в десятый класс по месту жительства. В случае отсутствия мест в конкретной школе следует обратиться в другую или в управление образования. Что касается сына, то с вашего согласия, а также с согласия врачей и педагогов, его обязаны принять в первый класс даже с 5 лет.

Вообще же, уважаемый Шамиль Назирович, на 280-й свет клином не сошелся. В вашем районе, совсем недалеко друг от друга расположены еще, по крайней мере, четыре школы. Всего же в Москве почти четыре тысячи лицеев, школ, гимназий, колледжей – целых 42 вида образовательных учреждений, от детских садов до надомных школ. Закон предусматрива-

ет почти неограниченный выбор форм обучения: очное, вечернее, заочное, дистантное, экстернатное, в семье.

ВОЗМОЖНОСТЕЙ НЕТ, А НАДЕЖДА ОСТАЕТСЯ

Закончил одиннадцатый класс без троек, хочу учиться дальше, подал документы в МГУ. Знаю, как трудно туда поступить даже золотым медалистам. И тем более мне, не имеющему ни «мохнатой руки», ни валютных накоплений, ни возможности заниматься на подготовительных курсах. И все же надежды не теряю. Может быть, существуют хоть какие-то льготы для таких, как я?

Федор Сотников,
выпускник школы-интерната,
инвалид 2-й группы

Надежды ваши, Федор, вполне обоснованы. При получении положительных оценок на вступительных экзаменах в вуз зачисляются вне конкурса уволенные в запас военнослужащие, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, инвалиды 1-й и 2-й групп, которым, согласно заключению врачебно-трудовых экспертных комиссий, не противопоказано обучение на избранном факультете.

О том, что вы не занимались на подготовительных курсах, жалеть особо не стоит: их слушатели сдают вступительные экзамены на равных с остальными абитуриентами основаниях.

ОГРЕХ ТВОРЕНИЯ

Тот урок начался с учительского объявления о самостоятельной работе на тему «Война в нашей семье». А солнышко за окном уже всюю припекало, ярко зеленели бархатистые травяные лужайки в школьном сквере, старожко выглядывали из почек первые робкие листочки. До сочинения ли тут!.. Однако надо – значит надо.

Первые строки, как те листочки-разведчики на деревьях, с трудом пробивались из штампов: «Война принесла смерть и горе не в одну семью. Вот и нашу семью она задела своим черным крылом. Когда война началась, моему дедушке было пять лет. Было голодно, страшно за свою жизнь, жизнь друзей и родителей. Но дедушка сразу решил, что должен защищать родных и близких, должен воевать с врагом. Когда ему исполнилось 18 лет, вопреки запретам родителей он отправился на фронт...».

Я так увлеклась, что строчки стали буквально набегать одна на другую, вроде как устроили настоящую игру вперегонки. Едва успевала живописать, как храбро и где воевал дедушка, какие награды получал. Последнюю точку в сочинении ставила с сожалением.

А потом было подведение итогов. В два этапа: в школе и дома. В первом случае мою работу оценили пятеркой, причем учительница особо хвалила меня, как бы это сказать, за знание предмета. От удовольствия рот мой сам собой расплылся до ушей.

Дедушка же, когда прочитал мое сочинение, чуть не выпал из кресла от хохота. Когда успокоился, сказал:

– Превратить пятилетнего пацана за четыре года в геройского восемнадцатилетнего фронтовика дано не каждому. Не берусь судить о твоих литературных способностях, но с фантазией у тебя все в порядке.

А я-то надеялась на очередную порцию восхищения моим талантом. Пришлось опуститься на грешную землю. Как ни старалась заставить себя, поделиться дедушкиной оценкой с учительницей я так и не решилась. Ношу первый творческий грех в себе. Как напоминание о праве каждого на собственное мнение, неотделимое, впрочем, от обязанности взвешивать слова, факты и отдавать отчет в сказанном.

Яна БОЧАРОВА,
студентка факультета журналистики

8 Подготовный ящик

Судья не обсуждает разумность закона.

(Из латинской юридической фразеологии)

Рис. Леонида НАСЫРОВА

ПОКУШЕНИЕ НА СТЕРЕОТИП

По судебным разбирательствам трудовых конфликтов давно сложился определенный стереотип – защищать уволенного. Это идет от жизни. Очень часто начальство, избавляясь от неугодного подчиненного, нарушает все мыслимые правила. Однако недавно мне довелось участвовать в разрешении спора, где пришлось защищать интересы крупного банка и его администрации от незаконных притязаний бывшей сотрудницы, освобожденной от должности по собственному желанию. Особую пикантность ситуации придавало то, что «пострадавшая», обратившись с иском в один из межмуниципальных судов Москвы, просила взыскать с ответчика в свою пользу около 300 тысяч долларов! Думаю, по трудовым спорам наше правосудие таких сумм пока не знало. Но и это еще не вся сенсация. Суд первой инстанции иск удовлетворил, причем в полном объеме.

Конфликт же сам по себе достаточно банален. В банк пришел новый руководитель. Анализируя работу отделов и служб, он высказал ряд замечаний в адрес бухгалтерии. Реакция оказалась бурной, финансовый директор положила на стол заявление с просьбой уволить ее по статье 31 КЗоТ РСФСР, действовавшего в то время, то есть по собственному желанию.

А следует заметить, что указанная статья, как и пункт 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 года №16, обявляли суды при рассмотрении споров о расторжении трудового договора по инициативе работника иметь в виду, что в этом случае подача заявления должна быть именно добровольным волеизъявлением. Вместе с тем, указывая причины, побудившие ее уйти из коллектива, финдиректор использовала такие формулировки, как «затруднение работы», «устный шантаж», «создание невыносимого климата в бухгалтерской службе»... Так что ни о каком «добровольном волеизъявлении» тут не могло идти речи. И сотрудницу письменно уведомили, что ее просьба не может быть удовлетворена.

Тогда дама взяла «больничный», а затем и вообще исчезла с видимого горизонта, никак не давая о себе знать и не отвечая на телефонные звонки обеспокоенных коллег. Многократно по ее адресу, по адресам ее родственников и близких рассылались заказные письма с уведомлением о вручении. За исключением одного все они вернулись в банк целехонькими. А спустя девять месяцев

пришло сообщение из суда о том, что получен иск от гражданки Т. с просьбой... взыскать с банка в ее пользу средний заработок за время вынужденного прогула и признать увольнение за прогул незаконным.

Стоп. О каком вынужденном прогуле речь? И о каком увольнении за вынужденный прогул? Такого приказа никогда не издавалось! Четыре месяца невыхода финдиректора без объявления причин на работу действительно подтолкнули администрацию банка к необходимости освободить исчезнувшую даму от занимаемой должности. Но имея формальные основания уволить ее как по пункту 4 (за прогул), так и по пункту 5 (за неявку на работу в течение более четырех месяцев подряд вследствие временной нетрудоспособности) статьи 33 КЗоТ, руководство все же применило статью 31 (по собственному желанию). Как в общем-то и просила женщина в самом начале этой истории. Но так как это осуществляется только на основании личного заявления, а контактов с финдиректором не было, то в банке сослались на первичное заявление сотрудницы.

Узнав об этом на первом судебном заседании, истица вовсе не пожелала поблагодарить бывших начальников за смягченную формулу увольнения, а подала «уточненное исковое заявление» с той самой астрономической суммой претензий. И вот этот иск и был полностью удовлетворен. Как нам представляется, исключительно в силу инерции судебной практики.

Поэтому в кассационной жалобе на это решение мы указали на следующие нарушения муниципального суда. Во-первых, суд нарушил процессуальное право. Согласно статье 34 ГПК РФ истец действительно может изменить основание или предмет иска. Но в данном случае были одновременно изменены и основание, и предмет, фактически представлено новое исковое заявление. А по существующим правилам оно не может быть рассмотрено в том же судебном заседании и тем же составом суда.

Другой наш аргумент: выводы суда не соответствуют обстоятельствам дела, а существенные для дела факты подтвер-

ФОТО АЛЕКСАНДРА КАРЗАНОВА

Ольга ИСТОМИНА, старший партнер адвокатской группы «Санкталекс»

жены недостоверными и противоречивыми доказательствами. Скажем, суд принял решение о взыскании с банка в пользу истца премии за предшествующий конфликту год. При этом сделана ссылка на пункт 2 статьи 5 типового трудового договора между сотрудником и банком, который якобы обязывает администрацию выплачивать сотрудникам квартальные и годовые премии. На самом же деле выплаты здесь осуществляются «по усмотрению администрации».

И, наконец, суд нарушил материальное право. Ошибочное толкование закона, положения о премировании и других документов позволило ему согласиться с непомерными финансовыми требованиями истца. В то время как ответчик представил свой реальный и обоснованный расчет.

Согласившись с доводами кассационной жалобы, судебная коллегия по гражданским делам Мосгорсуда не сочла возможным признать законность решения суда первой инстанции, отменила его, а дело направила на новое рассмотрение в тот же суд, но в ином составе. Однако продолжения процесса не последовало. Банк и бывший финдиректор заключили мировое соглашение. При этом сумма претензий к банку оказалась сниженной почти в десять раз.

В заботах о своем здоровье мы, слава Богу, уже научились различать врачебные специальности и не обратимся по поводу насморка к глазнику или хирургу. Но столь же многообразен и спектр юридической помощи. Есть мастера разрешения уголовных, трудовых и семейных конфликтов, есть специалисты в области земельных или финансовых отношений. Адвокату Максиму Косареву особенно удаются дела, связанные со стройплощадкой, с нашими жилищными проблемами.

Еще не так давно в Москве многие были наслышаны об успехах компании «Юнистрой». Она рекламировала себя даже в такой популярной телепрограмме, как «Поле чудес». Угадавшие заветное слово получали в качестве суперприза ключи от построенной компанией квартиры. И вот уже десятки семей справили неожиданное новоселье. Но, как часто водится у нас, люди не слишком заботились о юридическом оформлении своего счастья. И в один прекрасный день встал вопрос... об их выселении из только что обустроенных квартир. Оказывается, компания не полностью рассчиталась со строителями, а сама... испарилась.

Понятно, что о таком повороте с телеэкранов уже не сообщалось. Адвокат Косарев узнал о случившемся от своей знакомой, также оказавшейся в незавидном положении. Первая мысль, которая пришла в голову, — это о гарантиях московского правительства, некогда выдавшего лицензию злополучной фирме. Но, зная неповоротливость бюрократического механизма, адвокат счел за лучшее немедленно обратиться в суд. Дабы он признал за новоселами их право на полученное жилье.

— Самое сложное в том деле, — рассказывает Максим Александрович, — было собрать необходимые документы. Ведь уже сама форма приобретения людьми квартир была необычной — приз за победу в игре. Значит, это уж точно не купля-продажа, а скорее подарок. В таком случае закон действительно знает и такую форму совершения сделки, как символическая передача имущества — в момент передачи ключей от квартиры. Но то, что миллионы телезрителей наблюдали сей акт, подтверждает его лишь отчасти. Нужно было документально проследить всю процедуру перехода прав собственности: от договоров между компанией «Юнистрой» и строителями, между ней и телевидением до бумаг, по которым производилось вселение, а в последующем и оплата жильцами коммунальных услуг. Тем не менее все это удалось сделать. Мы подали иск о признании права собственности для 23 семей, и он практически сразу был удовлетворен. Людям выдали соответствующие свидетельства, и они стали полноправными хозяевами своих жилищ. С другой стороны, это судебное решение по-

ПРАВОВОЙ СТРОЙКИ

зволило и московским чиновникам определиться, наконец, в действительно непростой ситуации. Не прошло, как говорится, и трех лет, как и другие пострадавшие в той истории были признаны собственниками выигранных квартир.

Слушая бесконечные рассказы из жизни новостроев, ловлю себя на том, сколь многогранна и сложна эта сфера, как жизненно важна она для каждого участника конфликта и... что для верного решения порой явно недостаточно самого глубокого знания всех юридических параграфов и пунктов.

На одной из столичных окраин вырос чудо-гараж. Семь этажей со всеми удобствами для пятисот автовладельцев. Финансировали стройку префектура района, гаражно-строительный кооператив, частное предприятие и группа частных лиц, живущих по соседству. Но подрядчик не довел дело до конца, его функции взяли на себя префектура и ГСК, и в итоге 35 пайщиков ГСК остались без выделенных мест под новой крышей. Естественно, снова сбор необходимых документов и снова иск в суд. К правопреемнику подрядчика, то есть к префектуре и ГСК.

— Но ведь все понимают, как сложно судиться с местной властью на местном же уровне, — замечает мой собеседник. — Тут всегда найдутся причины если не отказать, то бесконечно затянуть процесс. А люди хотят решить свои дела побыстрее. Да никому и не нужно пригвоздить кого-то к позорному столбу, наказать. И мы с иском заявлением в руках стали искать варианты мирного разрешения конфликта. И нашли. Заключив с ГСК договор цессии. Мои доверители уступили

ПРАВОВОЙ ФУНДАМЕНТ

кооперативу свое право востребовать от подрядчика суммы, которые были внесены на строительство гаража. Сами же доверители были признаны собственниками причитавшихся им машиномест. В выигрыше оказалась и префектура: она избежала скандального судебного разбирательства.

В мирном исходе такого рода конфликтов с властью, как считает адвокат, особенно заинтересованы представители малого и среднего бизнеса. Подчас они готовы отказаться от вполне законных требований к чиновникам, лишь бы те признали свои ошибки и впредь не допускали их. Так было, например, когда в ряде префектур изобрели совершенно невиданную правовую конструкцию: в дополнение к договорам аренды помещений потребовали от арендаторов-бизнесменов заключить еще договоры аренды земельных участков, на коих эти помещения располагались. Один за другим два таких договора были признаны судами недействительными, а в остальных случаях чиновники клятвенно пообещали отказаться от противозаконной практики при пролонгировании арендных отношений. Бизнесмены не возражали, и проблема потихоньку рассосалась.

— Тут, впрочем, надо иметь в виду одно обстоятельство, — обращает мое внимание адвокат. — Наши оппоненты понимают, как правило, только реальную угрозу проиграть в суде. Поэтому разговор о мировом соглашении возможен лишь тогда, когда собраны неоспоримые аргументы нашей правоты. А еще лучше, если можно опереться на уже состоявшееся судебное решение по аналогичному воп-

росу. Ведь любой гражданский спор – это чьи-то серьезные экономические интересы, и никто так просто ими не поступится. Тем более, если речь о таких абсолютных ценностях, как жилье, недвижимость.

В подтверждение этой мысли адвокат привел давний спор одного из крупных производителей автопокрышек со строительной компанией. Почти два года Косареву и его коллеге Игорю Хлебникову пришлось доказывать, казалось бы, очевидную правоту строителей.

В свое время производственники пожаловались в столице новым офисом. Для чего договорились со строительной компанией о ремонте арендованного ими административного здания. Строители занялись делом и трудились, пока не прекратилось финансирование. И тут заказчик вдруг посчитал, что переплатил за выполненные работы ни много ни мало, а 57 тысяч долларов. Которые и потребовал вернуть. Строители развели руками: как так? Вот же подписанные вами акты

самые неожиданные нюансы практики. Скажем, наши оппоненты никак не могли или не хотели взять в толк разницу между функциями подрядчика и генподрядчика. Они полагали, если строители не обращались к кому-то за помощью в разработке и получении проектной документации, то таковой вроде бы и нет. Но это подрядчик, узкий специалист, ждет от кого-то все необходимые бумаги. А генподрядчик все делает сам. И у строителей были все основания поступать именно таким образом. Они же выступили именно в качестве генподрядчика, что и зафиксировано в договоре. А ссылки их оппонентов на какую-то экспертизу просто несостоятельны. Экспертиза проводилась в рамках совсем другого дела, решала совсем другие вопросы и не могла служить основанием для оценки труда моих доверителей. Ко всему этому производители шин как будто забывали, что их расчеты со строителями уже были предметом рассмотрения в арбитражном суде и в нашу пользу с них была взыскана за-

но. Так что и апелляция инстанция арбитражного суда не согласилась с доводами наших оппонентов.

Впрочем, было еще и кассационное производство, и требование о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Такими обстоятельствами оппоненты считали результаты экспертизы, проведенной еще по одному делу. Из них следовало, что строители почти вдвое завысили объем проделанной работы. Но, как и раньше, новая экспертиза никак не прояснила нынешнего спора, ибо касалась совсем других вопросов. К тому же относительно правомерности проведения этой экспертизы, беспристрастности и профессионализма эксперта возникли серьезные сомнения, которые стали предметом специального расследования. Потому и эти этапы арбитражного разбирательства завершились в пользу строительной компании.

Выигрыш в десятки тысяч долларов, безусловно, производит впечатление и вроде бы позволяет сам по себе судить о квалификации адвоката, его добывшегося. Но Максим Александрович меряет успех иными категориями. Убедительностью и оперативностью реагирования на «происки» процессуальных оппонентов. Скажем, уже в отзыве на поступивший в суд иск должны быть даны оценки всем без исключения доводам истца, включая те, что, может, им и не приведены на бумаге, а только презумируются. И когда в том же арбитражном деле появился вопрос о якобы обязательном наличии сметы предстоящих расходов, адвокат привел и собственную трактовку статьи 743 ГК РФ – о технической документации и смете. Закон, по его мнению, не рассматривает наличие сметы как обязательное условие заключения договора, а лишь допускает ее наличие как документа, определяющего цену работ. При этом адвокат напомнил судьям, что стоимость работ, которые обязались произвести строители, приведена в специальном приложении к договору.

– Арбитражный процесс – это медленное движение по минному полю, – шутит мой собеседник. – А применительно к строительным спорам надо еще обезопасить себя от всяких «просадок» и «обрушений».

Пока адвокату Косареву это вполне удается.

Игорь МИХАЙЛОВ,
спецкор «Российского адвоката»

о выполнении этих самых работ! В том числе о подготовке и получении исходно-разрешительной документации (это на 26 тысяч баксов) и о подготовке проектной документации (еще 57 тысяч). Но заказчик не отступал. Он представил заключение экспертизы о том, что сделанное вовсе не тянет на означенные суммы и, стало быть, разницу необходимо вернуть.

Надо сказать, что строители располагают собственной солидной юридической службой. Но дело явно не шло к мировой, предстоял арбитражный процесс, в котором нужны особые навыки. К тому же на кону оказалась слишком серьезная сумма, и в компании решили не рисковать, а довериться сторонним специалистам-адвокатам. Тем более что коллеги по бизнесу в один голос называли таких. Это были Максим Косарев и Игорь Хлебников.

– При всей кажущейся простоте коллизии, – рассказывает Максим Александрович, – в этом деле сошлись и сугубо теоретические проблемы юриспруденции, и

долженность, в том числе и по оспариваемым актам.

Словом, и новый суд отверг все претензии производственников. Но те не смирились, лишь несколько подкорректировали свои требования. Основной упор в апелляции жалобе сделали на отсутствие у строителей сметной документации, что якобы подтверждает невыполнение работ в полном объеме.

Но позвольте, составление сметной документации не являлось обязанностью строителей! В согласованном в свое время графике производства работ такого пункта просто не было, да и не могло быть. С другой стороны, акты сдачи-приема соответствующих работ, безусловно, свидетельствуют, что «работы выполнены в полном объеме и полностью соответствуют условиям контракта». Что же касается передачи исполненной документации заказчику, то она предполагалась после завершения строительства. Поскольку без нее вести строительные работы невозмож-

На снимках: тот самый дом от «Поля чудес» и тот самый гараж; адвокаты Максим Косарев (слева) и Игорь Хлебников обсуждают выход из очередного юридического тупика

ШРАМЫ НА СЕРДЦЕ

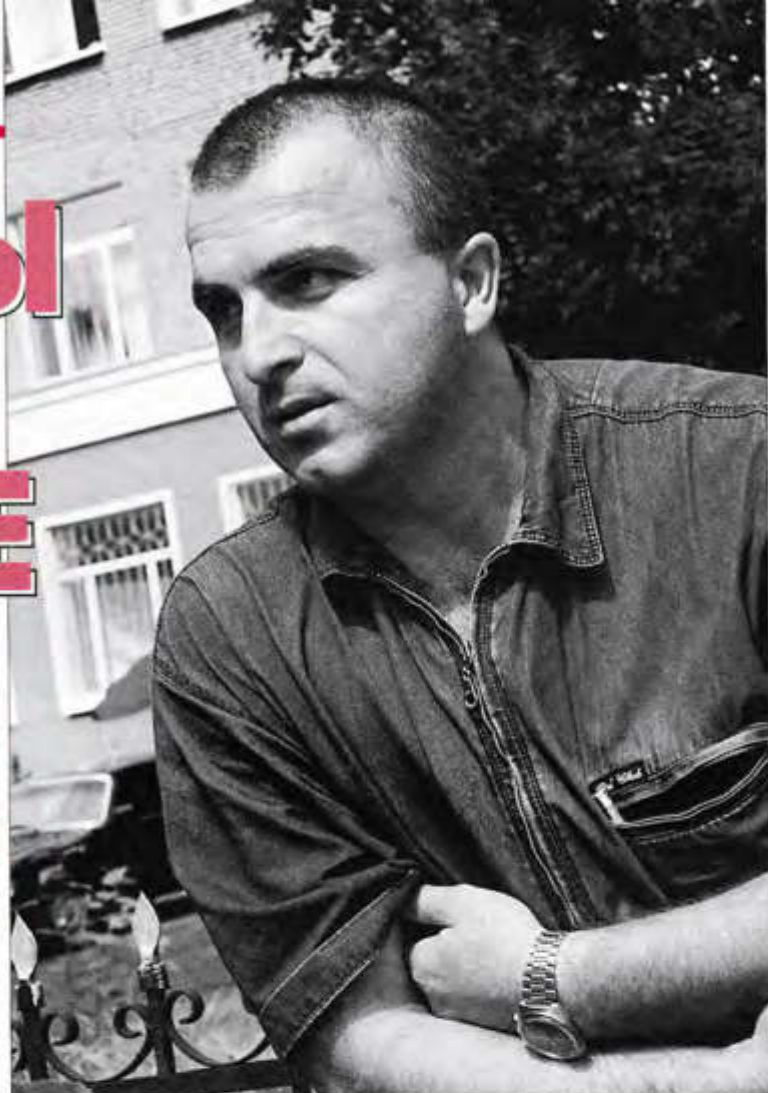
Цуров Ибрагим Исаевич, 30 лет с небольшим. В коллегии адвокатов Чеченской Республики на «особом положении» – заведует адвокатским кабинетом в Ханкале, где базируется штаб контр-террористической операции. Обслуживает и гражданских, и военных. Учитывая пристрастное отношение местных властей и жителей, каждый его шаг находится, можно сказать, в «перекрестье» прицелов даже не с двух сторон, а с трех, если не с четырех.

Долго удержаться на одном месте Ибрагим, по первому впечатлению, вообще не в состоянии. Большой, порывистый, он словно соткан из мускулов-жил для борьбы, преодоления. И когда, рассказывая, рывками маячит туда-сюда, так и кажется: позволяя обстоятельства, он прямо вот сейчас бы вспорхнул, улетел к своим братьям (так Цуров называет подзащитных) – разбираться, искать, помогать. А в поддержке закона сегодня в Чечне нуждаются многие и многие. Если не все...

Одних только пропавших без вести с той и другой стороны – десятки тысяч. И родственники их не теряют надежды, продолжают искать. Чтобы цифры эти не продолжали расти за счет новых заложников и жертв кровной мести, адвокатам приходится заниматься не только непосредственно юридической защитой, но и выполнять роль своеобразного буфера между некой частью местного интереса и малотом антитеррористических целей, между населением и военнослужащими.

Несмотря на то что доводится вести разные дела, порой вторгаясь в интересы тех и других, Цурову каким-то чудом удается поддерживать хорошие отношения со всеми. Хотя почему – чудом? Он ведет много дел по назначению, бесплатно консультировал земляков в процессе подготовки к республиканскому референдуму по Конституции. За годы войны у людей накопилось множество вопросов, а денег на оплату квалифицированной юридической помощи нет. Да и самих профессиональных юристов в республике пока раз-два и обчелся. (В реестре значится 91 адвокат, но практикуют куда меньше.) Приходится Ибрагиму быть одному в нескольких лицах. Он не чурается общения ни с кем в любое время, старается, кроме всего прочего, возратить (старшим), привить (младшим) потребность, осознание необходимости и привычку жить по закону.

– Недавно был я в командировке на пограничной заставе далеко в горах, на границе с Грузией, – рассказывал Ибрагим. – Понадобилось срочно закрывать восемь уголовных дел, а единственный в тех краях адвокат Залина Бистаева в отпуске. Так вот там, в селе Борзой, довелось мне выдержать настоящую осаду. Атаковали со всех сторон: дескать, почему ты,

наш человек, защищаешь не чеченцев, а врагов, гяуров? Наступаю: «Потому что это мой профессиональный долг – защищать права человека, независимо от того, мирный он житель, военнослужащий или даже боевик. Вы же не ушли в горы с оружием в руках, живете здесь, занимаетесь своим делом. Значит, вы верите в торжество справедливости, согласны с теми законами, по которым живут «гяуры»? Стало быть, и мы, и они можем жить под Богом, как граждане одной страны, россияне? Я же, как адвокат, защищая права человека, защищаю прежде всего закон. А в армии тоже служат люди, и проблем у них бывает не меньше, чем на гражданке. Вот мы говорим, что не каждый чеченец – бандит и не каждый бандит – чеченец. Точно так же не каждый враг – солдат и не каждый солдат – враг». Проняло, согласились, что главное – мир на нашей земле, что законы в России теперь хорошие, надо лишь, чтобы они работали по-настоящему. А это возможно, когда законы в стране едины для всех.

Ладно бы, в скором возвращении на израненную чеченскую землю закона и порядка сомневались гордые, самолюбивые, но не слишком просвещенные в юриспруденции горские аксакалы. Консервативность их склада мышления по-человечески понятна. Так нет, барьеры законоприменению тут и там возводят нередко сами те, кто призван стоять на страже законности – сотрудники правоохранительных органов. Не имеющие серьезного опыта оперработники и следователи, а их в прокуратуре и МВД республики подавляющее число, почему-то убеждены, что чем больше соотечественников из тейпов-кровников они отправят за решетку под маркой бывших боевиков и их пособников, тем быстрее в Чечне наладится нормальная мирная жизнь. Их мало волнует то, что милицейский пресс выдавливает чеченцев с родной земли едва ли не с большей силой, чем набети-«зачистки» вооруженных неизвестных в масках, на машинах с заляпанными

грязью номерами, что произвол рождает протест, сопротивление, системное пополнение рядов боевиков. Именно здесь, судя по всему, следует искать «родовые» корни захвативших «Норд-Ост» бараевских «волонтеров». Конечно, адвокаты, требующие соблюдения процессуальных норм и доказательств по каждому эпизоду, мешают, по мнению сотрудников правоохранительных органов, в их правом деле. Потому-то они и считают представителей защиты чуть ли не своими личными врагами и при первой возможности ставят им палки в колеса.

Лишь перед самым отъездом в Москву, на прием в Верховном суде РФ, Цурову удалось наконец-то повидаться с одним из своих подзащитных Рустамом Арсанукаевым, арестованным рубоповцами за две недели до того. Судьба у парня непростая. Рано потерял родителей, жил с бабушкой, младшими братьями и сестрой, был для них кормильцем и опорой. Как и немало его сверстников, попал между жерновами двух войн. Воевал на стороне боевиков, сдался в плен. После амнистии вернулся домой в Старую Сунжу. Женился, родилась дочка. А потом Чечню накрыла новая сеть контртеррористической операции. Мужчин, даже амнистированных, стали упрячивать за решетку. Кого по делу, за связи с бандитами, а кого просто так, под сурдинку. Не минула чаша сия и Арсанукаева. Обвинили, как соучастника подготовки терактов в Грозном и других местах, хотя он ни сном ни духом не ведал ни о каких заложниках, бомбах-фугасах, не имел ни малейшего представления о том, где теперь могут находиться его бывшие командиры. Работал, занимался семьей.

Но сотрудники отдела МВД республики по борьбе с организованной преступностью и в мирное время донимали «висяки» в отчетности. С возобновлением боевых действий, тем более с объявлением международной войны террору нетерпимое отношение к нераскрытым преступлениям лишь усилилось. Рассуждают просто: сколько, мол, волка ни корми, он все равно в лес смотрит, семья же черному делу террора не помеха. Сориентированные на установку «сажать, сажать и сажать», арестовали парня, причем в нарушение всех и всяческих процессуальных норм содержали не в СИЗО, а как заложника, приковав наручниками к батарее в одном из кабинетов отдела. Бабушка Рустама отыскала адвоката Цурова, попросила взять защиту внука на себя. Ну, взяты-то взял, а никаких конкретных шагов предпринять не мог – к подзащитному адвоката под разными предлогами не пускали.

Надоел всем, пообивал милицейские пороги и все без толку. В хлопотах не заметил, как пролетело время. «Оглынулся» – три месяца не был в отчем доме в Ингушетии, не видел отца-мать, брата, сестер. Но даже это не так беспокоило, как осознание беспомощности в деле Арсанукаева. В конце концов терпение лопнуло, рискнул обратиться к прокурору республики. Конфликтовать с ним убоповцы не решились, но по каждому случаю к прокурору республики не побежишь.

Впрочем, несмотря на вмешательство сверху, побеседовать толком с подзащитным в милиции адвокату все равно не дали. В кабинете неотлучно находились два оперативника, делали вид, что решают какие-то свои неотложные дела. Но как только Цуров, чтобы получить более-менее реальное представление о деле, стал задавать вопросы подзащитному на бумаге, они тут же потребовали показывать написанное. Когда он возмущался столь откровенным нарушением законов, в ответ улыбался:

– Здесь нет УК-УПК, Конституции. Здесь война и 6 отдел. А вдруг в окно пуля залетит, и тебя убьет. Отвечать-то нам.

Вообще-то при желании на войну можно свалить и списать все, что вздумается. Даже, к примеру, ничтожную пока эффективность усилий по наведению конституционного порядка в структурах местного самоуправления и уставного – в войсках. Один из сотрудников прокуратуры как-то сказал Цурову:

– Еще посмотреть надо, кто больший ущерб армии наносит: боевики или закон в нашем лице. Сколько офицеров, контрактников, солдат сажаем. Выходит, боеготовность подрываем...

И тем не менее, как процветали на гражданке и в войсках превышение служебных полномочий, вымогательство, хищение финансовых и материальных средств, издевательства, заложничество, убийства, мародерство, так и процветают. Как бежали из республики семьями, а из армии группами, так и бегут. Как без особого энтузиазма воспринимали адвокатов исполнительная власть и суд, так и воспринимают, объясняя развал очередного дела их происками, а не далеким от профессионализма следствием.

Год на войне считается за три мирных не только потому, что в боевой обстановке люди рискуют жизнями, лишаются трудом нажитого добра, теряют родных, близких, хотя это всеми видимое, осязаемое горе само по себе непоправимо страшно. Есть у войны еще один, пожалуй, особенно коварный по своим последствиям вид оружия – разрушение устоявшегося мирного образа жизни, системы правовых отношений и нравственных ценностей, без чего общество, государство не могут считать себя таковыми.

Нельзя всю жизнь воевать, убежден Цуров. Нельзя под прицелом строить новую жизнь. А пока приходится... Что это такое не на словах, а на деле, Ибрагиму самому довелось испытать и не раз. Но последняя командировка в Старую Сунжу с особой наглядностью показала, насколько сложен путь к праву в делающей первые мирные шаги республике. В частный дом, где он остановился на ночлег, ворвались люди в камуфляже. Избили хозяев, досталось и Цурову, хотя он и представился, попытался объясниться... Хорошо, хоть в живых оставили. Ведь пропали же без вести двое коллег, в собственном доме убили адвоката Саид-Ахмета Бабиева...

И все-таки, когда заканчиваются боевые действия, долго ли, коротко ли, однако время-лекарь все-таки снимает щемящую остроту личных потрясений, новыми заботами и переживаниями рубцует саднящие раны военных утрат. И сейчас Ибрагим с удовольствием отмечает первые признаки новых, мирных настроений в чеченском обществе, восхищенно рассказывает о возвращающихся в родные места коллегам, грозненских новоселах...

В это, честно говоря, сразу трудно поверить. По крайней мере, еще три года назад, когда я был там, казалось, что только неисправимые оптимисты могут говорить о скором восстановлении «мертвой» столицы Чечни, разрушенной фактически дотла. Тем более приступить к нему в условиях непрекращающихся боев, терактов, угроз. И все же, вопреки всему, на месте сровненных с землей, торчащих скелетов взорванных зданий там и там начинают появляться новые. Открываются детские сады и школы, отцвели абрикосы и вишни...

Ясно, что непросто все это дается. Мучительно тяжело, с надрывом возвращается мир в Чечню не только в экономическом, но и в моральном плане. Беспредел войны успел сделать черное дело, установив свои нормы взаимоотношений, нравственности, возложив на плечи не десятков, не сотен даже – тысяч чеченцев тяжкую ношу кровной мести. Больно видеть, как привитый годами произвола синдром вседозволенности, юридического нигилизма упрямо встает на пути возрождающейся жизни. Сложнее, чем даже возвращение к жизни мертвых улиц полностью разрушенного Грозного, оказалось усваивать нормы и правила цивилизованного общежития в мирных условиях тем, для кого с детских лет главным законом стал закон диких гор, главным аргументом в спорах – кинжал и пуля. И на этом нравственно-правовом пространстве адвокат Цуров и его коллеги видят четко очерченное поле своей деятельности.

Валерий РЯЗАНЦЕВ,
спецкор «Российского адвоката»

НАВЕТ

Скрежетнул в замочной скважине огромный ключ. Клацнула железная решетка. Привычно, но теперь как-то необреченно, резанула слух тяжеленная металлическая дверь. Митин вышел на улицу, вздохнул глубоко, полной грудью. Все, прощай, зона...

– Виктор Иванович, вы как-то обмолвились, что покидали Нижнетагильскую колонию после почти четырех лет отсидки с ощущениями победителя.

– Да не обмолвился, а на самом деле выходил победителем. Мало того что срок удалось скостить на треть, так еще появилась и возможность пересмотра приговора, полного оправдания. А это дорогого стоит. К тому же на свободе легче разобратся с «должниками». Хотя и в то время, что я был на зоне, о спокойной жизни мои обидчики могли только мечтать.

– Это вы о тех, кто засадил за решетку некогда перспективного милицейского следователя, потом вполне процветающего юриста Митина? Все ведь у вас так хорошо складывалось и вдруг...

– А у нас нередко бывает по Райкину: что одному хорошо, то другому житья не дает. Корень зла, если это можно злом назвать, во мне самом – ну не умею спокойно, молча проходить мимо безобразий, беззакония. В милиции же сразу пришлось столкнуться с беззастенчивым враньем «галочной» отчетности, откровенными подтасовками. Я, конечно, не сумел смолчать, стал возмущаться. Нарвался на начальственное предупрежде-

КАК АДВОКАТ ДВУХ ГЕНЕРАЛ

ние: не лезь, мол, не твоего ума дело, сам начальник областного управления в курсе, строго следит за «порядком в цифрах».

Не вял. И тут же мне дали понять, что означает, когда тучи сгущаются над головой. Чуть ли не официально обозвали клеветником, стали подставлять самым откровенным образом. Не обвиняли разве что в измене Родине. «Флажковали», словно дикого волка в лесу.

Мы с коллегами в то время расследовали жуткое преступление с отягчающими обстоятельствами. Работали без сна и отдыха, на пределе возможностей. Преступление раскрыли. И вот тут-то мать одного из преступников вдруг заявляет (как потом выяснится, по наводке одного из моих руководителей), что я получил от нее взятку. Якобы за обещание вывести ее сына из-под следствия. Каково? Мы тогда сидели по 5–6 человек в одном кабинете, так что дать-принять взятку втайне и при всем желании практически невозможно. Тем не менее состоялся суд офицерской чести. Он принял решение, что таким, как я, не место в доблестных рядах нашей милиции. А через пару месяцев мне присвоили звание капитана.

– Как это? Полное отсутствие всякой логики.

– В таких случаях действует своя, особая логика, не подвластная пониманию нормальных людей. Кстати, на офицерском собрании я потребовал возбуждения уголовного дела по факту той самой «клеветы» на коллег. Открыто поддержать меня сослуживцы не решились, однако я настаивал... В Ярославль приехал разбираться кадровик из центрального аппарата МВД. Мне он первым делом предложил перевод в другую область начальником следственного отдела. Я, естественно, отказался и вскоре был уволен.

– Так уж и естественно? Устоять перед соблазном, тем более собственноручно поставить крест на своей карьере, согласиться, решится не всякий.

– А я по-настоящему верил в свои силы и правоту. Главное – уходил я на вольные хлеба нормальным человеком, без клейма преступника. Определенное удовольствие испытывал и оттого, что отлаженный Тороповым и его окружением под себя механизм вседозволенности все же дал сбой. Понял: в новых условиях не пропаду, если займусь тем делом, которое позволит максимально использовать свой нереализованный потенциал. Поработал начальником юротдела в тресте, потом родилась идея правового кооператива, прообраза нынешней юридической консультации «Митин и К».

С первых шагов при защите клиентов пришлось столкнуться с вопиющим беспределом сотрудников милиции и на муниципальном уровне: беспричинные задержания, избияния людей, вымогательство... Зная изнутри прокурорско-милицейскую «рукаможку», «кухню» сокрытый и покровительства, мы стали выигрывать одно дело за другим. Пошли клиенты, появились деньги, независимость.

– Насколько я знаю, на том этапе вас потянуло в политику, на митинги Народного фронта. На одном из них вы во всеуслышание заявили о коррумпированности правоохранительных органов, взяточничестве генерала Торопова. Даже предложили проголосовать за снятие начальника облуправления МВД с должности. Митинг был «за». И что дальше? Ничего ведь. Такое впечатление, что тогда просто не удалось вам, как и многим, избежать притягательной силы популизма, искуса самовыражения через общественное признание.

— Я был тогда членом оргкомитета Народного фронта. Заниматься общественной деятельностью и не участвовать в митингах, вы понимаете, было просто невозможно. А для меня это стало чуть ли не единственной возможностью предать гласности милицмейские безобразия, и Народный фронт оказался надежным союзником в борьбе с идеологами и проводниками беззакония, произвола под флагом демократии. Мы ведь сразу и по полной программе испытали давление со стороны правоохранительных органов, но делалось все исподволь, а потому официально, через суд, предъявить к ним претензии было сложно. Хотя многие понимали, что и как, где собака неприязни власти к нам зарыта. Позже следователь из Костромской областной прокуратуры Судаков прямо сказал мне в доверительном разговоре, что ему поставлена задача посадить Митина. Я спросил его: «А как же взяточник?» Он ответил безыскусно: «Но он же — член обкома, его посадить нельзя». При этом Судаков даже не спросил, кого я имею в виду. Также знал, выходит, о своеобразном хобби Торопова.

Как бы там ни было, вскоре против меня возбудили новое уголовное дело с обвинениями чуть ли не по половине статей УК, в том числе в хищении в особо крупных размерах, вымогательстве и... получении взятки (это в негосударственной-то структуре, где оплата труда отнюдь не по госрасценкам, а на договорной основе). Несмотря на всю абсурдность обвинения, фактическое отсутствие доказательной базы, непризнание вины, суд приговорил меня к шести годам лишения свободы. Думаю, сыграли свою роль показания одного бывшего моего партнера. Когда я потом спросил его, как можно признаваться в том, чего не совершал, он ответил: «Пойми, меня же могли запросто убить».

Это были не пустые слова. При странных обстоятельствах стали уходить из жизни причастные к фальсификации моего дела сотрудники правоохранительных органов. Сначала погиб якобы от самопроизвольного выстрела при чистке пистолета следователь Смирнов. Потом еще и еще... Восемь трупов! В газете даже

ли искать справедливость по закону — в суде. Тут уж и министерство внутренних дел не могло остаться в стороне... Когда к нам в город наведальась серьезная комиссия оттуда, Торопов срочно лег в госпиталь, как оказалось, на целых полгода.

— И вскоре был уволен, насколько мне известно, не без участия тогдашнего секретаря Совета безопасности генерала Лебедева. Вам с ним до того приходилось общаться?

— Да нет, к сожалению. Но видно же было, насколько это открытый, честный человек, и потому я адресовал и ему «том» документов о коррумпированности, произволе ярославских блюстителей законности и порядка, злоупотреблениях начальника областной милиции. Недели через три Ярославль взбудоражила весть: генерал милиции Торопов больше не возглавляет областное управление внутренних дел.

— Теперь, наверное, можно было и приостановиться, перевести дыхание.

— Ни в коем случае. Железо куют, пока оно горячо. Чуть подостынет, никакой кувалдой не возьмешь. Ждал своей очереди областной прокурор Г. Н. Коробов, который надежно прикрывал и Торопова, и его подчиненных, в том числе при фабрикации моего дела. Надо сказать, после освобождения ко мне шли и шли униженные, оскорбленные творящимся беззаконием люди. Так что недостатка в аргументации своего обращения в Генеральную прокуратуру я не испытывал. Коробов, как и Торопов, был обречен. Правда, его «всего лишь» тихо-мирно проводили на пенсию. А жаль...

— Известно, что в период противостояния с Тороповым вы получили мощную поддержку коллег из милиции: более двухсот сотрудников подписали письмо в вашу защиту, десятки стали свидетелями в процессе дорастведования. А как повели себя в той сложной ситуации соратники по адвокатскому цеху? У вас вроде бы даже какой-то конфликт с защитой возник.

— Не поверите, но я своего защитника в глаза не видел. А представлял мои интересы в процессе именитый московский адвокат

ТОРОПОВ ДОЛЖНОСТИ ЛИШИЛ

появилась статья «Митин сидит, свидетели вымирают». А я подумал, что это какой-то божий промысел, и в колонии, как только появилась возможность, крестился.

— На зоне вы вообще время даром не теряли. Продолжали практиковать как адвокат, помогли не одному десятку заключенных сократить срок, переквалифицировать вину. Заслужили их уважение, и, когда колония взбунтовалась, ситуацию, известно, удалось нормализовать не без вашего участия. За это вас даже — случай по тем временам уникальный — поощрили отпуском.

— Было дело. И отпуск тот со стопроцентным КПД использовал, чтобы расставить точки в отношениях с обидчиками. Стал «бить по площадям». Подтверждающие мою полнейшую невиновность документы, копии которых были в свое время следствием уничтожены, отвез представителю президента В. Г. Варухину. Не знаю точно, как дальше развивались события, но результат известен: по протесту Генпрокурора России мое дело было пересмотрено, причем президиум Верховного суда РФ даже в совокупности ложных показаний не увидел состава преступления. И я оказался на свободе.

Впрочем, тем самым осуществилась лишь часть из еще до заключения намеченного плана. Я не хотел, не мог простить тех, кто преследовал меня, они не имели права занимать высокие должности и по своему усмотрению решать людские судьбы. Копии собранных документов передал собору «Комсомольской правды», и через некоторое время она опубликовала статью Дмитрия Севрюкова «Как ломали судьбу капитану Митину».

Рассказывали, что Торопов в те дни рвал и метал. Говорят, даже помчался разбираться в Москву, но в редакции ему посоветова-

старой школы. Полтора года он убеждал мою жену, что дело ее мужа выведенного яйца не стоит, все, дескать, идет нормально, беспокоиться нечего. Потом же вдруг заявил, что по некоторым вновь открывшимся обстоятельствам ситуация изменилась кардинальным образом, обвинительного приговора не избежать, сидеть Митину за решеткой придется от звонка до звонка. Едва стало известно о трупах в деле, он вообще «сделал ноги» в Америку. В тот момент, когда мне особенно нужна была поддержка.

— Не хотелось об этом... Потому и фамилию не называю... В принципе же боль нельзя загонять внутрь организма, это чревато тяжелыми последствиями. Если рассуждать более широко, наши внутренние, корпоративные, да и чисто человеческие взаимоотношения давно требуют особого, большого разговора. Это лишний раз подтвердили «независимые» решения январского съезда, как результат неприятия иных позиций и взглядов на развитие российской адвокатуры, фактическое признание позорящего всех нас и наше дело раздора в адвокатском сообществе.

Большущий ключ провернулся с натужным скрипом. Клацнула железом о железо решетка. Натужно открылась железенная дверь. В глубокой задумчивости Митин медленно ступал по выщербленному асфальту внутреннего дворика СИЗО... Кажется, в прошлое посещение он сумел подарить своему очередному подзащитному надежду. Теперь, при очередной встрече с ним, оставалось, принципиально ничего не обещая, вселить в него веру, что справедливость непременно восторжествует.

Валерий РЯЗАНЦЕВ,
спецкор «Российского адвоката»

В редакцию поступают письма читателей, связанные с практикой применения Закона «Об адвокатской деятельности...» и других актов. Мы намерены регулярно публиковать их, отвечать на поставленные вопросы, равно как обсуждать на страницах журнала предложения о совершенствовании отдельных норм. Сегодня на вопросы читателя из Чебоксар Евгения Соловьева отвечает президент адвокатской фирмы «Юстина», кандидат юридических наук Виктор Буробин.

К АДВОКАТУ ПРОСИТСЯ СТАЖЕР

Читатель журнала ставит четыре конкретных вопроса, связанных с принятием на работу помощников и стажеров адвокатов. Вопросы действительно заслуживают внимания, и я постараюсь на них ответить. Но прежде хотелось бы высказаться о самом статусе этих лиц, как он определен Законом «Об адвокатской деятельности...» (ст. 27 и 28). В печати уже звучали сомнения относительно соответствия этого статуса реалиям жизни и специфике адвокатского труда, и надо, чтобы читатели «Российского адвоката» также имели об этом представление.

Кто же такие помощник и стажер? С позиций закона – наемные работники, на которых в полной мере распространяются нормы трудового законодательства: трудовой распорядок, гарантированный отпуск и большие, твердые заработки. Но если помощника, пусть с натяжками, еще можно отнести к техническому персоналу адвокатского образования (секретари, водители, курьеры), то стажера представить в этом качестве совершенно невозможно. Стажер приходит к адвокату учиться, чтобы затем самому стать адвокатом. И стало быть, в пору говорить не об оплате его труда, а об оплате им тех знаний и опыта, которые он получает от мэтра-наставника. Конечно, если помощь стажера в каком-то деле оказалась существенной, мэтр может отметить его вклад неким процентом от полученного гонорара. Ну а если дело проиграно и заработок мизерный или его вообще нет, то почему ученик должен оказаться в лучшем положении, чем учитель?

Можно говорить и о других нестандартных положениях закона с жизнью, но повторю, они уже обсуждались в печати, и интересующиеся могут познакомиться с высказанными суждениями. И все это надо иметь в виду, рассматривая те конкретные ситуации, о которых написал в журнал Е. Соловьев.

Итак, его первый вопрос. В качестве оснований для отказа претенденту на должность помощника или стажера адвоката закон называет наличие непогашенной или снятой судимости за умышленное преступление и признание недееспособным или ограниченно дееспособным. Так должен ли претендент представлять руководителю адвокатского образования документы, подтверждающие, что он не судим и дееспособен?

Конечно, таких документов представлять не надо, и требовать их представления ни-

кто не вправе. Это вытекает как из норм Закона «Об адвокатской деятельности...», так и норм трудового законодательства. В отношении помощника и стажера наш закон вообще не упоминает о каких-либо документах. А на бумаги, подтверждающие дееспособность и отсутствие судимости, нет указаний даже в перечне документов, представляемых соискателем статуса адвоката (п. 2 ст. 10). А поскольку помощник и стажер принимаются на работу на условиях трудового договора, то они предъявляют документы, перечисленные в статье 65 ТК РФ, среди которых интересующих нас опять-таки нет. Более того, здесь же сказано о запрете требовать от поступающих на работу документы, помимо перечисленных в данной статье.

Второй вопрос читателя журнала связан с тем, обязан ли претендент на должность стажера адвоката перед заключением трудового договора с адвокатским образованием сдать квалификационный экзамен. В законе такого требования нет. На мой взгляд, имеется в виду, что квалификационный экзамен для получения статуса адвоката претендент будет сдавать уже после работы в качестве стажера адвоката.

А нужно ли указывать в трудовом договоре, за каким адвокатом закрепляется стажер и что у этого адвоката не менее пяти лет адвокатского стажа? Таких требований ни наш закон, ни Трудовой кодекс РФ опять-таки не содержат. Думаю, что закрепление стажера за тем или иным адвокатом следует производить в соответствии с внутренними правилами адвокатского образования. При этом, считаю, нужно учитывать не только стаж адвоката, но и его желание иметь стажера.

И, наконец, читатель спрашивает, что означает положение части 2 статьи 28 закона: «Стажер адвоката осуществляет свою деятельность под руководством адвоката, выполняя его отдельные поручения». Каков, мол, характер этих поручений? Может ли, к примеру, адвокат поручить стажеру опросить лицо с его согласия?

Деятельность стажеров, как и помощников адвокатов, осуществляется в рамках заключенных ими трудовых договоров. Поскольку Закон «Об адвокатской деятельности...» не содержит перечня пору-

чений, которые адвокат вправе давать своему стажеру или помощнику, круг обязанностей последних определяется (в соответствии со статьей 57 Трудового кодекса РФ) в самом трудовом договоре или в штатном расписании адвокатского образования, ссылку на которое следует сделать в трудовом договоре. При этом надо иметь в виду, что помощник не вправе заниматься адвокатской деятельностью, а стажер участвует в ней, выполняя отдельные функции адвоката по его поручениям. Так что в упомянутом положении части 2 статьи 28 термин «отдельные поручения» носит не бытовой, а процессуальный характер. То есть в каждом случае действия стажера должны вытекать и быть обоснованы наличием у него письменного поручения адвоката. И при таком условии стажер вправе выполнять практически любые действия, которые обычно выполняет адвокат.

Правда, возникает вопрос о допустимости сведений, полученных стажером, в качестве доказательств в уголовном процессе. Чтобы избежать такого рода сомнений, адвокату, направляющему стажера для производства какого-то действия (получение предметов, документов, опрос лиц с их согласия, истребование справок и т. д.), предварительно надо озаботиться официальным введением стажера в процесс. Это, как известно, делается в соответствии с пунктом 2 статьи 49 УПК РФ: по определению или постановлению суда в качестве защитника может быть допущен (наряду с адвокатом) кто-то из родственников обвиняемого, либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Будучи допущенным к участию в деле, стажер приобретает статус защитника, имеющего право представлять суду те или иные сведения, имеющие доказательную силу.

К слову, к участию в деле у мирового судьи стажер по поручению адвоката может быть допущен и в отсутствие адвоката.

ЧЬИ ВЫ, АДВОКАТЫ СЕВЕРА?

Неприятные события случились в адвокатском сообществе Ханты-Мансийского автономного округа. Как и везде, там учреждена Адвокатская палата, на конференции решены многие общие вопросы, в том числе определены взносы коллег на общеадвокатские нужды. Однако члены некоторых адвокатских образований, расположенных на территории округа, не считают себя членами нового объединения, а потому до сих пор не уведомили Совет палаты о выбранной форме своей дальнейшей деятельности и не перечисляют в его адрес каких-либо средств.

«Выбирая форму дальнейшей деятельности нашей юридической консультации, мы решили сохранить ее принадлежность к Тюменской областной коллегии адвокатов, — пишет в журнал заведующая Мегонской горконсультацией Л. Калинина. — А поскольку исполнение решений общего собрания (конференции) адвокатов региона обязательно только для членов соответствующей палаты (п. 9 ст. 29 Закона «Об адвокатской деятельности...»), то установленные окружной конференцией взносы мы не отчисляем. Но недавно получили грозное письмо из Ханты-Мансийска. Президент Адвокатской палаты округа требует погасить задолженность, иначе будет ставиться вопрос о лишении нас статуса адвоката... Ксерокопию письма прилагаю».

Впечатление, что уважаемая коллега не разобралась в самой сути Закона «Об адвокатской деятельности...». Он же вовсе не предлагает адвокатам подискутировать об их принадлежности к той или иной адвокатской палате. На нынешнем этапе этот вопрос для большинства коллег решен однозначно: они становятся членами той палаты, в которой зарегистрированы в качестве налогоплательщиков единого социального налога (п. 2 ст. 40), то есть по месту жительства. Исключение сделано только для членов Московской и Ленинградской областных коллегий, которые в любом случае регистрируются в органах юстиции соответственно Московской и Ленинградской областей. И в течение двух лет со дня присвоения статуса адвоката коллега не вправе изменить

членство в адвокатской палате иначе как в связи с изменением места жительства (п. 8 ст. 15). Потом — пожалуйста. Уведомляя свой Совет, получай соответствующую бумагу и ставь в известность о своем переходе Совет той палаты, при которой намерен пребывать (п. 5 ст. 15). Пока же все адвокаты страны состоят в тех палатах, где занесены в реестры, и коль члены Мегонской юрконсультации зарегистрированы в реестре Ханты-Мансийского автономного округа, то являются членами Адвокатской палаты именно этого субъекта Российской Федерации и никакого больше (п. 4 ст. 15). Их отношения с Тюменской облколлекцией — это, как говорится, совсем другая песня. Они на положение дел не влияют, и в них никто не вправе вмешиваться.

Ну, а из сказанного вытекают выводы. О своем решении преобразовать консультацию в филиал родной коллегии адвокаты уведомляют как президиум коллегии, так и орган юстиции и Совет палаты по месту своего пребывания (п. 6 ст. 15). И, разумеется, решения органов адвокатской палаты, принятые в пределах их компетенции (в том числе о размерах обязательных отчислений адвокатов на общие нужды) обязательны для всех членов адвокатской палаты (п. 9 ст. 29). Отсутствие в адвокатской палате в течение шести месяцев сведений об избранной адвокатами форме своей дальнейшей деятельности, а также неисполнение ими решений органов адвокатской палаты действительно влекут прекращение статуса адвоката (п. п. 3 и 6 ст. 17).

В ТЕНИ СТАТУИ СВОБОДЫ

Не так давно в рамках договоренности об обмене опытом работы учреждений юстиции России и США за океаном побывала группа самарских юристов. В течение трех недель коллеги знакомилась с деятельностью судов, полицейских управлений, мест лишения свободы. Наш корреспондент встретился с одним из участников поездки, заведующим юридической консультацией «Самара-адвокат», членом Совета Адвокатской палаты Самарской области Александром ПАУЛОВЫМ и попросил поделиться впечатлениями о поездке.

— Поездка делегации, Александр Анатольевич, пришлась на дни, когда руководство США готовилось к войне с Ираком. Каким-то образом это ощущалось в общественно-политической жизни?

— Разумеется. Средства массовой информации заполнялись публикациями, фотографиями, телепередачами на военную тему. Многие американцы были озабочены развитием событий на Ближнем Востоке. Вот характерный пример. Я жил в семье, глава которой — сторонник демократической партии. Он не скрывал своей негативной оценки политики республиканцев. Однако не надо думать, что американцы слишком заполитизированы. Многие, с кем нам приходилось встречаться, как показалось мне, не хотят иметь дела ни с политикой, ни с политиками. Люди живут повседневными заботами, умеют много и продуктивно работать.

Громадное впечатление на нас произвело посещение ООН. Это величественное и удобное для работы посланцев разных стран здание можно по праву считать символом сегодняшней Америки, поражающей своей масштабностью, индустриальной урбанизацией, завершенностью и продуманностью сделанного, уровнем экономического и научно-технического развития. Мы имели возможность познакомиться с тем, как действует аппарат ООН, Совета безопасности. Хочется надеяться, что роль их в международных делах будет возрастать. С такой надеждой мы покидали штаб-квартиру организации, объединяющей сегодня почти все государства земного шара.

— А теперь о главной цели поездки — о знакомстве с работой учреждений юстиции.

— Начну с судов присяжных. Замечу, что они в США рассматривают не только уголовные дела, но и гражданские. В состав присяжных заседателей отбирают людей не случайных, хотя процедура отбора вроде бы такое допускает. Участвующие в процессе присяжные в большинстве своем люди образованные, законопослушные и, как мы убедились, подкованные в юриспруденции. Потому, видимо, вердикты, вынесенные такими судами, вышестоящими практически не отменяются. Стоит напомнить о нашем российском опыте судов присяжных. Они, правда, возрождены всего десять лет назад. К сожалению, статистика говорит не в нашу пользу. Довольно много отмененных приговоров. Имеются даже очень серьезные просчеты, когда явного преступника суд присяжных оправдывал. В США такое можно увидеть разве что в кино.

— А если сравнить американскую полицию и нашу милицию? Большая ли разница?

— Отличия огромные. В первую очередь, по технической оснащенности. В США, если для раскрытия преступления полицейским нужны какие-то технические и финансовые средства, проблем получить их не возникает. Хорошо действует там полицейская агентура.

Нельзя не отметить подбор кадров в полицию. Во-первых, он идет по физическим данным. На службу в полицию принимают крепких, здоровых и, прямо скажем, видных из себя мужчин. Хотя служат в полиции и женщины, но на них возлагаются несколько иные функции. Во-вторых, высокие требования предъявляются к уровню образования и культуры. Даже

В доме друзей. Александр Паулов (в центре) с Джоан и Джемом

в самой сложной ситуации американские полицейские при задержании преступника проявляют хладнокровие и такт. Ну а если кому-то из наших соотечественников хочется услышать, что и там полицейские продаются мафиозным структурам, то на сей счет скажу следующее. В семье — не без урода. Но борьба за чистоту своих рядов полиция США ведет без компромиссов.

— Что можете сказать о местах лишения свободы?

— Никому бы не пожелал отбывать срок наказания в американской тюрьме. Она, можно сказать, ломает человека морально, хотя в материальном плане — трудно лучше представить. Питание отменное. В камерах — комфорт. В каждой

цветной телевизор. Спортзалы такие, какие у нас поискать надо на «гражданке». Человека же, как мне кажется, гнетет другое. Осужденные практически не работают, хотя обслуживают себя сами. Идеальная чистота везде. Вместе с тем никаких длительных свиданий, никакого совместного проживания с близкими. Свидания кратковременные – только через стеклянно-зарешеченную перегородку, по телефону. В США не бывает никаких амнистий. Об условно-досрочном освобождении тамшние зеки только мечтают как о чем-то несбыточном. Да и обращение персонала тюрем к осужденным никак нельзя назвать либеральным.

– **Думаю, пора поговорить и об адвокатуре.**

– Здесь различий тоже много. В США существует два вида адвокатуры: государственная и частная. Первая базируется непосредственно при судах. Человек на предварительном слушании заявляет, что у него нет средств оплатить труд защитника. Тогда судебный клерк проверяет достоверность заявления: каково у человека жилище; имеет ли он автомобиль; занят ли на производстве; каковы его доходы. Если выясняется, что клиент действительно малоимущий, ему назначают адвоката. Государство платит защитнику от 30 до 50 долларов в час. В случае, когда клиент обращается к частному адвокату, оплата труда доходит до 100 долларов в час. При этом адвокат ведет строгий учет времени, потраченного на выполнение конкретного задания и представляет письмен-

– **Насколько мне известно, самарские юристы знакомы в США с состоянием детской и подростковой преступности, с тем, как ведется борьба с ней, какие меры принимаются для ее профилактики.**

– Было бы правильнее этот вопрос задать побывавшему за океаном вместе с нами начальнику Жигулевской воспитательной колонии Николаю Познякову. Эта тема заслуживает отдельного разговора. Я же сейчас могу сообщить: в США уголовная ответственность за совершение преступлений наступает с семилетнего возраста. Меры же, которые направлены на предупреждение малолетней преступности, достаточно эффективны, на эти цели средств не жалеют. Например, годовой бюджет школы-интерната, где содержатся несовершеннолетние правонарушители, составляет семь с половиной миллионов долларов, примерно по 120 тысяч на одного ребенка.

– **Не приходилось ли вам в США встречаться с нашими бывшими соотечественниками? Как им живется? Что их волнует?**

– Да, приходилось. Переводчиком у нас был выходец из России. Кандидат медицинских наук, он в Америке устроился в больницу медбратом. Роль переводчика – это дополнительный приработок. В этой стране необходимо много и напряженно работать, чтобы жить достойно.

На Брайтон-Бич, в квартале эмигрантов из России, в витринах магазинов мы видели батареи «Столичной», перцовки «Nemigoff», пива «Балтика». «Наши»

пьют здесь привычное, свое, хотя не обходят эти магазинчики и американцы. Все еще бытует мнение, что «русские» потребляют столько алкоголя, как будто хотя бы попасть на страницы книги рекордов Гиннеса. Мы, честно говоря, не замечали там такой особенности за бывшими соотечественниками. Что поделаешь, сильно инерция...

Живут в Америке побогаче, чем мы. Но добыть там доллар – другой стоит трудов. Потому, наверное, не так часто встретишь среди тех, кто выехал в свое время из СССР, а позже из России, довольных своей жизнью людей. Но это тема уже другая, не входившая в нашу программу.

– **И последний вопрос: кто оплатил вашу поездку?**

– Американская сторона. Мы только потратились на проезд до Москвы и обратно. Я жил в американской семье. В ответ я пригласил Джеда и его супругу Джоан к себе в гости. Кстати, Джек имеет украинские корни, его дед до революции 1917 года жил под Львовом.

Обмен делегациями, группами юристов, частные визиты – хорошая форма знакомства с опытом, практикой работы американских коллег. Завязываются личные контакты, дружеские связи, которые играют в нашей жизни не малую роль. Такое взаимодействие надо поддерживать и развивать.

Беседу провел спецкор
«Российского адвоката»
Виктор САДОВСКИЙ

Фото из архива А. Паулова

На улице в Нью-Йорке

ный отчет. Какие-либо подтасовки, махинации, а тем более прямой обман практически сведены к нулю.

Американские коллеги работают в благоприятных условиях. Чтобы в этом убедиться, достаточно увидеть, как там проходит судебное разбирательство. На заседании идет реальное состязание сторон – на этом базируется вся судебная система США. У наших коллег огромный опыт работы в судах присяжных. Есть что изучать, есть что, творчески осмыслив, применить у нас.

ВЛАСТЕЛИН НЕДР

В певучей тайне антрацита,
его животворящих тонн,
тепло домов людских сокрыто
и жаркий пламень жадных дозн.

Кто там с подземным гулом вровень,
питая очи темнотой,
одной он со стихией крови –
горячей, темной и густой.

Подземного он борет Змия,
змеиный мрак глухих огней.
Его борений аритмия
высокой музыки звучней.

Не думай, что в угрюмом штреке
он знания светлого лишен.
В могучем этом человеке,
как пламя, дремлет грозный сон.

Поверхность вся с особняками
и шумом блещущих машин
дрожит, когда под облаками
встает Земли любимый сын!

И просят не одной зарплаты
его горящих слов угли!
Он требует насущной правды
и равновесия Земли!

И вновь в земных печальных створах,
где копится смертельный газ,
горит воителя-шахтера
бессонный мудрый третий глаз!

Алексей УРАЛОВ,
спецкор «Российского адвоката»
Фото Александра КАРЗАНОВА

Рубрику ведет Татьяна БАТЫШЕВА,
главный врач поликлиники
восстановительного лечения №7 ЦАО
города Москвы, кандидат медицинских
наук, доцент

Лечат воды минеральные (Советы традиционной медицины)

Над Кавказом величественно возвышается скованный вечным льдом Эльбрус. «Горой счастья» называют его кабардинцы. «Тысячной горой» (в смысле самой высокой, а точнее – 5642 метра над уровнем моря) зовут его балкарцы. А для нас, медиков, и гора, и район, примыкающий к ней, – неиссякаемый источник целебных минеральных вод.

Человек давно узнал, что минводы способны избавлять от многих недугов. Близ их источников всегда возникали лечебницы, курорты. Что дает этой воде чудодейственную силу? Ответ известен: содержание в ней минеральных компонентов и газов. Воды вообще оценивают по степени общей минерализации, газовому составу, количеству содержащихся в ней анионов (сульфатных, гидрокарбонатных, хлора) и катионов (калия, натрия, кальция, магния). Встречаются в них йод, бром, железо, мышьяк, бор, а также различные микроэлементы (литий, стронций, медь, цинк, алюминий, сера, кремний и др.). Преобладание какого-либо компонента обычно дает название водам. Причем только по ионному составу их разделяют на три группы, десять классов и т. д.

Минеральные воды используют для наружного и внутреннего применения. Наружное – это ванны, принимают их в условиях курорта, санатория. Мы же остановимся на втором методе лечения, доступном каждому. Минводы приносят замечательный эффект, когда больные их пьют. Возможность для этого имеется практически повсеместно, в крупных городах даже работают специализированные магазины.

Каковы показания к применению минеральных вод? Назову три группы болезней: **органов пищеварения** (хронические гастриты, язвенные болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, хронические заболевания толстого и тонкого кишечника, печени и желчного пузыря, гепатиты, холециститы, желчнокаменная болезнь, хронические панкреатиты и др.); **обмена веществ** (ожирение, сахарный диабет, подагра); **мочевыводящих путей** (хронические пиелиты, пиелонефриты, циститы, мочекаменные болезни). Во всех этих случаях есть лишь одно существенное ограничение: пить воду следует тогда, когда нет обострения недугов.

Естественно, встает вопрос, какую воду и как пить. На первый из них ответить в краткой журнальной публикации нет возможности. Передо мной «Перечень основных лечебных минеральных вод для внутреннего применения». Он включает более 60 наименований. Надо определить, какой тип воды вам полезен и нужен, а затем уже и воду, относящуюся к этому типу. Без врача тут не обойтись.

Не менее серьезен и второй вопрос. Пить минеральные воды следует только после тщательного медицинского обследования, при этом необходимо строго соблюдать предписания врачей. Из самых общих правил упомяну, что обычно целебную воду назначают три раза в день перед завтраком, обедом и ужином. Средняя суточная доза составляет 750–1000 мл, при некоторых заболеваниях (почечно-каменная болезнь) – до 1500 мл.

Важное терапевтическое значение имеет температура воды. В зависимости от заболеваний ее пьют холодной (при спастических заболеваниях кишечника), теплой и горячей (40–50° при гастритах, язвенной болезни, хронических холециститах, желчнокаменной болезни). В некоторых случаях, например при мучительной изжоге, воду пьют после еды. При большинстве заболеваний пьют ее не спеша, небольшими глотками. Чего категорически нельзя делать – это употреблять минводу длительно, беспорядочно.

Иногда спрашивают, полезны ли воды, насыщенные на заводах углекислым газом. Ответ один: да. Газ CO₂ (не менее 0,3%) позволяет воде длительное время сохранять активные свойства, химический состав. К тому же углекислота придает приятные вкусовые качества. Хранить минеральную воду нужно в горизонтальном положении, лучше охлажденной, при температуре не ниже 5°С.

Пейте воды минеральные и будьте здоровы!

ЗАЩИТНИК СВОБОДЫ

Личность и деятельность Джавахарлала Неру, первого премьер-министра независимой Индии, публициста и философа, до сих пор являются объектом самого пристального внимания как политологов, так и действующих мировых политиков. Еще бы, ведь феномен победоносного ненасильственного народного движения за свободу страны, которое возглавил выходец из Уттар-Прадеша, и сегодня вызывает как восхищение, так и неприятие. И тем существенней тот факт, что несколько лет своей карьеры молодой юрист Неру посвятил адвокатской практике.

Будущий борец за независимость родился 14 ноября 1889 года в Аллахабаде, в достаточно знатной обеспеченной семье. Его отец Мотилал являлся одним из самых видных адвокатов северо-западных провинций страны. В совершенстве разбираясь в местном запутанном законодательстве, в частности земельном, он с успехом вел бесчисленные тяжбы о долгах, отчуждениях, наследовании и передаче имущества, налогообложении. Его клиентами были преимущественно богатые землевладельцы и чиновники, поэтому Мотилал Неру тоже постепенно сколотил значительное состояние. И на радость его позднего первенца Джавахарлала уже имелись и свой бассейн, и теннисный корт.

Слышавший в своей среде англоманом, аллахабадский адвокат сначала нанял сыну домашнего учителя-ирландца Брукса. Он был вдобавок теософом (сторонником учения о возможности непосредственного богопостижения), и одно время его воспитанник находился под его влиянием. Однако позже Неру отошел от этих идей и вообще к религии относился сдержанно. В 1905 году Джавахарлал вместе с родителями совершил путешествие в Англию. Здесь его приняли в престижный школьный кадетский корпус в Харроу. Оттуда путь способного индийского юноши лежал в знаменитый Кембриджский университет, где он поступил на отделение естественных наук и начал изучать химию, геологию и ботанику.

Но однажды летом во время каникул студент встретился с отцом в Берлине, и там в гостинице в течение нескольких вечеров у них шел «мужской разговор» — о конкретном выборе будущей профессии. Наконец, договорились о том, что в соответствии с индийскими традициями Джавахарлал унаследует дело отца, тоже станет адвокатом. Вернувшись в университет, молодой человек теперь начал заниматься также юридическими науками и впоследствии получил диплом бакалавра (второго разряда второго класса), позволяющий заниматься правом.

Такой хороший, но не высший результат все же обрадовал отца, который утверждал: «Если мое знание человеческой природы не изменяет мне, я думаю, что он добьется успеха на отцовском поприще. Оно уже начинает ему нравиться, и решив, что он должен посвятить себя изучению юриспруденции, я лишь следовал его собственным склонностям». Здесь же, в Лондоне, Джавахарлал вступил в ассоциацию адвокатов Иннер Темпл. Правда, для этого ему надо было еще дополнительно учиться и сдать специальные экзамены. Тем не менее летом 1912 года он получил право на самостоятельную адвокатскую практику и вернулся на родину.

Первые шаги в профессии делал, разумеется, в адвокатской конторе отца, который щедро открыл перед сыном собственные секреты, ввел его в круг коллег, представил клиентуре. «Недостаточно быть лишь хорошим оратором или знать наизусть все статьи закона, — настаивал Мотилал Неру. — Вдумчивость, терпеливость, аккуратность — все это тоже важные качества. Но главным для адвоката является знание психологии, умение разбираться во взаимоотношениях людей. И не разделять дела на важные и не очень, ведь за каждым в той или иной мере стоит человеческая судьба и в любом случае надо добиваться торжества справедливости».

К сожалению, биографы Неру, как и сам он в своей объемистой «Автобиографии», весьма скупо рассказывают о подробностях адвокатского периода. Однако какие-то общие впечатления можно составить. Ясно, например, что, как и отец, он вел преимущественно гражданские дела. Когда пришел первый гонорар на его имя, Джавахарлал находился в служебной командировке. Отец счел нужным тотчас направить деньги ему, присовокупив к чеку шутивное письмо: «Один очень довольный клиент прислал денежный перевод в 500 рупий на твое имя в качестве твоего гонорара, и деньги эти переадресованы тебе. Первый гонорар, полученный твоим отцом, равнялся 5 рупиям (всего лишь пяти). Ты, по-видимому, во сто раз лучше отца. Хотел бы я быть моим сыном, а не самим собой. У Рао Махараджсингха несколько дел будут рассматриваться в высшем суде, и я не знаю, какое из них он намерен поручить вести тебе. Но деньги – твои...».

Все же материальная обеспеченность и растущий профессионализм не вполне удовлетворяли Джавахарлала. Его деятельная натура жаждала большего. И, наверное, один из заветов отца о разделении задач защитника на большие и малые все же не нашел должного отклика в его сердце. Позже он напишет: «Обычная судьба адвоката, особенно младшего, – вести мелкие и довольнотак скучные тяжбы». Еще обучаясь в Англии, юный Джавахарлал интересовался политикой, но больше абстрактно, теоретически. Теперь же его интерес перерос в осознание необходимости действовать на политическом поприще. Общась по своим адвокатским делам с самыми разными слоями индийского населения, молодой юрист ясно видел, что его народ занимает униженное, второсортное положение по сравнению с колонизаторами – англичанами. Можно сказать, вспомнив Радищева, что «глянул он окрест, и душа его страданиями уязвлена стала». Джавахарлал вступил в партию Индийский национальный конгресс, борющуюся за независимость страны. Там пригодился его знания юриста, он сразу начал работать по заданиям партии.

Так во время кампаний против контракции индийских рабочих для отправки на острова Фиджи и против дискриминации индийцев в Южной Африке он, по его словам, трудился изо всех сил. Когда после окончания Первой мировой войны в стране обострились социальные противоречия и на весь мир прогремел расстрел в Амритсаре, Джа-

вахарлал Неру совершил поездку туда для снятия показаний и сбора материалов, участвуя в работе следственной комиссии партии. Также он резко выступал против так называемых законов Роулетта, которые давали право колониальному правительству прибегать к упрощенным процедурам в противостоянии политическим акциям народа.

Напрасно знаменитый калькуттский юрист Раш Берхари Гхош, благоволивший к Джавахарлалу, советовал ему не оставлять складывающейся карьеры защитника и даже настаивал, чтобы молодой товарищ написал книгу по какой-нибудь юридической проблеме для придания веса своему имени. Но желания углубляться в лабиринты англо-индийского правоведения у младшего Неру больше не было. Он все активнее включался в борьбу за свободу. И уже в 1919 году, по его признанию в «Автобиографии», начал отходить от адвокатской практики. Кстати, политические стремления сына поддерживал и Мотилал, который тоже постепенно оставил адвокатуру, переклотившись на деятельность в ИНК и издание газеты «Индепендент». К тому же отец и сын смело отказываются от недавней богатой жизни: распустил слуг и распродал имущество, они пользуются лишь самым необходимым и передвигаются по просторам угнетенной страны в переполненных вагонах третьего класса.

Правда, когда приходилось совсем туго материально, Джавахарлал по старой памяти брался за те или иные дела в качестве защитника. В 1925 году благодаря старым связям отца он участвовал в одном процессе, за который получил значительную сумму – десять тысяч рупий. Но определяющим в биографии Неру после 1919 года все же стало другое: поездки в беспокойные провинции, организация кампаний гражданского неповиновения английским властям, аресты и многочисленные тюремные заключения. В общей сложности он проведет в тюрьме почти одиннадцать лет.

Наконец, 15 августа 1947 года глава первого национального правительства страны, четырехкратный председатель Индийского национального конгресса Джавахарлал Неру поднимает индийский флаг над Красным Фортам в Дели. Впоследствии и дочь бывшего алахабадского адвоката Индира Ганди также встала у руля огромного государства. А ее сменил сын, внук Джавахарлала, Раджив.

Александр ГОРШЕНКОВ,
спецкор «Российского адвоката»

На снимках: Джавахарлал Неру – адвокат; с дочерью Индирай Ганди

ДНЕВНИК ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ДАТ ОТМЕЧАЕМ В АВГУСТЕ

305 лет без бороды

6 августа 1698 года царь Петр I повелел дворянам и боярам одеваться по европейской моде и брить бороды. Ослушников штрафовали и обязывали носить тяжелые «медали».

105 лет ограничению вооружений

24 августа 1898 года император Николай II обратился ко всем государствам с предложением созвать конференцию для ограничения роста вооружений. В мае следующего года такая конференция состоялась в Гааге. Гонка вооружений она ничего не противопоставила, но приняла ряд конвенций: о приостановлении использования воздушных шаров для бомбометания, запрещении пульт с особо жестокими поражающими свойствами и др.

65 лет гражданству СССР

19 августа 1938 года в СССР принят закон о гражданстве. Он предусматривал право властей предоставлять иностранным гражданам гражданство СССР и лишать его советских граждан. Возможность лишения гражданства сохранялась до принятия Конституции РФ.

60 лет суворовским училищам

21 августа 1943 года постановлением СНК СССР образованы первые 11 суворовских училищ. В основном в них зачисляли детей погибших фронтовиков. Срок обучения семь лет (при необходимости еще два года в подготовительных классах). Но затем он был сокращен до трех лет (с 1980 по 1993 год – два года), что резко снизило качество подготовки будущих офицеров.

55 лет со своими домами

28 августа 1948 года в СССР облегчен порядок приобретения жилых домов. Дам на семью разрешалось иметь размером до 5 комнат, в 1–2 этажа. Но при этом он должен быть единственным у покупателя, его супруги и несовершеннолетних детей. Приобретенный дом не подлежал продаже в течение 3 лет.

50 лет «закону Маленкова»

8 августа 1953 года в СССР радикально изменено налогообложение сельских жителей. Отныне налог рассчитывался не с площади грядок, количества плодовых кустов и деревьев, а в зависимости от общей площади земельного участка (для колхозников – 8,5 руб. с сотки, не занятой постройками). Обработанные крестьяне нарекли акт «законом Маленкова» – по имени тогдашнего предсовмина.

50 лет без ночных бдений

29 августа 1953 года Совмин СССР принял постановление об упорядочении рабочего дня в министерствах и ведомствах. До этого все следовало привычке вождя и трудились до поздней ночи. Отныне рабочий день начинался утром и заканчивался вечером. Руководителям запрещалось задерживать сотрудников сверх урочного времени и вызывать их на работу в неурочное время.

МИХАИЛУ ГОФШТЕЙНУ – 80!

Ровно половину этого пути (40 лет!) мэтр – на посту члена президиума Московской областной коллегии адвокатов. А еще он вице-президент Адвокатской палаты Московской области, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов.

В родной коллегии Михаил Александрович с 1951 года. Адвокатом стал сразу после окончания Московского юридического института. Начинать в сельских районах Подмосквы, работал в Кунцевской юрконсультации, позже закрепился в Центральной, что на Триумфальной площади в Москве. Среди сотен уголовных и гражданских дел, в которых довелось участвовать, особо выделяет дела по возвращению имущества гражданам, подвергшимся незаконным репрессиям, а также те, где удалось добиться замены смертной казни лишением свободы. К слову, по одному из них смертный приговор отменялся дважды. В 1981 году в составе рабочей группы, созданной в помощь болгарским юристам, принимал активное участие в выработке линии защиты гражданина Болгарии Антонова, обвинявшегося в покушении на Палу Римского. Как известно, все обвинения против Антонова были сняты.

Но ничего бы этого не было, считает Михаил Александрович, не улыбнись ему удача на фронте. Ведь с 1942-го до самого конца Великой Отечественной юный офицер-артиллерист провоевал на передовой, командовал знаменитыми «катушами». В память о том – два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, боевые медали. Позднее к ним прибавятся болгарский орден Кирилла и Мефодия I степени и Золотая медаль имени Ф. Н. Плевако. Михаил Александрович удостоен званий заслуженного юриста Российской Федерации и почетного юриста Болгарии.

А еще уважаемый мэтр – глава адвокатской династии: его дочь, сын и внук – члены адвокатского сообщества.

Александр КРАХМАЛЮК

Юбилар вместе с коллегой по многолетней работе в Московской областной Альбиной Ивановной Краснокутской (слева) и дочерью Евгенией

НАЛОГОВАЯ УДАВКА

В редакции побывал молодой адвокат из Волгограда Александр Папченко. После принятия Закона «Об адвокатской деятельности...» он решил воспользоваться правом уйти «на вольные хлеба» – учредить адвокатский кабинет. Однако столкнулся с неразрешимыми противоречиями.

– Оформить выход из Межрайонной коллегии адвокатов, в которой я состоял, а также взаимоотношения с областной палатой и управлением юстиции не потребовало много сил и времени, – рассказал Александр. – Трудности и неожиданности начались тогда, когда переступил порог налоговой инспекции. Предстояло встать на учет и получить свидетельство о регистрации. После этого можно открыть счет в банке и начинать работу с доверителями. Но в инспекции заяви-

ли, что готовы зарегистрировать адвокатский кабинет, приравняв меня к частному предпринимателю без образования юридического лица. Я им на стол выложил текст закона об адвокатуре и постановление Конституционного суда РФ. В этих документах адвокатская деятельность не отнесена к предпринимательской. Они в ответ предъявили Федеральный закон №187 «О внесении изменений и дополнений в часть 2 Налогового кодекса РФ и некоторые другие акты законодательства РФ». Чем глубже я вчитывался в лежащие передо мной правовые акты, тем яснее становилось: государство, предоставив нашему брату определенную свободу, решило через налоговую политику эту свободу существенно ограничить. Скажем, льготы по налогообложению, которые имеют палаты

всех уровней, коллегии, бюро (освобождение от НДС, от налогов на имущество организаций, на доходы физических лиц), адвокатскому кабинету не предоставлены, а по уплате единого социального налога адвокат, создавший кабинет, поставлен в одну строку с индивидуальным предпринимателем. Еще одним законом («О бухгалтерском учете») мы приравниваемся к предпринимателям и в отношении порядка ведения учета финансово-хозяйственных операций.

Конечно, от своей идеи создать собственный кабинет я пока не собираюсь отказываться, – подытожил наш гость. – Но ясно, что с принятием закона об адвокатуре реформу нашего сообщества нельзя считать завершенной.

Что ж, совершенно согласны.

АХ, КАКОЙ ПАССАЖ!

Не так давно завершился громкий процесс над лидером Национал-большевистской партии Эдуардом Лимоновым. Его защищал московский адвокат Сергей Беляк. По общему мнению, защищал успешно. Однако уже после процесса коллега взялся выполнить еще одну просьбу подзащитного: зачитать его послание съезду возглавляемой партии. Что и сделал под бурные аплодисменты собравшихся. Сложное чувство оставил этот поступок. Правильно

ли поступил адвокат? Не преступил ли некую грань в отношениях с осужденным? Прокомментировать случившееся мы попросили члена коллегии адвокатов «Мосюрцентр» Вячеслава Цымбала.

– Прежде всего хочу разделить мнение тех, кто высоко оценил профессиональный успех Сергея Валентиновича в завершившемся процессе. Он действительно хорошо провел защиту и добился, насколько могу судить, минимального наказания для подзащитного. А вот его выступление на съезде, по-моему, явно не в ладу с нашей профессиональной этикой. Да, коллега был вправе принять послание и передать его по назначению. А выйдя

из дела, мог и сам зачитать послание или даже вступить в партию своего подзащитного. Но пока профессиональные отношения между адвокатом и подзащитным не прерваны (Беляк по-прежнему представляет интересы Лимонова), ничего этого, на мой взгляд, делать нельзя. Поскольку мы не вправе демонстрировать обществу какую-либо общность с нашими подопечными, а, напротив, должны, как говорится в Кодексе профессиональной этики адвоката, «сохранять независимость в отношениях с доверителем». То есть чтобы никто не мог поставить адвоката в один ряд с убийцей, насильником, экстремистом. Для чего каждый из нас, как сказано в том же кодексе, «должен воздерживаться от вступления в личные, партнерские или иные экономические отношения со своими доверителями». Вот этого, полагаю, коллега и не сумел избежать.

Коротко и ясно

Депутат – адвокат народа.

Председатель Комитета Государственной думы РФ по экологии Владимир Грочев

— Ничто так не уравнивает шансы молодого адвоката и прославленного мэтра, как... предвзятость судьбы.

НА ФОРУМЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Местом ежегодного форума коллективных членов Международного союза адвокатов (МСА-UIA) на этот раз был избран Нью-Йорк. Наше сообщество представляли адвокаты МГКА Ольга Истомина (национальный вице-президент МСА), Дмитрий Астауров и Алексей Загородный (на снимке слева направо). Форум работал в одном из залов ООН. Приветствуя участников встречи, заместитель Генерального секретаря ООН, советник ООН по правовым вопросам Ханс Корелл особо отметил, что в современном мире адвокат становится все более значимой фигурой. Были заслушаны и обсуждены доклады: «ООН – единственный путь к миру и международной безопасности в новых правовых и экономических условиях», «Международный уголовный суд», «Международная уголовная коллегия адвокатов», «борьба с легализацией доходов, полученных незаконным путем».

ФОТОФАКТ

Связь времен и поколений символизирует бронзовая плита, хранящаяся в семье одного из старейших работников Гильдии российских адвокатов Александра Николаевича Берница. На плите, много лет висевшей у парадного входа одного из домов подмосковной Малаховки, выгравировано: «Присяжный поверенный Илья Исидорович Берница». Это дядя Александра Николаевича. Берница-старший закончил в 1913 году Казанский университет, с 1916 года – в российской адвокатуре. На этом поприще проработал более полувека. Полвека прослужил Фемиде и племянник – участник Великой Отечественной войны, выпускник Военно-юридической академии.

Фото Александра Карзанова

КТО ЖЕ ПРИЗЫВАЕТ КИЛЛЕРОВ?

Телевидение, газеты чуть ли не каждый день сообщают о заказных убийствах. Под прицелы наемных киллеров попадают, к сожалению, и наши коллеги. Год назад от рук наемных убийц погибли в Москве Ирина Максимова, в Красноярске Артем Косоогов.

Дело, которым занималась Ирина Викторовна, касалось нарушений закона при приватизации престижного магазина. Центр Москвы, две тысячи квадратных метров площади – лакомый кусок. За несколько дней до суда, который должен был обеспечить торжество закона, адвоката убили тремя выстрелами из пистолета в своем подъезде. Правда, Максимова успела написать в прокуратуру об угрозах, о слежке за ней странных личностей, назвала имена, фамилии, приметы. Письмо помогло следствию изобличить организатора и двух исполнителей убийства. Недавно Мосгорсуд отправил их за решетку. Однако заказчика, как это уже повелось в нашей стране, установить не удалось.

Хуже ситуация складывается в Красноярске. Артем Косоогов был заметной личностью в крае. Он защищал, в частности, известного местного авторитета Вилора Струганова (Пашу Цветомузыку). Когда пришло сообщение о гибели адвоката, мы связались со старшим следователем отдела по расследованию убийств и бандитизма краевой прокуратуры Борисом Коряковым. Он заверил: «Будут тщательно исследованы все версии». И вот прошел без малого год. Звонок в Красноярск, адвокату Роланду Гегия, другу погибшего. В свое время они оба по надуманным причинам были допрошены по делу Струганова в качестве свидетелей и тотчас выведены из процесса. И оба, понятно, опротестовали это постановление.

– Решением суда я опять допущен к защите Струганова, – сказал Гегия. – Значит, мог бы вернуться в дело и Артем.

А как идет расследование убийства Косоогова? Ни на йоту не продвинулось вперед. Не установлены ни исполнитель, ни организатор, ни заказчик. И это самое присорбное.

Валентин ШАРОВ,
спецкор «Российского адвоката»

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В мае–июне этого года многие адвокаты отметили важные события в своей жизни и деятельности. Юбилеи отпраздновали:

80 лет со дня рождения – Грачев Александр Сергеевич, Деревянченко Иван Федорович, Заманская Вера Абрамовна и Шнейдер Владимир Яковлевич, члены Московской городской коллегии адвокатов;

75 лет со дня рождения – Дозорцев Виктор Абрамович, Игнатов Алексей Николаевич, Пчелинцева Элеонора Александровна и Цернова Зоя Анатольевна, члены Московской городской коллегии адвокатов;

70 лет со дня рождения – Колпаков Георгий Анатольевич, член Московской областной коллегии адвокатов;

60 лет со дня рождения – Волчкова Галина Ивановна, член Межреспубликанской коллегии адвокатов; Заика Леонид Михайлович, член Московской городской коллегии адвокатов; Остапенко Григорий Петрович, член Московской областной коллегии адвокатов; Шакуров Александр Григорьевич, член Челябинской областной коллегии адвокатов;

50 лет со дня рождения – Баранова Вера Николаевна, Батурина Светлана Александровна, Башкатов Леонид Дмитриевич, Боголюбовская Татьяна Валентиновна, Вилкова Ольга Юрьевна, Константинова Лариса Федоровна, Малкин Александр Михайлович, Мартынов Александр Сергеевич, Михеенков Сергей Алексеевич и Шишкина Галина Сергеевна, члены Московской областной коллегии адвокатов; Башкиров Владимир Леонидович, член Межтерриториальной коллегии адвокатов ГРА; Бутовицкая Александра Николаевна, Дякин Вячеслав Александрович, Заксон Юрий Соломонович, Копалина Людмила Ивановна, Красновицкий Григорий Николаевич, Мартинкус Александр Васильевич, Михайлова Татьяна Андреевна, Павлов Алексей Борисович и Салтанова Ольга Васильевна, члены Межреспубликанской коллегии адвокатов; Князева Марина Валентиновна, член Московской городской коллегии адвокатов; Лаптева Лидия Леонидовна, Левинсон Олег Михайлович, Пашкина Татьяна Александровна и Филатова Зоя Ивановна, члены коллегии адвокатов «Мосюрцентр»; Попов Владимир Павлович, член коллегии адвокатов «Межрегион».

Михаил ФЕДОРОВ

1

Адвокату-то надо было всего ничего: уговорить судью отменить преприятнейшее постановление. Его клиент – Костик, который поссорился с матерью и первому встречному навешал тумачков, не явился по вызову в суд, испугался, что его сразу «закроют». Рассерчивший судья вынес постановление отловить негодя и сразу упереть за решетку – никому не позволено оскорблять власть! Вот это-то постановление и мозолило глаза адвокату.

Его настойчивость, надо признать, подпитывалась не столько переживаниями за Костика, прятавшегося от ментов в квартире своей матери, да и не подачками одного адвокату ко Дню чекиста, Новому году по новому стилю, Рождеству, Новому году по старому стилю, сколько обещанием крутого гонорара... Если затяжка с судом особо не сказывалась на карманах судьи, то пустующие карманы широких брюк, огромного лиджака и продувной куртки защитника будоражили его нервы под самый корень. Разрешишь все удачно, он набил бы их обещанными купюрами и наконец-то расслабился где-нибудь на знойном нильском берегу.

Вдоволь поизмывавшись над адвокатом или сжалившись над ним, а может, и поняв, что от адвоката нечего ждать, судья толкнул по столу шершавый лист:

– Но если ваш подзащитный снова не явится на суд?

– Что вы, что вы, – залепетал адвокат, быстрым движением ладони смахивая с полированной доски выстраданное судебное решение.

– Печать не забудьте поставить! – эхом полетело вслед.

Ура! Все пока разрешалось удачно, и радости защитника не было предела. Скоро, скоро он «отмажет» Костика и наполнит его карманы валютой.

Но это была только маленькая, начальная победа на пути к главной, основной, во время суда, которую нужно было одержать в очередной понедельник. Дело об избитии рассматривал судья, у которого возможностей подложить бяку адвокату и его клиенту было предостаточно. Только пожелай проучить адвоката, забывшего про то, что судьи тоже отмечают и День чекиста, и Новый год по новому стилю. В заседании распорядится надеть наручники драчуну (уже судимому!), и все хлопоты адвоката полетят коту под хвост.

МАГАРЫЧ

Адвоката мучило: зря не подмастил, зря случайно не забыл в кабинете судьи пакет с французским коньяком или с баночкой бразильского кофе... Успей он подмазать, тогда все было бы гораздо яснее: либо судья расположился бы к нему, либо сам адвокат уже давал бы показания следователю за дачу взятки.

2

С тревожными думами адвокат готовился к суду. Опасливо поглядывал на бушевавшую за окошком метель, листал затертые до дыр комментированные кодексы. Потом долго втолковывал Костику, что говорить в суде, как отвечать на вопросы побитого им мужчины, что сказать его толстухе-жене, разнимавшей драчунов, и даже продиктовал ему его «последнее слово». Этот почти тридцатилетний бугай с виноватым выражением лица терся спиной о дверцу шкафа и кивал, как казалось адвокату, все понимая. Заключительную, ударную перед судом встречу адвокат назначил на ближайшую субботу.

Но в первый выходной день Костика дома не оказалось.

Мать сбивчиво проговорила:

– Нет его... Ума не приложу, куда делся...

Адвокату стало не по себе. Он хотел одного, а проклевывалось другое... Ночью не спалось. Ворочался на треснувшем именно в эту ночь диване, кутался в выцветшее верблюжье одеяло, часто подавался к окну с облупившейся эмалью на раме, вглядывался в синюшную тьму... Не вставая, днем лежал на диване, уставившись в испятнанный ржавыми разводами потолок, боясь пропустить звонок телефона. «Что же с Костиком стряслось?»

Вечером сбросил одеяло и потянул провод аппарата.

– Видно, к девахе в Ростов умотал... – выдохнула мать Костика.

– К какой девахе!.. В какой Ростов!.. С-суд завтра!..

Он взметнулся с дивана и в одних кальсонах закружил по комнате. Не мог представить себе, какого Полкана спустит на него судья после такой сумасбродной выходки Костика. Ведь судья не стал-таки брать Константина под стражу, положившись на слово адвоката. Слово адвоката теперь оказывалось враньем!

Он был бы рад распрощаться с защитой Костика, тер виски и напряженно думал, как это сделать? Но без согласия клиента он так поступить не мог – не позволял закон... Не лететь же ему самому в Ростов и не вымалывать там, валяясь в ногах у этого хулигана, себе свободу...

Мысли путались. Перед глазами выросли, раздувались щеки судьи, и гремел в ушах его рык: «Где ваш клиент?! Я послушался вас, отменил постановление. А вы!!!». И казалось, над головой адвоката завис судебский кулак. У адвоката выступил пот на лбу, застучали то ли от нервного срыва, то ли от озноба истыканные пломбами зубы.

Когда небо затянуло черным пологом, позвонила мать беглеца и с радостными нотками в голосе протараторила:

– Ростовская шлюшка говорит, проводывал ее вчера...

«Значит, был в Ростове. А от Ростова ехать ночь», – от ясности немного отлегло.

– Тогда где он после бабенки бродит? – спросил и резко добавил: – Звоните по больницам! Милициям! Трезвякам! Ищите его! Завтра он нужен хоть из-под земли!

Подкрались мысли: «А если Костик замерз?.. Окочурился?..»

Представив такое, адвокат невольно съежился.

Уже кемарящего на ручке кресла его разбудила звонком мать Костика:

– Ни в милиции, ни в больнице, ни в трезвяке – нет!

Адвокат хотел было спросить: «А в морге?», но пожалел женщину и только сказал:

– Дайте часок поспать.

3

Зимнее утро, разбежавшееся во всю морозно-солнечную пруть, катило по городским улицам. На дворе минусовало. В суде было, может, на градус выше и то только от того, что там постоянно

сновали люди. Мать Константина, вся бледная после бессонной ночи, подплыла к адвокату:

- Так и не объявился, чертенок!
- Это вы его слишком мягко.

Дверь судейского кабинета приоткрылась и, увидев в глубине комнаты породистый профиль судьи, адвокат толкнул вперед мать Костика, сам ступив следом.

Мать затараторила прямо с порога, выкладывая все как бы и начистоту и как бы - нет. Адвокат прятался за ее огромную шапку и дубленку. На крайний случай в его голове уже сложилась оправдывающая негодника речь. Мать тем временем показывала судье номера телефонов - милиций, больниц, куда звонила, разыскивая все выходные сына, возбужденно взмахивала руками, охала.

Судья втянул шею в плечи.

Не давая вставить ему и слова, мать заламывала руки, хваталась за бок, сжимала голову... «Вот кого надо засылать к судье, а не самому канючить под дверью». Оказавшись за дверью суда, адвокат, похлопав мамашу по плечу:

- Вы укротительница львов!

Та позволила судье лишь вымолвить: «Что ж, ищите сына сами. Тогда и назначим дело...». А открой рот адвокат? На него бы посыпалось: вы не уважаете суд, я вам пошел навстречу, вы наплевали мне в душу... Вот сейчас отменю свое решение, и этого Константина привезут ко мне в наручниках!

Адвоката и раньше обманывали, подставляли, и у него уже выработался рефлекс на неблагонадежных клиентов, но он не мог объяснить, почему не раскусил Константина. Тягостная мука привоздила адвоката к постели: мало того что свое здоровье подорвал, но и в компенсацию ничего не получил.

Но через пару дней в уши адвоката проник kloчочущий из телефонной мембраны голос:

- Дома... Сидит... Я так и чувствовала, что деваха врет - он был у нее, в Ростове.

- Амуры - самый сильный наркотик! - вырвалось из сердца адвоката и он проговорил: - Теперь пусть сам идет к судье и объясняется.

- А если тот его там же и закроет? - спросила Костина мамаша и не дождалась ответа.

Судебное слушание назначили на среду.

Накануне Костик снова исчез: кто-то позвонил ему днем, и вот приближалась уже ночь, а дома его не было.

4

На исходе сил, не ощущая холода, не чувствуя температуры своего тела, уже не желая ничего, адвокат одеревенело подпирал стену в судейском коридоре и даже не шелохнулся, когда Костик появился в проходе. Его за локоть держала молодка с пятнистым, красноватым, словно после боудна, лицом.

- У нее был... В зону собирался... - проговорила мать Костика, выглянувшая из-за спин молодых.

На ходу повторили объяснение Костика, отрететировали ответы на возможные вопросы. Стали уговаривать мужика, которому Костик расквасил лицо, простить парня. Мужичок топтался на месте, поглядывая на гром-бабу, свою супругу, запросившую непомерную компенсацию морального ущерба.

Адвокат взял хитростью. Отозвав в сторону мужичка, уговорил его подписать прощающую Костика бумагу, а когда началось судебное заседание, предваряя показания потерпевшего, сунул судье листок. Толстуху устранил иначе: позвонив с телефона-автомата в канцелярию суда, представился коллегой толстухи и потребовал от нее срочно прибыть на работу, что та, как дисциплинированная сотрудница, и сделала.

Судья не стал ждать свидетельницу и вынес спасительное для Костика решение: штраф... Костик остался на свободе. А то, что на нем повисла еще одна судимость, это было всего лишь мелочью в его биографии.

Счастливыми вывалили на крыльцо Костик и его мать. Та, еще не веря, что сына не посадили, разглядывала его взмокшее от волнения лицо. Рядом плакала молодка.

- Простите меня за все... - повернулся к адвокату Константин.

- Прощу, когда сами понимаете... - проговорил адвокат, представляя, какая сумма денег теперь должна оказаться у него в руках.

Рисунок Леонида Насырова

- А мы поиздержались! - заговорила молодка. - У нас новая семья!

- Им на первое время надо столько денег... - поддержала ее мать, протягивая адвокату бутылку водки. - Вот все, что мы можем.

Плюясь и ругаясь на чем свет стоит, адвокат спустился с порожек суда. Его кинули в который раз, бросив, как собаке обглоданную кость, бутылку водки, от которой он в порыве возмущения отказался. А он еще хотел когда-то раскошелиться на презент для судьи! Вот влип бы...

Сев в трамвай, забился в задний угол, натянул на нос шапку. При приближении кондуктора насупись. А та, обозвав его бомжем, развернулась и пошла в начало вагона. Несколько дней адвокат ждал, что ему позвонит мать Костика, и он уже не откажется и от бутылки водки, позвонят Костик с молодкой и хоть словесно отблагодарят, следил за всеми накатывающимися праздниками, надеясь получить принимаемые когда-то по таким дням подарки, но тщетно... В его карманы не перекечвало ни гроша.

Федоров Михаил Иванович, член Воронежской областной коллегии адвокатов, руководитель адвокатского бюро, член Союза писателей России.

АДВОКАТСКИЙ ОБЕРЕГ

Оберег – талисман, ладанка, привеска от глаза, от огня, воды, змеи, падежа, порчи свадеб, болезней и прочее.

Владимир Даль

Ночные звонки всегда оглушительно громки и тревожны. Это пришлось узнать моему давнему другу – адвокату Роману Петровичу Звягину нынешней весной. Звонил сосед по даче: «В твоём доме вроде бы дверь приоткрыта. Как бы непрошенные гости не побывали».

Наутро, прихватив кой-какой инструмент, прикупив на ближайшем рынке новый замок, Роман с племянником на автомашине отправились в путь. Вот и дача. Издали видно – дверь в дом приоткрыта. Внимательно оглядели забор. Вот сетка примятая. Похоже, здесь перелезали.

В доме обнаружился явный беспорядок, все перевернуто, переворощено. «Гости», видимо, работали не спеша, основательно. На диване в кучу сложены настенные тарелки – их адвокат многие годы коллекционировал (Россия, Кипр, Америка...), рядом – на-

лее приличного нет. Выпейте, закусите. Прошу вас – не ломайте, не крушите все подряд». И подпись.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил племянник. – Ничего не тронули! Что же их остановило?

На тумбочке в кухне, как обычно, стояла незатейливая деревянная хлебница, явно сделанная в единственном экземпляре. Она почему-то была открыта. Роман шагнул к тумбочке и тут его осенило. Он позвал племянника:

– Вот почему они ничего не взяли!

На распахнутой стороне крышки было аккуратно выжжено: «Роману Звягину от благодарных сидельцев Самарского УИИ». И замысловатая подпись. Ведь несколько лет назад он ездил по адвокатским делам в одну из колоний Самарской области. Там отбывал наказание его старый «клиент», для которого прокурор, помнится, требовал 14 лет, а ему удалось добиться преквалификации обвинения, в результате суд снизил наказание до семи лет. А в зоне у бывшего подопечного проснулся некий дар, и он решил принять участие во Всероссийской вы-

Рис. Леонида НАСЫРОВА

стенные часы, вазы, письменный прибор и прочая мелочь. На полу – завернутый в одеяло телевизор, хоть и не новый, но японский. Что же или кто помешал злоумышленникам вынести собранное добро?

Племянник прошелся по комнатам.

– А ведь ничего не взяли! – удивился он.

Снова спустились на первый этаж – в кухню, на веранду. И тут все в наличии: лыжи, зимняя обувь, куртки, посуда, пылесос, мангал, газовый баллон ценою в полтыщи, хозяйственные сумки... И опять ничего, ну абсолютно ничего не похищено.

Открыл мой друг холодильник и застыл от удивления. Там стояла непотая бутылка водки и несколько банок консервов. Осталась и записка на кухонном столе, которую то ли в шутку, то ли в предвидение именно такого случая он собственноручно написал еще осенью, отъезжая в город: «Господа воры! В доме ничего бо-

ставке художественных поделок, изготовленных зеками. Тогда-то и появилась эта хлебница. И вот когда адвокат оказался в колонии, мастер-зек подарил ее своему защитнику с дарственной надписью.

Конечно, всего этого не знали и не могли знать воришки. Но скорее всего, им было известно, кто скрывался за надписью на крышке хлебницы. Поняли и то, кто хозяин дачи. И на всякий случай не позволили себе ничего взять. И другим наказали. Хотя не одну неделю дверь на дачу была приоткрыта, больше никто не решился войти в дом.

Вот такой оберег защитил адвоката. Все в этой истории правда. Только фамилию друга я изменил. Как-никак, адвокатская тайна неприкосновенна!

Валентин ШАРОВ

Главный художник Анна Труханова, корректор Наталья Банник

Компьютерная верстка, допечатная подготовка и печать АО «Московские учебники и Картолиитография». 125252, Москва, ул. Зорге, 15. Тел.: (095) 943-2395
При перепечатке ссылка на журнал «Российский адвокат» обязательна. Тираж 30 000 экз.

ТЕЛЕФИЛЬМ О ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ И МЕДАЛИСТАХ

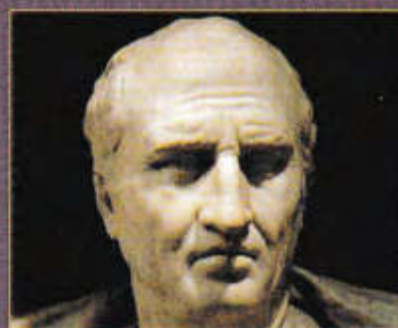
Вот уже более семи лет у адвокатского сообщества России есть собственный знак отличия – Золотая медаль имени Ф. Н. Плевако. К нашим дням ее удостоились более 70 адвокатов из 25 регионов страны. Среди них такие всемирно известные правозащитники, как Софья Каллистратова и Семен Ария, Борис Золотухин и Михаил Гофштейн. А недавно молодые телевизионщики из компании ИТВ решили поведать широкой публике как о самой награде, так и о тех, кто ее учредил и удостоен. Продюсер Ирина Некрасова со товарищи сняла документальный фильм «Первые среди равных», скоро он будет показан на канале ТВЦ и в региональных телепрограммах. Высшая награда российских адвокатов, как сообщают авторы фильма, учреждена в начале 1996 года Гильдией российских адвокатов и 7 апреля 1997 года внесена в Государственный геральдический реестр.

На снимках: интервью у актера Андрея Соколова, сыгравшего роль адвоката в телесериале «Линия жизни» и также удостоенного адвокатской награды;

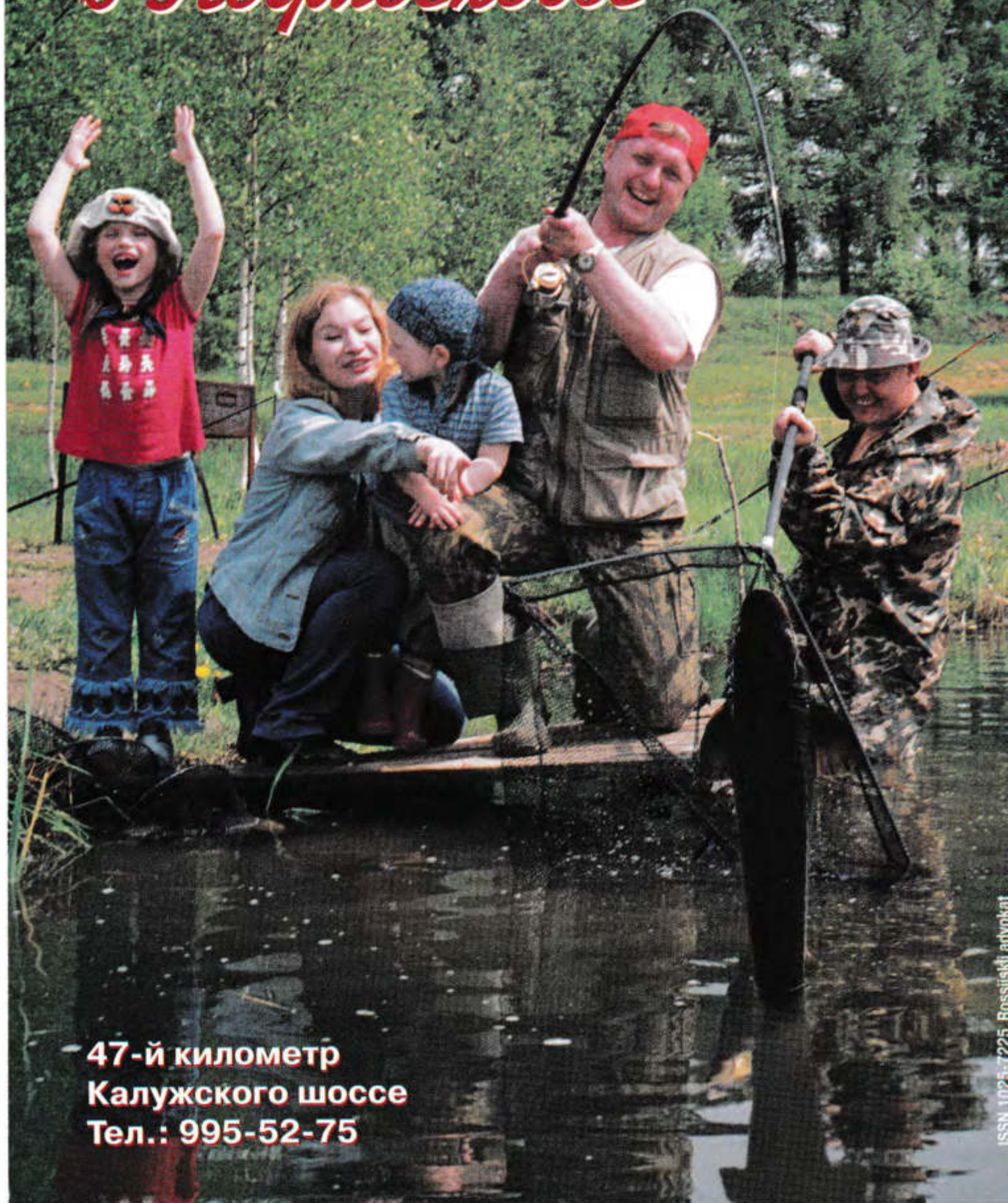
во время рабочего просмотра фильма;

кадры из телефильма «Первые среди равных»

Фото Александра КАРЗАНОВА и
Виктора ДОЛГИШЕВА

Сказочная рыбалка в Подмоскowie

47-й километр
Калужского шоссе
Тел.: 995-52-75